

Олистер Маклин

**корабль
его
величества
„УЛИСС“**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СССР**

ALISTAIR MACLEAN

H. M. S.
ULYSSES

COLLINS
ST. JAMES'S PLACE, LONDON

Олистер МАКЛИН

КОРАБЛЬ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
„УЛИСС“

РОМАН

Сокращенный перевод с английского

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Москва — 1968

И(Англ.)
М15

Маклин О.

М15 Корабль его величества «Улисс». Роман. Сокращенный перевод с английского В. Анохина и А. Чиркова с предисл. капитана 2 ранга Т. Белашенко, М., Военное издательство, 1968.

288 с. 100 000 экз. 92 коп.

В основу сюжета романа английского писателя Олистера Маклина положены действительные факты, относящиеся к судьбе англо-американского конвоя, направлявшегося летом 1942 года из Англии в Мурманск.

В яркой художественной форме автор повествует о том, как из-за неблагоприятных действий заправил английского адмиралтейства погиб крупный конвой. С большим мастерством и искренностью в романе вырисованы образы простых английских моряков, не жалевших сил, чтобы оказать помощь мужественно сражавшемуся с врагом советскому народу.

7-3-4

00-68

И(Англ.)

ЗА ЧТО ПОГИБЛИ МОРЯКИ КРЕЙСЕРА „УЛИСС“

(Вместо предисловия)

Книга английского писателя Олистера Маклина «Корабль его величества «Улисс» — произведение беллетристическое. Все действующие лица романа и сам крейсер «Улисс» — всего лишь плод творческой фантазии писателя. В кратком авторском вступлении Маклин, во избежание возможных недоразумений, специально оговаривает, что «между кораблем его величества «Улиссом», которому посвящено его произведение, и каким-либо подлинным кораблем британского флота, а также и между другими действующими в романе кораблями и их «тезками» во флоте Великобритании нет ничего общего».

Тем не менее роман Маклина представляет интерес прежде всего не как художественное, а как публицистическое произведение исторического плана, повествующее о событиях, весьма похожих на те, которые имели место в годы второй мировой войны. В частности, об истории проводки конвоев с военными грузами из США и Англии в северные порты Советского Союза — Архангельск и Мурманск.

История, описанная в романе «Корабль его величества «Улисс», схожа с трагической судьбой одного англо-американского конвоя, направлявшегося летом 1942 года в наши северные порты. Судьба эта не только трагична, но и поучительна. И хотя многое в ней и по сей день окутано завесой тайны, главное сейчас уже не составляет секрета. Вот вкратце существо этого неприглядного дела.

Союзный конвой под условным индексом PQ-17 вышел из Хваль-фиорда (Исландия) 27 июня 1942 года. Он со-

стоял из 37 транспортов (три из них вскоре возвратились в порт) и 21 корабля охранения. Кроме непосредственного охранения конвой прикрывался двумя большими группами боевых кораблей: силы непосредственной поддержки состояли из эскадры крейсеров (два английских и два американских крейсера), а в группе прикрытия — отряд из двух линейных кораблей, одного тяжелого авианосца, двух крейсеров и девяти эскадренных миноносцев. Силы охранения, поддержки и прикрытия были более чем достаточны для того, чтобы отразить удары любых имевшихся у противника на этом театре сил и средств нападения.

Большую часть своего долгого пути конвой прошел благополучно, хотя и был дважды обнаружен немецкой авиацией и подводными лодками. Но в ночь на 4 июля противник нанес по нему первый удар — самолетами-торпедоносцами с норвежских аэродромов. Налет был отражен довольно успешно, противнику удалось повредить только одно судно, которое затем было потоплено кораблями охранения, чтобы не связывать конвой. В середине того же дня фашистская авиация совершила второй налет и добилась уже более серьезных результатов, потопив три транспорта. Положение стало осложняться. Конвой был тихоходным, неманевренным. Немцы не выпускали его из виду. Каждую минуту можно было ожидать с их стороны новых ударов. И они не замедлили последовать. Гитлеровское командование бросило против конвоя свою ударную силу в Северной Атлантике — линейный корабль «Тирпиц». Судьба конвоя была на волоске. Спасти его могли только быстрые действия высшего военно-морского командования союзников, в первую очередь британского адмиралтейства. Мощные силы прикрытия находились сравнительно недалеко, и получи они приказ действовать — конвоем было бы нечего опасаться. Вместо этого адмиралтейство сделало совершенно невероятный ход — приказало кораблям охранения оставить конвой, а транспортам и танкерам «самостоятельно пробираться в советские порты». Иными словами, был брошен панический клич: «Спасайся кто как может!» И здесь началось страшное. Брошенные на произвол судьбы, многие тихоходные транспорты и танкеры стали легкой добычей гитлеровских подводных лодок и авиации. Произошло это еще до подхода конвоя к границам советской операционной зоны. Советское коман-

дование о приказе адмиралтейства ничего не знало и поэтому смогло оказать помощь лишь отдельным судам.

Необъяснимый для каждого здравомыслящего человека приказ адмиралтейства привел к трагическому концу — из 34 судов, находившихся в составе конвоя PQ-17, до места назначения дошло только 11. Как указывается в изданной в 1959 году «Истории британского военно-морского флота»¹, в морской пучине погибло более 122 тысяч тонн важнейших грузов, столь необходимых в тот период Советским Вооруженным Силам, — горючего, вооружения, боеприпасов, снаряжения. Погибли и сотни английских и американских моряков.

Конечно, потери на войне неизбежны. Морские перевозки в военное время чреваты всякими неожиданностями и зачастую очень опасны. В них, случается, гибнут корабли, грузы, люди. Но разгром конвоя PQ-17 никак нельзя отнести к категории неизбежных военных потерь. Тут дело особое. Об истинных мотивах действий, которыми руководствовались в этом случае английские и американские адмиралы, долгое время знала лишь очень небольшая группа лиц в Лондоне и Вашингтоне. И только через несколько лет завеса секретности чуть-чуть приподнялась. За ней скрывалась чудовищно грязная, неприглядная история.

Конвой PQ-17 был умышленно принесен в жертву руководством британского адмиралтейства и лично премьер-министром Англии Уинстоном Черчиллем, знавшим об этой операции и благословившим ее. Английские военноморские стратеги пытались использовать этот конвой в качестве приманки, «жирного куска» для того, чтобы выманить в море немецкий линкор «Тирпиц».

Этот крупнейший боевой корабль гитлеровского флота был переброшен немецко-фашистским командованием в Северную Атлантику с целью действий на коммуникациях, ведущих в арктические порты Советского Союза. Вместе с другими кораблями, в частности с линкорами и крейсерами, которые при довольно туманных обстоятельствах смогли вырваться из бложированного англичанами французского порта Брест и среди бела дня, под самым носом у английского флота, авиации и береговых батарей прой-

¹ M. Lewis. „History of the British Navy“, London, 1959, p. 234.

ти через Ла-Манш, «Тирпиц» должен был стать решающей силой по срыву перевозок союзников в северной зоне Атлантического океана. Гитлеровцы придавали этим операциям огромное значение. Они стремились любой ценой ухудшить положение Советского Союза, создать для нас невыносимые условия ведения борьбы.

Иными глазами смотрели на обстановку английские и американские руководители. Для них уход немецко-фашистских кораблей из центральной части Атлантики был в тот период известным облегчением. Гитлеровские рейдеры, брошенные для срыва перевозок из США в Англию, создавали огромные трудности на англо-американских коммуникациях. Главным логовом гитлеровских надводных кораблей, действовавших в этом районе, был Брест. И нет ничего удивительного в том, что союзники позволили наиболее опасным кораблям гитлеровцев перейти отсюда на другой театр, — руководители британского адмиралтейства и их коллеги из Вашингтона рассчитывали на то, что с уходом фашистских линкоров и крейсеров из Бреста положение в Центральной Атлантике станет для них более благоприятным. Что же касается безопасности морских коммуникаций, ведущих в северные порты СССР, то это в Лондоне считалось вопросом не столь существенным. Более того, на высших постах в штабах союзников было немало лиц, относившихся крайне отрицательно к вопросам помощи Советскому Союзу и пытавшихся любой ценой сорвать эту помощь. «В ту пору, — признается в изданном военным ведомством США в 1945 году официальном пособии «Человечество в войне», — наибольшую важность представляли пути, ведущие из Америки в Англию, а также коммуникации союзников в Тихом океане и на Средиземном море, и поэтому для конвоев, идущих в северные порты России, можно было выделить лишь немного торговых судов и совсем мизерное количество кораблей охраны»¹.

В дальнейшем события сложились совсем не так, как планировали английские и американские политические и военные руководители. Провалились гитлеровские планы молниеносного разгрома Советского Союза. Весь советский народ поднялся на героическую борьбу. Наша армия

¹ „The World at War. 1939—44. A Brief History of World War II“, Washington, 1945, p. 145.

и флот наносили удары по хваленым немецко-фашистским войскам. На советско-германском фронте оказались скованными лучшие силы гитлеровской Германии, нашли свою гибель отборные дивизии врага. Здесь решалась судьба Европы и всего мира. Здесь был главный фронт войны. Правящие круги и военное командование США и Англии были вынуждены серьезно переоценить ценности, пересмотреть свои планы. И хотя в высших сферах западных союзников сохранялись очень сильные антисоветские тенденции, ход событий заставлял англо-американское руководство укреплять контакты с Советским Союзом. В этот период арктические коммуникации, ведущие из США и Англии к нашим берегам, становятся одними из самых важных. И здесь англо-американским военноморским руководителям пришлось стать в какой-то мере жертвами собственной недальновидной политики. Выпущенные ими в Северную Атлантику гитлеровские корабли стали теперь для них буквально дамочным мечом. Особенно опасен был «Тирпиц», обладавший мощной артиллерией и тяжелой броней и превосходивший по своим возможностям английские и американские корабли на театре. Перед англо-американским командованием встала проблема: каким путем избавиться от «Тирпица»? Борьба с ним было очень трудно, поскольку немецкое командование тщательно оберегало этот корабль, выпуская его в море только тогда, когда было уверено в его полной безопасности.

И тогда британское адмиралтейство задумало секретнейшую операцию, целью которой было выманить «Тирпиц» в море под удар превосходящих англо-американских сил. Важное место в этой операции отводилось конвою PQ-17. Его уделом была роль приманки для немецкого линкора. С этой задачей и вышли корабли конвоя в свой бесславный путь. Бесславный потому, что из затеи английских стратегов ничего не вышло. Конвой погиб почти полностью, погибли корабли и крайне важный для Советского Союза груз. В холодных арктических водах нашли свой конец сотни английских и американских моряков. А «Тирпиц» сумел тогда ускользнуть. Из-за плохой работы английской военно-морской разведки выход его из базы своевременно обнаружен не был, посланная в засаду англо-американская эскадра наводилась на корабль из рук вон плохо, а в последний момент и вовсе «ввиду неясности

обстановки» ушла из района патрулирования. Все это привело к созданию сложнейшей ситуации: брошенный на произвол судьбы, никем не прикрываемый конвой RQ-17 должен был неминуемо погибнуть. Никем не перехваченный «Тирпиц» свободно выходил на беззащитные корабли.

Спасла положение советская подводная лодка «К-21» под командованием Героя Советского Союза Н. А. Лунина. Перехватив немецкий линкор, она нанесла по нему торпедный удар, серьезно повредила его и заставила гитлеровцев отказаться от дальнейших операций против конвоя.

Такова правда о напрасной гибели конвоя RQ-17, правда о темных делах англо-американского командования и правящих кругов, многие из представителей которых занимались действиями, не имевшими ничего общего с выполнением союзнического долга в отношении СССР, и любыми средствами пытались ослабить нашу страну и ее Вооруженные Силы.

Бывший в ту пору командующим Северным флотом, ныне покойный, адмирал А. Г. Головкин в своих воспоминаниях так характеризует действия британского адмиралтейства и всю «мрачную, тягостную, не имеющую никаких уважительных объяснений и никаких оправданий» историю с конвоем RQ-17:

«Трагическая судьба RQ-17 — логическое следствие традиционной британской политики. И все-таки поведение английского командования в истории с конвоем настолько не укладывается в рамки союзнических отношений, что просто диву даешься... Судьба 17-го конвоя была предрешена задолго до его отплытия из Исландии: ему надлежало стать крупной приманкой для «Тирпица», которого в британском адмиралтействе смертельно боялись... Судьба 34 транспортных судов, их людей и грузов, предназначенных для Советского Союза, не интересовала организаторов охоты, им было важнее соблазнить «Тирпица» легкой добычей, заманить его подальше от укрытия, затем навалиться превосходящими силами и уничтожить»¹.

Небезынтересно, что в оценке действий английского командования в деле с конвоем RQ-17 адмирал А. Г. Головкин в своих мемуарах ссылается и на книгу Маклина «Корабль его величества «Улисс», в частности, на имею-

¹ А. Г. Головкин. «Вместе с флотом». Воениздат, 1960, стр. 104, 115.

щиеся в ней авторские примечания о судьбе этого конвоя, замыслах адмиралтейства и об ударе по «Тирпицу» советской подводной лодки «К-21».

Предлагаемый вниманию советского читателя роман Олистера Маклина повествует, если верить его автору, не о конвое PQ-17. Это не исторический очерк, не хроника, а художественное произведение. Маклин даже делает сноску, где рассказывает о судьбе 17-го конвоя, чтобы тем самым подчеркнуть, что он рассказывает не об этом, а о «каком-то другом» случае. И все же роман «Корабль его величества «Улисс» во многом историчен, очень многое в нем взято из тех июльских дней, когда в холодных водах Северной Атлантики метались и гибли брошенные на произвол судьбы английскими горе-стратегами суда конвоя PQ-17.

Читая роман Маклина, невольно проводишь параллели между описываемой им судьбой конвоя FR-77, во главе которого идет крейсер «Улисс», и тем, что произошло с PQ-17. Конвой FR-77 тоже идет из Исландии с важными грузами в северные порты Советского Союза. В составе его транспорты и танкеры. Маршрут следования почти тот же, что и путь, которым шел PQ-17. Он подвергается таким же ударам, несет такие же потери. И, что самое существенное, британское адмиралтейство уготовило ему такую же участь, что и PQ-17, — он должен сыграть роль подсадной утки, роль жертвенной фигуры в ненадежном, обреченном на неудачу гамбите с гитлеровским командованием. Одинаково место действия, одинаково время, одинаковы участники.

В близости трагической истории, описываемой Маклином, к тем фактам, которые действительно имели место летом 1942 года, фактам позорным и двурушническим, — одно из серьезных достоинств романа «Корабль его величества «Улисс». Маклин стремится более или менее объективно показать закулисные махинации британских политиков, полное пренебрежение своими союзническими обязанностями. На лучших своих страницах Маклин правдив и честен, откровенен и реалистичен.

В романе довольно удачно обрисованы некоторые стороны жизни английского флота, даются портреты моряков, показываются их взаимоотношения. Запоминаются страницы, где Маклин рассказывает об одном из высших руководителей британского адмиралтейства, бездушном по-

литикане и интригане вице-адмирале Винсенте Старре. Сильно написан эпизод, где моряки крейсера «Улисс» узнают об учиненном в отношении их предательстве, о том, что их хладнокровно обрекли на гибель. К безусловным достоинствам романа можно отнести и то, что Маклин, хотя порой и с оговорками, но довольно объективно говорит и о бесправии английских матросов, и о произволе со стороны офицеров. В этом отношении показательны уже первые страницы романа.

К реалистическим и запоминающимся страницам относится и отвратительная история, «героем» которой является бездушный садист и преступник младший лейтенант Карслейк. Во время уборки паравана у одного матроса рука попадает в барабан лебедки. Человеку грозит гибель. Находящийся рядом матрос Ралстон включает ножной тормоз. Человек спасен, но сгорел электромотор лебедки. Этого достаточно, чтобы Карслейк с кулаками ринулся на Ралстона.

Но конечно, Маклин, буржуазный писатель, не может быть до конца последовательным в своем отношении к описываемым событиям, к действиям своих героев. Где-то он скатывается с реалистических позиций на полуправду, о чем-то недоговаривает, что-то приукрашивает. И тогда на смену убедительным и запоминающимся картинам приходят сусальные картинки и псевдо-героическая ложь в стиле солдатских катехизисов прошлого.

Взять хотя бы историю с приказом «Спасайся кто как может!». В случае с конвоем PQ-17 этот приказ сыграл решающую роль. Судам конвоя было предложено рассредоточиться и идти в советские порты самостоятельно, а кораблям охранения отойти на запад. Маклин же решает «подправить историю». В его романе поддержку конвоя FR-77 не оказывают только силы прикрытия. Корабли же охранения выполняют свой долг до конца. В труднейших условиях крейсер «Улисс» и другие корабли охранения отважно сражаются с превосходящими силами противника и героически гибнут один за другим в неравном бою. Сам «Улисс» вступает в поединок с крейсером типа «Хиппер». И как ни старается Маклин в этом эпизоде поярче описать подвиг корабля, читатель остается равнодушным — слыхом уж похож бой на лубочную картинку: смертельно раненный крейсер с развевающимся на ноке реи флагом мчится вперед на врага и, разбитый прямым попаданием

тяжелого снаряда, горя и разламываясь, с бешено вращающимися винтами уходит под воду.

Конечно, автор художественного произведения, даже если он пишет и о подлинных фактах истории, всегда имеет право на литературный домысел, на какое-то обобщение. Он вправе что-то опустить или добавить, что-то даже приукрасить или, наоборот, ослабить. Но если писатель хочет остаться верным исторической правде, он не должен искажать ее. К сожалению, это существенное требование Олистер Маклин соблюдает далеко не всегда. И делает он это, разумеется, не случайно.

Нельзя не отметить и другой существенный недостаток романа «Корабль его величества «Улисс», недостаток уже не исторического (хотя и исторические вольности Маклина тоже имеют явную политическую направленность), а социального плана. Речь идет о том, как Маклин рисует характер взаимоотношений между представителями различных классов в английском флоте, в частности на крейсере «Улисс».

Всем ясны те подлинные основы, на которых строятся взаимоотношения между командным составом и рядовыми в вооруженных силах любого буржуазного государства. Эти отношения, прежде всего, классовые. Матросы и офицеры в армиях империалистических государств — почти всегда представители антагонистических классов. Отсюда и неравенство, и взаимная неприязнь. Английский флот в этом отношении не является исключением. Наоборот, на этом флоте, пожалуй, сильнее, чем где бы то ни было, проявляются и кастовость офицерской клики, и ее барское пренебрежение к «нижней палубе», к матросам.

Олистер Маклин в своем романе не раз затрагивает проблему взаимоотношений между офицерами и матросами на английском флоте. Он знакомит читателя не только с Карслейком. Под стать этому негодяю начальник корабельной полиции «Улисса» тупой солдафон и садист Хастингс. Правдив образ холодного, высокомерного и бездушного адмирала Старра. Типичен недалёковидный и апатичный командир соединения Тиндэл. И все же автор стремится убедить читателя в том, что большинство офицеров на английском флоте — люди иного склада. Карслейки, хастингсы, старры, тиндэлы, говорит он, типичны, они есть и будут. Но не они делают погоду.

В подтверждение этого тезиса Маклин рисует целый ряд образов совсем иных офицеров — талантливых, храб-

рых, а самое главное — добрых и отзывчивых. Настоящие отцы-командиры. Внешне грубоватые и даже суровые, но с золотым сердцем. Таков командир крейсера «Улисс» Вэллери. Таковы и многие другие офицеры корабля — старший помощник Тэрнер, штурман Карпентер, корабельный врач Брукс и его помощник Николас, старший механик Додсон. Таковы и офицеры других кораблей, капитаны транспортов конвоя.

Никто, конечно, не возьмет на себя смелость утверждать, что все без исключения офицеры английского флота, особенно в годы минувшей войны, были карслейками или старрами. В вооруженных силах Англии, как и в других буржуазных странах антигитлеровской коалиции, сражавшихся против гитлеризма, была в ту пору известная часть честных, добросовестных, преданных общему делу офицеров. Эти люди пользовались авторитетом у своих подчиненных, а кое-кого матросы и солдаты, может быть, уважали. Но даже в те особые годы в вооруженных силах США и Англии, а тем более в таком привилегированном виде вооруженных сил, как английский флот, подобных людей всегда было намного меньше, нежели тех, кого мы с полным основанием называем офицерской кликой, полностью оторванной от рядового состава, от народа. И уж если говорить о правиле и исключениях применительно к флоту Англии, то на нем правилом всегда были и есть старры и карслейки. В этом нет никакого сомнения. Это знает и Маклин. И несмотря на это, он пытается убедить читателя в обратном.

Взять хотя бы созданный им образ командира «Улисса». Пожилой, уравновешенный, чуждый позы и рисовке, смертельно уставший и больной, но беспредельно храбрый и верный своему делу — таким рисует этого офицера Олистер Маклин. Но и все эти качества не исчерпывают его характеристики. Вэллери у Маклина подлинный отец-командир, готовый на все ради матросов. Он, не задумываясь, ставит на карту свою карьеру и репутацию, защищая перед адмиралом Старром кочегаров — зачинщиков бунта. Совершенно больной, он находит в себе силы спуститься в артиллерийский погреб и подбодрить матросов. На протяжении всего романа он внимательно следит за судьбой матроса-сироты Ралстона, неоднократно беседует с ним и всячески защищает от несправедливых нападок лейтенанта Карслейка.

Как и положено у авторов подобного рода, матросы крейсера души не чают в своем отце-командире. Грубые и скупые на слова кочегары при первом же удобном случае, не задумываясь, отдают за своего «старика» жизнь и перед смертью еще раскаиваются в совершенном ими бунте. Матросы, замурованные в артиллерийском погребе, тоже не задумываясь, открывают там клапан орошения и героически идут на смерть, раз «так сказал командир». В общем, полный набор трафаретных проявлений «матросской благодарности к отцу-командиру».

Советские люди знают, что в годы второй мировой войны, когда народы стран антигитлеровской коалиции совместно сражались против общего врага, вооруженным силам наших западных союзников пришлось тоже испытать немало трудностей. Среди английских и американских моряков были мужественные люди, верившие в правоту своего дела и не жалевшие сил в борьбе с врагом. И мы отдаем им должное. Но разве может идти хоть в какое-нибудь сравнение то, что перенесли жители США и Англии, английские и американские солдаты и матросы, с величайшими испытаниями, выпавшими на долю народов и воинов Советского Союза! Английским и американским морякам не раз приходилось переносить тяжелые испытания. Но они измерялись днями, неделями. А потом корабль уходил в базу. Люди там отдыхали, нормально питались. В тех боях и походах, которые выпадали на долю кораблей союзников, личный состав обычно не нес большого урона. В изданной в США «Истории американского военно-морского флота» указывается, например, что за весь 1942 год торговые корабли США потеряли 3200 человек¹. Что значит эта цифра в сравнении с сотнями тысяч ленинградцев, в том числе солдат Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота, которые отдали свою жизнь в этом тяжелом году. Какими способами можно измерить испытания, выпавшие на долю наших солдат и моряков на полуострове Рыбачий, на Карельском или Волховском фронтах, когда они месяцами жили в снегах и болотах, шли через полузамерзшие топи, не знали отдыха ни днем ни ночью! А героические защитники Сева-

¹ Alden „The U. S. Navy, A History“, Washington, 1943, p. 437.

стополя и Одессы, герои Смоленска и Новороссийска, безымянные защитники тысяч безымянных высот!

Ограниченность взглядов Олистера Маклина, узость его писательского и человеческого горизонта серьезно обедняют роман «Корабль его величества «Улисс», снижают его литературную и познавательную ценность.

Буржуазный писатель Олистер Маклин не мог, да, разумеется, и не хотел сказать всей правды о делах английского флота в годы второй мировой войны, о бесчестии и даже предательстве, которыми были отмечены некоторые действия британского адмиралтейства в отношении Советского Союза и наших Вооруженных Сил. И тем не менее роман Маклина говорит о многом. Писатель не побоялся в главном сказать правду. В этом ценность его произведения. В основе романа лежит реальное событие, описанное с безусловным мастерством. И оно бьет, больно бьет по фарисеям и двурушникам из британского адмиралтейства и сфер повыше, по мифу об «истинном джентльменстве» политических интриганов из официального Лондона, приоткрывает завесу над одним из грязных дел англо-американских союзников в годы минувшей войны. Написанные с болью и горечью, такие страницы романа производят сильное впечатление. Советский читатель найдет в книге Олистера Маклина добрые слова о нашем народе, о нашей армии.

Указанное выше позволяет сказать, что роман «Корабль его величества «Улисс» в целом интересное произведение. В нем имеются существенные недостатки, проистекающие из взглядов и классовой позиции автора. Но главное то, что в нем правдивая, реалистическая основа. Читая роман Олистера Маклина, советский читатель отдаст долг мужеству простых англичан и американцев, вновь вспомнит о великих испытаниях, выпавших на долю свободолюбивых народов в годы борьбы с гитлеризмом, о героическом подвиге советского народа.

Капитан 2 ранга Т. Белашенко

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Не спеша, словно обдумывая каждое движение, Старр раздавил в пепельнице остаток сигареты. Как показалось капитану 1 ранга Вэллери, это должно было означать, что разговор окончен. Вэллери знал, что за этим последует, и в какой-то момент резкая горечь поражения заставила его забыть о ноющей головной боли, которая не давала ему покоя все эти дни. Но чувство досады жило в нем только мгновение — он действительно переутомился, причем настолько, что все было безразлично ему.

— Очень сожалею, господа, искренне сожалею, — произнес Старр, слегка улыбаясь. — Поверьте, речь идет не о приказе. Решение адмиралтейства — единственно правильное решение при нынешних обстоятельствах. Ваша неспособность понять нашу точку зрения достойна сожаления.

Старр, помедлив, протянул платиновый портсигар своим четверым собеседникам, сидевшим вместе с ним за круглым столом в адмиральском салоне. Все четверо отрицательно покачали головой, и улыбка снова появилась на лице Старра. Он взял сигарету и положил портсигар в нагрудный карман двубортного серого костюма. Откинувшись в кресле, и улыбка исчезла с его лица. Теперь на рукаве его костюма нетрудно было представить обычные широкие золотые нашивки вице-адмирала Винсента Старра — заместителя начальника оперативного управления.

— Когда сегодня утром я летел на самолете из Лондона, — начал Старр, — я был зол. У меня немало дел.

И мне показалось, что первый лорд адмиралтейства попусту тратит время. И мое, и свое. По возвращении придется извиниться перед ним. Сэр Хемфри, как и всегда, оказался прав.

Голос Старра вдруг утратил силу, и только шелканье зажигалки нарушило воцарившееся напряженное молчание. Старр облокотился на стол и тихо продолжал:

— Будем откровенны, господа. Я думал, и у меня были на то основания, встретить с вашей стороны поддержку и содействие в скорейшем решении этого неприятного дела. Неприятное дело? — Старр усмехнулся. — Нет, нужно называть вещи своими именами. Бунт, господа, — вот правильное название происшедшему. Это тягчайшее преступление. И что же я здесь увидел? — Старр обвел присутствующих взглядом. — Офицеры королевского флота, в том числе и адмирал, одобряют бунт матросов и даже готовы простить им этот проступок.

«Перегибает палку, — подумал Вэллери. — Провоцирует нас. В его словах, в том, как они сказаны, звучит вопрос, на который он требует ответа».

Но ответа не последовало. Все четверо, казалось, были безучастны к словам Старра. Разные по характеру, они в этот момент вели себя одинаково. Сонливые лица, усталые глаза.

— Я вас не убедил, господа? — тихо спросил Старр. — Вы считаете, что я чересчур резок в выражениях? — Он снова откинулся в кресле. — Гм... бунт, — медленно, наслаждаясь каждым словом, произнес Старр. — Да, это слово звучит не совсем приятно, не так ли, господа? Может быть, вы знаете другое слово? — Старр покачал головой, нагнулся вперед, и в руках у него зашуршала шифровка.

— «Возвратился в базу после рейда на Лафотенские острова, — прочитал вслух Старр. — Пятнадцать сорок пять — прошел боновое ограждение; шестнадцать десять — застопорены машины; шестнадцать тридцать — к борту подошли лихтеры с продовольствием и запасами; на разгрузку бочек со смазочным маслом назначена смешанная команда из строевых и кочегаров; шестнадцать пятьдесят — доложено командиру, что кочегары отказались выполнять приказание главного старшины Хартли, затем старшины котельных машинистов Хендри, инженер-лейтенанта Гриерсона и инженер-капитана третьего ранга Додсона; зачинщики, по-видимому, кочегары Райли и Петер-

сен; семнадцать ноль пять — неповиновение командиру корабля; семнадцать пятнадцать — на старшину и главного старшину военной полиции совершено нападение при исполнении ими служебных обязанностей». — Старр перевел взгляд на присутствующих и продолжал: — Каких обязанностей? При попытке арестовать зачинщиков?

Вэллери в знак согласия кивнул.

— «Семнадцать пятнадцать», — продолжал Старр, — матросы прекратили работу, очевидно, в знак солидарности с кочегарами. Никаких насильственных мер не принималось; семнадцать двадцать пять — командир обратился к экипажу по радио, предупреждая о последствиях; приказал возобновить работу; приказ не выполнен; семнадцать тридцать — доложено командующему на борту «Дьюк ов Кумберленд», запрошена помощь».

Старр снова поднял голову и через стол холодно посмотрел на Вэллери.

— Между прочим, почему вы обратились к командующему? Ведь ваши морские пехотинцы...

— Это мой приказ, — резко оборвал Старра Тиндэл. — Разве можно было использовать против матросов морских пехотинцев, которые проплавали вместе с ними два с половиной года? Нет, этого делать было нельзя. На «Улиссе» никогда не было вражды между матросами и пехотинцами, адмирал Старр. Они всегда были дружны... Так или иначе, — сухо добавил Тиндэл, — вполне вероятно, что морские пехотинцы отказались бы выступить против матросов. И не забывайте, если бы мы использовали свою морскую пехоту для подавления этого... бунта, с «Улиссом», как с военным кораблем, было бы покончено.

Старр угрюмо посмотрел на Тиндэла и снова обратился к шифровке:

— «Восемнадцать тридцать — прибыл отряд морской пехоты с «Кумберленда», высадке отряда на корабль не препятствовали; предпринята попытка арестовать шесть — восемь зачинщиков; кочегары и матросы оказали энергичное сопротивление; кровопролитная схватка на юте и в кубриках для кочегаров и машинистов продолжалась до девятнадцати ноль-ноль; огнестрельное оружие не применялось, но два человека убито, шесть тяжело ранено, тридцать пять — сорок легко ранено».

Старр кончил читать и, сложив шифровку вчетверо, резко сказал:

— Что же, господа, возможно, вы и правы. — В голосе Старра прозвучала ирония. — «Бунт» — это не то слово. Пятьдесят раненых и убитых. «Резня» — вот как надо называть происшедшее.

Но ни сами слова, ни тон, которым они произносились, не вызвали никакой реакции. Все четверо по-прежнему сидели с каменными лицами.

Лицо адмирала помрачнело еще больше.

— Мне кажется, господа, что вы неправильно понимаете происшедшее. Вы слишком долго находились в отдалении от мира сего, и вам все представляется в искаженном виде. Нужно ли мне напоминать старшим офицерам, что в военное время личное должно отходить на второй план. Флот, родина — это все, и первое и последнее.

Старр постучал пальцами по столу, как бы подчеркивая важность того, что он изрекал.

— Боже праведный, — произнес он, — на чаше весов судьба всего мира, а вы погрязли в мелочах и самым бесовестным образом подвергаете мир опасности.

Старший помощник командира капитан 3 ранга Тэрнер сардонически улыбнулся.

«Да, красиво говоришь, дорогой Винсент, — подумал он, — красиво. Все это тем не менее очень напоминает сценку из драмы викторианских времен. Самый напряженный эпизод определенно слишком эмоционален. Жаль, что Винсент не член парламента, он был бы находкой для правящей партии в правительстве. Возможно, старик слишком честен для такой роли».

— Зачинщики будут найдены и наказаны. Строго наказаны. — Голос Старра звучал резко. — А пока четырнадцатая группа конвойных авианосцев, как и планировалось, выйдет на randevу в Датском проливе, но не во вторник, а в среду, в десять тридцать. Мы уже послали радиogramму в Галифакс и задержали выход кораблей в море. Вы выйдете в шесть ноль-ноль завтра. — Старр посмотрел на Тиндэла. — Прошу вас, адмирал, немедленно сообщить об этом на все ваши корабли.

Тиндэл ничего не ответил. Его розовощекое, морщинистое, обычно жизнерадостное лицо на этот раз было печальным. Он смотрел на Вэллери, думая о том, какие, должно быть, муки испытывал этот добрый и чувствительный человек. Но выражение лица Вэллери ни о чем, кроме усталости, не говорило. Тиндэл сочно выругался про себя.

— Мне представляется, господа, что говорить нам больше не о чем, — спокойно сказал Старр. — Было бы глупо убеждать вас в том, что вам предстоит увеселительная прогулка. Вы знаете, что произошло с тремя последними конвоями пэ-кью-семнадцать, эф-эр-семьдесят один и эф-эр-семьдесят четыре. Боюсь, что у нас нет пока средств борьбы с акустическими торпедами и планирующими бомбами. Более того, по данным нашей разведки в Бремене и Киле (это подтверждается и недавними событиями в Атлантике), подводным лодкам противника при действиях против конвоев поставлена задача прежде всего наносить удар по кораблям охранения... Может быть, спасением для вас будет погода.

«Старый мстительный дьявол, — подумал Тиндэл, — давай, давай наслаждайся».

— Рискую быть обвиненными в мелодраматизме... — Старр вынужден был остановиться и ждать, пока Тэрнер подавит внезапный приступ кашля, — мы можем сказать, что «Улисс» представляется, так сказать, шанс реабилитировать себя. — Старр отодвинулся от стола. — Потом, господа, можно будет вести речь о переводе на Средиземное море, а пока — проводка конвоя эф-эр-семьдесят семь в Мурманск любой ценой. — Старр снова умолк. В последних его словах явно прозвучала злоба. — Экипаж «Улисса» должен понять, что на флоте никогда не допустят неповиновения приказам, невыполнения служебного долга, бунта и призывов к мятежу.

— Чепуха!

От удивления Старр заерзал в кресле. Пальцы его рук, сжимавшие концы подлокотников, побелели от напряжения. Оглядев присутствующих, он остановил свой взгляд на корабельном враче майоре медицинской службы Бруксе, необычно голубые глаза которого под густыми серыми бровями были полны гнева.

Гнев, охвативший Брукса, заметил и Тиндэл. Увидев покрасневшее лицо доктора, Тиндэл глубоко вздохнул и хотел было вмешаться, но предостерегающий жест Старра заставил его отказаться от своего намерения.

— Что вы сказали, майор? — голос Старра был спокойным.

— Чепуха! — четко повторил Брукс. — Чепуха — вот что я сказал. Вы сказали «Будем откровенны», вот, сэр, я и хочу быть откровенным. «Невыполнение служебного

долга, бунт и призывы к мятежу». Чего вы только не наговорили! Мне кажется, вам нужно было подыскать другие слова. Одному богу известно, какие странные аналогии и умозаключения позволяют вам приравнивать то, что произошло вчера на «Улиссе», к единственному, хорошо известному вам своду правил поведения. — Брукс на какое-то мгновение умолк, и в наступившей тишине все услышали звучную трель боцманского свистка, — видимо, с проходящего мимо корабля. — Скажите, адмирал Старр, — продолжал Брукс, — как, по-вашему, нужно лечить сошедших с ума? Прибегать к порке, как в средневековье? Или, может быть, лучше топить их? Не думаете ли вы, что один-два месяца содержания больного... туберкулезом в карцере — лучший способ излечить его от этой тяжелой болезни?

— О чем, черт возьми, вы говорите, Брукс? — зло спросил Старр. — Причем тут туберкулез? Что вы хотите этим сказать? Объясните. — Старр нетерпеливо постукал пальцами по столу. Дуги его бровей сошлись. — Надеюсь, Брукс, вы дадите объяснение своему грубому выпад.

— Я уверен, что Брукс не хотел никого оскорбить, — вмешался Вэллери. — Он только выражает...

— Прошу вас, капитан первого ранга, — прервал его Старр. — Я думаю, что как-нибудь сам сумею оценить слова Брукса. — Старр деланно улыбнулся. — Итак, продолжайте, доктор.

Брукс спокойно посмотрел на Старра, как бы раздумывая, стоит ли продолжать разговор.

— Объяснить свой грубый выпад мне вряд ли удастся, — сказал Брукс, сухо улыбаясь. Его насмешливый тон, скрытый намек не ускользнули от Старра, и тот слегка покраснел. — Но я попытаюсь объяснить свою мысль, — продолжал Брукс. — Возможно, мне удастся сделать доброе дело.

Несколько секунд Брукс сидел молча, облокотившись на стол и приглаживая рукой густые серебристые волосы. Потом резко поднял голову.

— Когда в последний раз вы выходили в море, адмирал Старр? — спросил он.

— В последний раз? — проворчал Старр. — Почему вас это интересует, Брукс, и какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Самое прямое. Прошу вас ответить на мой вопрос.

— Мне кажется, вам хорошо известно, Брукс, что с начала войны я нахожусь в оперативном управлении штаба военно-морских сил в Лондоне. На что вы намекаете, сэр?

— Никаких намеков. Ваша честность и мужество вне подозрений. Я пытался только установить факт. — Брукс пододвинулся к столу. — Я работаю врачом, адмирал Старр, уже больше тридцати лет. Может быть, я не такой уж хороший врач, не знаком с последними достижениями медицины, но не могу отказать себе в знании людей — скромность сейчас неуместна, — в знании их психологии. «Вы слишком долго находились в отдалении от мира сего, и вам все представляется в искаженном виде» — вот ваши слова, адмирал Старр. Отдаление — значит изоляция, и намек ваш отчасти верен. Но дело в том, сэр, что мир не один. Таких миров несколько. Северное море, Арктика, маршруты в Россию, куда корабли идут затемненными, — все это миры, не похожие на ваш мир. Об этих мирах у вас нет никакого представления. Вы отдалены от нашего мира.

То ли от злости, то ли от изумления Старр крикнул и хотел было что-то сказать, но Брукс снова быстро заговорил:

— Условия там, в нашем мире, ни с чем не сравнимы в истории войн. Конвои в Россию, сэр, — дело совершенно новое. Такого человек еще никогда не испытывал...

Брукс закончил и бросил взгляд через толстое стекло иллюминатора на серые воды и прибрежные холмы бухты Скапа-Флоу. Никто не проронил ни слова.

— Люди, конечно, могут приспосабливаться и приспосабливаются к новым условиям. — Брукс говорил почти шепотом. — Но для этого требуется время, господа, много времени. Человек не может выдержать резких перемен в обстановке. Ни духовно, ни физически. Попытаться, конечно, можно, но очень скоро наступит предел. Заставьте человека перейти этот предел — и может случиться непредвиденное. Я умышленно говорю «непредвиденное», так как не знаю, какую форму примет надлом, а он будет обязательно. Это может быть физический, умственный и моральный надлом. Но одно я знаю наверняка: экипаж «Улисса» заставили дойти до предела и перешагнуть его.

— Это интересно, — скептически заметил Старр. — В самом деле очень интересно и даже поучительно. К со-

жалению, ваша теория, а это не больше чем теория, не обоснована.

Брукс сурово посмотрел на Старра:

— Нет, сэр, это не теория, и я ничего не придумывал.

— Ерунда, чистейшая ерунда, — зло проворчал Старр. — Все совершенно ясно. Ваши аргументы неправильны. — Старр наклонился вперед и поднял указательный палец. — Больших различий между проводкой конвоев в Россию и обычными действиями на море, вопреки вашему мнению, просто не существует. Можете ли вы назвать хотя бы одну особенность, отличающую действия в северных водах от действий в других районах мира?

— Нет, сэр, — невозмутимо ответил Брукс. — Но я хотел бы отметить один факт, о котором часто забывают. Страх — естественное чувство. Но страх может подавить человека. По-моему, нигде это чувство не проявляется с такой силой, как при проводке конвоев в Арктике. Напряжение физических и духовных сил может сломить любого человека. Если люди находятся в напряжении подолгу, иногда по семнадцать дней кряду, если каждый день напоминает им о грозящей опасности, если каждый день тонут корабли и гибнут люди... надо в конце концов понять, что это люди, а не машины. Такое без последствий не проходит. Разве адмиралу неизвестно, что после двух последних походов девятнадцать офицеров и матросов отправлены в больницу, в психиатрическую больницу?

Брукс поднялся на ноги, оперся ладонями на полированный стол. Его гневный взгляд сверлил Старра.

— Голод истощает силы человека, замедляет его реакцию, подавляет волю к борьбе и даже стремление к самосохранению. Вы удивлены, адмирал Старр? Голод. Вы, наверное, думаете, что на хорошо снаряженных и обеспеченных современных кораблях это невозможно? Это не так, адмирал Старр. Вы отправляете конвои, когда сезон плавания в русских водах уже закончился, когда ночи длиннее дня. Людям приходится оставаться на боевых постах по двадцать часов в сутки. И вы думаете, что в таких условиях можно обеспечить людям нормальное питание? Ведь весь персонал камбуза вынужден нести вахту в погребках, у орудий или участвовать в ликвидации повреждений на корабле. И так по несколько недель подряд. На одной сухомятке. — Брукс чуть было не плюнул с досады.

«Говорит, как Сократ, — с радостью отметил про себя Тэрнер. — Задай-ка ему перцу».

Тиндэл одобрительно кивал головой. Только Вэллери чувствовал себя неловко. И не из-за того, о чем говорил Брукс, а из-за того, что это говорил Брукс. Он, Вэллери, был командиром корабля, и ему, а не Бруксу следовало бы говорить об этом.

— Страх, крайнее напряжение сил, голод. — Голос Брукса упал до шепота. — Все это надламывает человека, убивает его.

Знаете ли вы, адмирал Старр, каково приходится людям там, между островом Майен и островом Медвежьим в февральскую ночь? Наверняка не знаете. Знаете ли вы, что такое тридцать градусов мороза в Арктике, когда море еще не сковано льдами? Знаете ли вы, как чувствует себя человек, когда при тридцати градусах ниже нуля с Северного полюса или с Гренландии начинается дуть ветер, пронизывающий до костей, когда палуба корабля покрывается слоем льда весом несколько сот тонн, когда люди постоянно подвергаются опасности обморожения, когда корабль разбивает огромные волны, а брызги обрушиваются на палубу в виде ледяного града, когда даже батареи карманных фонарей не работают из-за низкой температуры воздуха? Знакомо ли вам это, адмирал Старр? — Брукс метал слова, как стрелы. Он бил ими Старра, как молотом. — А знаете ли вы, что значит по нескольку дней подряд не спать? Это тяжелая, мучительная борьба... Каждая ваша мозговая клетка напряжена до предела... Вы находитесь как бы на грани сумасшествия. Знакомы ли вам эти ощущения, адмирал Старр? Это страшнейшая пытка, и человек готов отдать все, лишь бы только иметь возможность забыться и уснуть.

Кроме того, адмирал Старр, усталость. Постоянная нехватка сил. Эти чувства не покидают вас ни на минуту. Отчасти это результат низких температур, отчасти следствие ненормальных условий работы. Вы знаете, как изматывает силы человека пребывание на раскачивающейся палубе в течение нескольких часов, а нашим ребятам приходится быть в таких условиях месяцами. Сильные ветры — постоянный спутник арктических маршрутов. Я могу показать вам десяток молодых людей, превратившихся в стариков.

Брукс резко встал и нервно заходил по салону. Тиндэл и Тэрнер поглядели друг на друга, потом на Вэллери, который разглядывал свои сжатые в кулаки руки. Казалось, что Старр на какой-то момент исчез из салона.

— Это убийственный заколдованный круг, — продолжал Брукс. — Чем короче ваш сон, тем сильнее усталость. А чем сильнее усталость, тем острее вы ощущаете голод. Все это подавляет людей и физически, и морально. Открывает дорогу болезням.

Еще несколько месяцев назад я предчувствовал, что терпение людей вот-вот лопнет. Не раз я докладывал об этом начальнику медицинской службы флота, дважды обращался в адмиралтейство, но действенных мер никто не принял. В ответ мы слышали лишь слова сочувствия: нехватка кораблей, нехватка людей...

Последние сто дней завершили дело. Это были дни кромешного ада. Ни дня отпуска на берег. В порту мы были только два раза — для пополнения боеприпасов. Топливо и продукты принимали в море, с авианосцев. А все остальные дни — холод, скудная пища, опасности и страдания. Бог видит, сэр, — выкрикнул Брукс, — мы же не машины!

Брукс подошел к Старру:

— Мне неприятно говорить об этом в присутствии командира корабля, но ведь каждый офицер, кроме капитана первого ранга Вэллери, знал, что бунт, как вы называете происшедшее, назревал и произошел бы давно, если бы не Вэллери. Такого глубокого уважения экипажа к командиру корабля, такой преданности я не видел, адмирал Старр.

Тиндэл и Тэрнер что-то пробормотали в знак согласия, а Вэллери по-прежнему безмолвствовал.

— Но даже эти чувства не смогли в конце концов удержать людей. Иначе и быть не могло. И теперь вы говорите о наказании, об аресте этих людей. Боже милостивый. С таким же успехом можно повесить человека только за то, что он болен проказой, или сослать его на каторгу за то, что у него язвенная болезнь. Матросы нашего корабля виновны в такой же мере. У них просто не было другого выхода. Неужели, адмирал Старр, вы не в состоянии этого понять?

С полминуты в адмиральском салоне стояла мертвая тишина. Потом Старр поднялся и взял со стола перчатки.

Вэллери в первый раз взглянул на адмирала и понял: Брукс ничего не добился.

— Прошу вас, капитан первого ранга Вэллери, распорядиться принять к борту баржу, и побыстрее. Возьмите полный запас топлива, продовольствия и боеприпасов. Адмирал Тиндэл, желаю вам и вашей эскадре счастливого плавания. Что же касается вас, майор Брукс, то мне понятны ваши доводы, по крайней мере в отношении вас лично. Вы очень устали. Вам нужен отдых. Замена прибывает на корабль сегодня вечером. Прошу вас, капитан первого ранга Вэллери, пройти со мной.

Старр направился к двери, но голос Вэллери заставил его остановиться.

— Одну минуту, сэр, прошу вас.

Старр повернулся к Вэллери. Тот по-прежнему неподвижно сидел за столом. На лице его была едва заметная улыбка. Саркастическая, злая улыбка. И Старр почувствовал себя очень неловко.

— Врач Брукс, — отчеканил Вэллери, — отличный офицер. Он незаменим на «Улиссе». Без него нашему кораблю не обойтись. Я бы хотел просить вас оставить Брукса на корабле.

— Я уже принял решение, — резко ответил Старр. — Полагаю, вам известны те полномочия, которые предоставлены мне адмиралтейством в этом расследовании.

— Так точно, сэр, — ответил Вэллери. — Но, повторяю, без такого офицера, как Брукс, нам не обойтись.

Вэллери сказал это подчеркнуто вежливым тоном, но в словах его сквозила непреклонная решимость. Брукс шагнул вперед и хотел что-то сказать, но Тэрнер опередил его.

— Думаю, меня пригласили на это совещание не в качестве наблюдателя. — Он откинулся в кресле. Взгляд его был устремлен в сторону. — Пришло время и мне сказать пару слов. Я полностью согласен со стариной Бруксом. Каждое его слово — правда.

Старр побелел от злости. Посмотрел на Тиндэла.

— А вы, адмирал?

Тиндэл пристально посмотрел на Старра. Выражение тревоги и беспокойства исчезло с его лица. Еще мгновение назад он думал о том, что его карьере грозит опасность, а теперь вдруг карьера потеряла для него всякое значение.

— Для меня, как командующего эскадрой, важно обеспечить максимальную боеспособность каждого корабля. Некоторые люди действительно незаменимы. Капитан первого ранга Вэллери считает таким человеком Брукса. Я согласен с ним.

— Понятно, понятно, господа. — Лицо Старра покрылось красными пятнами. — Из Галифакса вышел конвой, и мне сейчас не до этого. Но вы допускаете большую ошибку, угрожая адмиралтейству. В Уайтхолле ничего не забывают. Поговорим обо всем после вашего возвращения. До свидания, господа.

Дрожа от холода, Брукс с трудом спустился по трапу на верхнюю палубу. Пройдя мимо камбуза, пошел к лазарету. Из стационара выглянул старший санитар лазарета Джонсон.

— Как наши больные, Джонсон, — поинтересовался Брукс. — Держатся?

Джонсон бросил гневный взгляд на восемь коек и лежащих на них больных.

— Половина их здоровее меня. Посмотрите на кочегара Райли. Сломанным пальцем он листает один за другим журналы «Ридерс Дайджест». Просматривает все статьи по медицинским вопросам и все время требует сульфидин, пенициллин и все новейшие антибиотики. Большинство названий даже произнести правильно не может. Думает, что умирает.

— Тяжелая утрата, — пробормотал Брукс и покачал головой. — А ведь капитан третьего ранга Додсон ценит этого человека... А какие новости из госпиталя?

Выражение гнева на лице Джонсона сразу исчезло.

— Только что получено сообщение, — заявил он, — буквально пять минут назад. Матрос Ралстон умер в три часа.

Брукс сокрушенно покачал головой. Этого искалеченного юношу отправили в госпиталь только для того, чтобы соблюсти формальность. На какой-то момент Брукс почувствовал смертельную усталость. На корабле его прозвали «старым Сократом». Что ж, они, пожалуй, правы: в эти дни он больше, чем когда-либо раньше, чувствовал, что стареет. Может быть, хорошенько выспаться — и тогда все пройдет? Нет, вряд ли. Он тяжело вздохнул.

— Ну, каково ваше мнение обо всем этом, Джонсон?

— Восемнадцать человек пострадало, сэр, — с горечью в голосе ответил Джонсон. — Я только что разговаривал с Бургессом. Он вон на той койке. Говорит, что в тот момент, когда Ралстон только что вышел из душевой с полотенцем на плече, мимо него пробежала толпа матросов. Вдруг этот обезьяноподобный морской пехотинец набросился на него и ударил прикладом винтовки. Ралстон так и не узнал, за что его ударили.

Брукс вяло улыбнулся.

— Это... гм... как они называют... бунтарский разговор, Джонсон, — мягко сказал он.

— Простите, сэр. Мне не следовало бы... Я думал...

— Ничего, ничего, Джонсон. Я сам вызвал вас на этот разговор. Нельзя запретить человеку думать. Только не делайте этого вслух. Дисциплина есть дисциплина... Вас, кажется, зовет Райли.

Брукс повернулся, раздвинул занавески и вошел в хирургический отсек. За спинкой зубо врачабного кресла в его сторону повернулась темноволосая голова. Увидев Брукса, исполняющий обязанности заместителя корабельного врача лейтенант медицинской службы Джонни Николас вскочил с кресла. В его левой руке была стопка медицинских карточек.

— Здравия желаю, сэр. Садитесь, пожалуйста.

Лицо Брукса расплылось в улыбке.

— Прекрасно, лейтенант Николас. Очень приятно в наши дни встретить младшего морского офицера по-настоящему галантного. Спасибо, спасибо.

Брукс взобрался на кресло и со вздохом откинулся на спинку.

— Я очень устал, Джонни. Видимо, дают себя знать годы.

— Пустяки, сэр, — подбодрил его Николас. — Это простое недомогание. Разрешите дать вам тонизирующего.

Николас направился к шкафчику, достал из него два стаканчика для полоскания зубов и темно-зеленую бутылку с надписью: «Яд». Наполнив оба стакана, протянул один из них Бруксу.

— Советую принять. Ваше здоровье, сэр!

Брукс посмотрел на янтарную жидкость в стакане, потом перевел взгляд на Николаса.

— Что это, Джонни?

— Первокласное тонизирующее средство, сэр. — Николас улыбнулся. — Производство некоей «фирмы» на острове Колл.

— Гм... я не знал, что у них там есть дистилляторы...

— А их там и нет, сэр. Я ведь только сказал, что это произведено на острове Колл... А. какие новости там, наверху, — поинтересовался Николас, кивнув головой вверх, где находился адмиральский салон.

— Ужасные. Его милость грозит всех нас повесить на реях. Особенно не понравился ему я. Он заявил, что меня нужно немедленно списать с корабля. И он не шутил.

— Вас? — сонные глаза Николаса вдруг расширились. — Вы, конечно, шутите, сэр?

— Нет. Но все обошлось, и я остаюсь. Старина Тиндэл, командир и Тэрнер, эти сумасшедшие, дали понять Старру, что, если меня спишут, придется искать замену и им. Конечно, этого не следовало делать, но Старр жутко разозлился. Уходя, он бормотал угрозы в чей-то адрес. Впрочем, если поразмыслить, можно догадаться, в чей адрес они были сказаны.

— Старый дурак, — с чувством произнес Николас.

— Вы не правы, Джонни. Он отличный адмирал. Ведь ни за что не становятся заместителем начальника оперативного управления штаба флота. Старр, как говорит наш адмирал, превосходный стратег и тактик, и он не такой уж плохой, как о нем принято думать. Старра нельзя винить в том, что он снова посылает нас в море. Перед ним — неразрешимая проблема. Ресурсы ограничены. Корабли нужны и на других театрах. Он не в силах сделать и половины того, что от него требуют. И все же он бесчеловечен, груб.

— И что же мы имеем в итоге?

— Снова Мурманск. Выходим завтра в шесть ноль-ноль.

— Что? Ходячие тени снова выйдут в море? — спросил Николас, не скрывая своего удивления. — Но они... просто не смогут... они не вынесут этого, сэр.

— И тем не менее это так, мой мальчик. «Улисс» должен... реабилитировать себя. — Глаза Брукса странно расширились.

— Почему всегда мы, сэр? Почему? Хотя бы раз послали в море вон ту никому не нужную плавучую казарму, — сказал Николас, кивнув в сторону стоящего на

рейде линейного корабля. — Он ведь из месяца в месяц болтается на якоре.

— Очень верно сказано, — прервал его Брукс. — Но как говорит Карпентер, огромный вес порожних банок изпод сгущенного молока и сельди в томатном соусе, брошенных на дно океана за последний год, не оставляет никаких шансов поднять якорь.

Николас, казалось, не слышал его.

— Они сменяют авианосцы, дают отдохнуть эсминцам и другим кораблям охранения, но «Улисс» никогда. Никакой передышки. А «Дьюк ов Кумберленд» — он в любой момент готов выслать к нам на корабль наряд этих дикарей, морских пехотинцев, чтобы устроить здесь побоище, убивать больных людей, людей, которые за неделю делают больше, чем...

— Легче, легче, мой мальчик, — попытался успокоить его Брукс. — Трое убитых и несколько раненых героев — это не побоище. Морские пехотинцы только выполняли свой служебный долг. Что же касается «Кумберленда», то нужно смотреть правде в глаза. «Улисс» — единственный корабль в составе флота метрополии, оснащенный приборами управления истребительной авиации.

— Иногда, сэр, немцы мне просто нравятся.

— Вы мыслите точно так же, как Джонсон. Адмирал Старр с удовольствием приказал бы заковать вас обоих в кандалы за распространение паники... Что это? — Брукс выпрямился и наклонился вперед. — Посмотрите на «Дьюка», Джонни! На флагманском мостике суматоха. По всем палубам бегут матросы. Странно. Что все это может означать?

— Наверное, узнали, что разрешено увольнение на берег, — пробормотал Николас. — Иначе этих лентяев не заставишь пошевелиться. А почему мы должны за них отдуваться, да еще после такого долгого и напряженного плавания в северных морях?..

Звуки горна заглушили последние слова Николаса. Инстинктивно и Брукс, и Николас повернули голову к возвещавшему боевую тревогу динамику, потом вопросительно посмотрели друг на друга. В следующий момент Брукс и Николас вскочили и застыли в напряженном ожидании:

— Нет, нет, — простонал Брукс. — Боже мой, неужели и здесь? Нет, только не в Скапа-Флоу!

Эти слова в тот зимний вечер в Скапа-Флоу были на устах и в сердце каждого из семисот двадцати семи усталых и озлобленных людей. Об этом они думали, когда звуки горна прервали все работы на палубе, в машинных и котельных отделениях, на лихтерах, на камбузе и в каютах.

Наступил решающий момент. Сейчас «Улисс» мог навсегда перестать быть военным кораблем. Пока он находился в хорошо защищенной бухте на якоре, озлобленные, измученные люди могли набраться решимости выступить против властей, против безжалостного принуждения, которое грозило им гибелью. Момент для этого сейчас был самый подходящий.

Но ничего не случилось. Только в сердцах людей, спешивших по сигналу тревоги занять свои боевые посты, осталась горечь. Причина, на первый взгляд, крылась в чувстве самосохранения. Но это не так. Люди на «Улиссе» давно уже перестали думать о таких вещах. Просто они были дисциплинированными и преданными своему командиру моряками. Возможно, была и какая-то другая причина.

Так или иначе, но через две минуты все люки на корабле были задраены. На палубе осталась только якорная партия на левом борту. Люди сомневались, что это могло случиться в Скапа-Флоу, но все же занимали каждый свое место на боевых постах. Одни молча, другие с разговорами — каждый соответственно своему характеру. Делалось это нехотя, с явным отчаянием, но все же делалось.

Контр-адмирал Тиндэл тоже занял свой пост. Но он был не из тех, кто сделал это молча. Он быстро поднялся на мостик, прошел через дверцу левого борта под козырек ходового мостика и взобрался на высокий адмиральский табурет, стоявший в левом углу, впереди компасной площадки. Тиндэл посмотрел на стоявшего около него Вэллери.

— Черт побери, что случилось, командир? — резко спросил он. — Кажется, вокруг все спокойно.

— Я еще не знаю, сэр, — ответил Вэллери, с волнением осматривая якорную стоянку. — Боевая тревога объявлена командующим. Приказано немедленно сниматься с якоря.

— Сниматься с якоря?! Но зачем? Кому это понадобилось?

В ответ Вэллери лишь молча пожал плечами.

Тяжело вздохнув, Тиндэл проворчал:

— Вся эта секретность имеет своей целью лишать таких старых людей, как я, послеобеденного сна.

— Скорее всего это выдумка Старра. Он просто хочет встряхнуть нас, — заметил Тэрнер.

— Нет, — решительно заявил Тиндэл. — Он этого не сделал бы, не осмелился бы. Кроме того, он не похож на мстительного человека.

Наступила тишина, которую нарушал только стук тяжелых дождевых капель, свист ветра да писк гидролокатора. Вдруг Вэллери поднял бинокль.

— Боже мой! Посмотрите туда, сэр. «Дьюк» поднял якорь.

Сомнений не оставалось: выбрав якорную цепь, корабль медленно разворачивался.

— Что за черт? — выругался Тиндэл, осматривая воздушное пространство над бухтой. — Ни самолетов, ни парашютного десанта, никаких радиолокационных или гидроакустических контактов, ни одного немецкого корабля, прорвавшегося через боновое заграждение... В чем же дело, черт бы их побрал?

— Семафор с «Дьюка», — доложил главный старшина-сигнальщик Бенгли. — «Немедленно подойти ко мне. Держитесь к северному бую», — прочитал он.

— Попросите их подтвердить приказание, — распорядился Вэллери, выхватывая из рук матроса трубку телефона, связывающего мостик с полубаком.

— Говорит командир. Как якорь, помощник? Панер? Хорошо. — Вэллери повернулся к вахтенному офицеру. — Обе малый вперед! Руль право десять градусов! — Он просительно посмотрел на сидящего в углу Тиндэла.

— Ничего не понимаю, — проговорил Тиндэл. — Возможно, это новая салонная шутка... Впрочем, посмотрите-ка: все пятидюймовые орудия «Кумберленда» на максимальном угле снижения.

Вэллери встретился взглядом с Тиндэлом.

— Нет, этого не может быть. Вы полагаете?..

Гул в динамике гидроакустической рубки, расположенной за мостиком, явился ответом на этот вопрос. Голос старшего гидроакустика Крайслера звучал четко: «На мостике! Докладывает гидролокационный пост: подводная цель курсовой тридцать левого борта! Сигнал усиливается, цель приближается».

Все сомнения Вэллери исчезли в ту же секунду.

— Привести в боевую готовность центральный пост управления огнем. Курсовой тридцать левого борта. Все зенитные орудия — на максимальный угол снижения. Подводная цель. Лейтенант Маршалл, — обратился Вэллери к офицеру минно-торпедной части, — приготовить к сбрасыванию глубинные бомбы.

Вэллери повернулся к Тиндэлу.

— Этого не может быть, сэр. Не может быть. Немецкая подводная лодка в Скапа-Флоу! Невозможно.

— Прайен был иного мнения, — проворчал Тиндэл.

— Прайен?

— Капитан-лейтенант Прайен. Тот самый, кто потопил «Ройял Оук».

— Такое повториться не может. Новые боновые заграждения...

— Не позволяют обычным подводным лодкам провратиться в гавань, — закончил за него Тиндэл. — Вспомните, что нам говорили месяц назад о наших лодках-малютках «чэрриот» с экипажем два человека, тех самых, которые предполагалось перебросить в Норвегию на норвежских рыболовных судах, базирующихся на Шетландские острова. Разве не могла аналогичная идея прийти в голову немцам?

— Возможно, — согласился с ним Вэллери. — Посмотрите, «Кумберленд» идет прямо к боновому заграждению. — Он замолчал, над чем-то раздумывая, а потом снова посмотрел на Тиндэла. — Как вам это нравится, сэр?

— Что?

— Этот ход конем, — проговорил Вэллери, хитро улыбаясь. — Не хотят потерять корабль, стоящий несколько миллионов фунтов стерлингов, и старый «Дьюк» спешит в открытое море, в безопасное место, а мы должны встать на якорь у его бочки. Немецкая военно-морская разведка наверняка с точностью до дюйма знает, где находится эта стоянка. На немецких «малютках» имеются прилипающие магнитные мины, и если немцы захотят ими воспользоваться, то именно мы станем их жертвой.

Тиндэл посмотрел на Вэллери. Его лицо было совершенно спокойно. Сигналы гидролокатора не умолкали, они становились все отчетливее и показывали, что цель приближается слева.

— Да, конечно, — пробормотал адмирал. — Нас хотят сделать козлом отпущения. Мне это не очень нравится, — заметил он, криво улыбаясь. — Да что я? Это последняя капля в чашу терпения команды. Наш ужасный последний поход, бунт на корабле, отряд морской пехоты с «Кумберленда», боевая тревога в порту и теперь вот это! Так рисковать нашей жизнью во имя... — Комок, подкативший к горлу, заставил Тиндэла сочно выругаться, но он тут же взял себя в руки и уже спокойно сказал: — Что вы собираетесь сказать об этом людям, командир? Это просто невероятно. Я сам готов взбунтоваться... — Тиндэл неожиданно умолк, вглядываясь куда-то через плечо Вэллери.

Вэллери повернулся.

— Да, Маршалл, в чем дело?

— Простите, сэр. Этот импульс, — он показал большим пальцем назад, в сторону гидроакустической рубки. — Подлодка, сэр. Возможно, очень маленькая.

— Вполне вероятно, Маршалл! Почему вы пришли к такому выводу?

— Так показалось мне и Ралстону, — ответил Маршалл, улыбаясь. — Мы хотели бы кое-что предложить, сэр.

Вэллери внимательно осмотрел поверхность моря перед кораблем, дал команду в машинное отделение и рулевому и снова повернулся к Маршаллу. Сильно кашляя, показал на лежавшую под стеклом карту гавани.

— Уж не думаете ли вы сбросить глубинные бомбы на этом мелководье? Мы подорвем сами себя.

— Нет, сэр. Для глубинных бомб здесь слишком мелко. Мое предложение, точнее предложение Ралстона, состоит в том, чтобы спустить на воду катер, взять несколько двадцатипятифунтовых подрывных зарядов, взрыватели с восемнадцатисекундным замедлением и химические воспламенители. Я знаю, что взрыв будет не ахти какой силы, но у «малютки», вероятно, не очень крепкий корпус. И если подводники к тому же находятся в верхней части лодки, то им крышка.

Вэллери улыбнулся.

— Неплохо придумано, Маршалл. Полагаю, что вы правы. Что скажете вы, сэр?

— Нужно попробовать, — согласился Тиндэл. — Это лучше, чем ждать, как сидячая утка.

— Тогда действуйте, Маршалл, — сказал Вэллери, вопросительно глядя на минера. — Кто у вас специалист по подрывному делу?

— Я хотел бы взять с собой Ралстона.

— Я так и думал. Но вас-то я не пушу, — заявил Вэллери. — Я не могу рисковать своим минером.

Маршалл побледнел и в отчаянии пожал плечами:

— Старшина-минер и старший торпедный электрик Ралстон хорошие специалисты.

— Правильно. Бентли, выделите кого-нибудь из сигнальщиков, пусть пойдет с подрывниками. Мы будем сообщать им пеленг на лодку. Пусть захватит сигнальный фонарь. Маршалл! — снова обратился он к минеру.

— Есть, сэр.

— Младший брат Ралстона сегодня после полудня умер в госпитале. — Вэллери посмотрел на стоявшего неподалеку высокого блондина в полинялом синем комбинезоне и канадке. — Он знает об этом?

Маршалл взглянул на Вэллери, потом на Ралстона и крепко выругался.

— Маршалл! — крикнул Вэллери, но тот, казалось, ничего не слышал, оставаясь равнодушным и к повелительному тону командира корабля и к хлеставшему по лицу дождю.

— Нет, сэр, — наконец ответил Маршалл. — Он ничего не знает. Но сегодня утром он узнал о другом. На прошлой неделе Кройдон сильно бомбили. Там живут, то есть жили, мать и три сестры Ралстона. После взрыва бомбы никто не уцелел. — Маршалл резко повернулся и ушел с мостика.

Через пятнадцать минут все было готово. С правого борта на воду спустили вельбот, с левого — моторный катер. «Улисс» тем временем продолжал двигаться к швартовой бочке.

Вельбот направился к бочке, а катер отошел от борта под углом.

В четырехстах метрах от корабля Ралстон, действуя по сигналам, подаваемым с мостика, достал из кармана плоскогубцы и обжал ими химический взрыватель. Старшина-минер пустил секундомер, и при счете «двенадцать» заряд бросили за борт.

Потом, пока катер описывал небольшую циркуляцию, в воду полетели еще три заряда, поставленные на взрыв

на различных глубинах. Первые три взрыва подбросили корму, и весь катер угрожающе задрожал. Но все обошлось благополучно. После четвертого взрыва на поверхность воды вырвался огромный воздушный пузырь, а когда брызги рассеялись, стало видно, что на площади в несколько сот квадратных метров расплылось масляное пятно...

Люди, находившиеся на верхних боевых постах «Улисса», безмолвно наблюдали за катером, который быстро возвратился к кораблю, и его уже поднимали на борт, и вовремя: руль катера был сильно погнут, и через кормовой подзор вода быстро поступала в катер.

Далеко впереди виднелся легкий дымок из труб «Дьюков Кумберленда».

Не выпуская из рук фуражки, Ралстон сел напротив командира. Вэллери долго молча смотрел на него, раздумывая, как лучше сказать Ралстону о случившемся. Дело было не из приятных. Но Ралстон помог ему, так как заговорил первым.

— Ничего, сэр, — сказал он спокойно. — Я уже знаю. Лейтенант Маршалл мне все рассказал.

Вэллери кашлянул.

— Все ваши родные погибли. Я сочувствую вам. — Вэллери пристально посмотрел на Ралстона. — Или, может быть, вы думаете, что это только слова, пустая формальность?

Ралстон как-то странно улыбнулся и проговорил:

— Нет, сэр. Я так не думаю. Знаете, мой отец тоже капитан. Он много рассказывал мне о своих переживаниях.

Вэллери с удивлением посмотрел на Ралстона.

— Ваш отец, Ралстон? Вы сказали, что...

— Да, сэр. Он служит в торговом флоте. Капитан танкера водоизмещением шестнадцать тысяч тонн. Что же касается Билли, моего брата, сэр, так это случай. Тут никто кроме меня не виноват. Я сам просил, чтобы ему разрешили быть рядом со мной на корабле. Вот и выходит, что в ответе только я сам.

Тонкие загорелые руки Ралстона крепко сжимали фуражку.

— Знаете, Ралстон, я думаю, вам нужно отдохнуть несколько дней, все обдумать. Вам уже оформляют от-

пускные документы. С сегодняшнего дня на четырнадцать суток вы в отпуске.

— Куда будут оформлены проездные документы, сэр? — спросил Ралстон, по-прежнему крепко сжимая в руках фуражку. — В Кройдон?

— Конечно. Куда же еще? — спросил Вэллери и вдруг замолк. Только сейчас он понял свою ошибку. — Простите меня. Это очень глупо с моей стороны.

— Не отправляйте меня в отпуск, сэр, — попросил Ралстон. — Откровенно говоря, ехать мне некуда. Мой дом здесь, на «Улиссе». Здесь у меня есть дело, и я буду занят. — Ралстон с трудом держал себя в руках. — Здесь у меня есть возможность отомстить за родных. Как, например, сегодня с этой лодкой... Я очень горжусь тем, что вы поручили это дело мне. Оно дало мне больше, чем... чем... Я не нахожу слов, сэр.

Вэллери понимал Ралстона. И что мог он предложить этому парню, охваченному чувством ненависти к врагу. Ничего такого, чего бы Ралстон не отверг с презрением. Вэллери тяжело вздохнул:

— Конечно, Ралстон, вы останётесь на корабле. Скажите писарю, чтобы он порвал ваши отпускные документы. Если когда-нибудь вам потребуется моя помощь...

— Я понимаю, сэр. Большое спасибо. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Глава вторая

ПОНЕДЕЛЬНИК. УТРО

«Задранть все водонепроницаемые двери, люки и горловины! По местам стоять к выходу из гавани!» — раздался из динамиков сухие и неумолимые слова команды, проникшие во все самые отдаленные уголки корабля.

По зову команды из всех отсеков корабля двинулись по своим местам люди, дрожа от холода под порывами ледяного северного ветра. Они крепко поругивались, отряхивали с одежды снег, падавший за ворот и манжеты курток, и потирали коченеющие от прикосновения к металлу и канатам руки. Матросы очень устали. Погрузка топли-

ва, продовольствия и боеприпасов затянулась далеко за полночь. Спать пришлось не более трех часов.

По-прежнему в сердцах матросов горела злоба. Приказы исполнялись, и довольно четко, как и следовало ожидать от хорошо обученных военных моряков. Однако делалось это чисто механически, без души, а злоба готова была вот-вот вырваться наружу.

И командиры боевых частей корабля, и младший командный состав были предупредительны к матросам — об этом позаботился Вэллери.

Точно в шесть ноль-ноль «Улисс» отошел от бочки и направился к боновому заграждению. В полумраке под свинцово-черными и низко нависшими облаками корабль скользил по темным водам якорной стоянки, словно привидение, нередко исчезая за пеленой быстро проносившихся снежных зарядов.

Но даже при сравнительно хорошей видимости обнаружить «Улисс» было бы нелегко. Контуры корабля были какими-то расплывчатыми. В каждом его движении чувствовалась легкость. Это, конечно, была иллюзия, но она полностью подтверждала ту легенду, которой стал «Улисс» за свою недолгую жизнь. Этот корабль полюбился морякам торгового флота, которые плавали в северных морях, от Сент-Джонса до Архангельска, от Шетландских островов до Ян-Майена, от Гренландии до дальних берегов Шпицбергена. Там, где людям грозила опасность, где их ждала смерть, всегда можно было встретить «Улисс». Он, как призрак, появлялся из тумана и каким-то чудом оказывался всегда там, где слабый свет арктической зори нес с собой только опасность, угрожавшую лишить людей возможности увидеть следующий рассвет.

Корабль-привидение. Почти легенда. «Улисс» был новым кораблем, но рано постарел, действуя в составе конвоев, которые направлялись в Россию, и неся патрульную службу в Арктике. Корабль плавал в этих водах с самого рождения. Другой жизни у него не было. На первых порах «Улисс» действовал один, эскортируя одиночные суда или группы по два-три судна. Затем «Улисс» стал действовать вместе с корветами и фрегатами, а теперь он не расставался с эскортной группой — четырнадцатой группой конвойных авианосцев.

«Улисс» был легким крейсером, единственной в своем роде модификацией известных кораблей типа «Дидо» во-

доизмещением пять с половиной тысяч тонн. Пятьсот десять футов в длину, пятьдесят футов в ширину, с наклонным форштевнем, прямоугольной крейсерской кормой и длинным, около двухсот футов, полубаком, выходящим в кормовой части за мостик. Все это придавало «Улиссу» вид стройного, быстроходного, прочного и компактного военного корабля, опасного для врага.

«Обнаружить врага, вступить с ним в бой и уничтожить» — вот классическое требование к военному кораблю во время войны. Причем сделать все это нужно максимально быстро и эффективно. «Улисс» был прекрасно оснащен и имел возможность выполнить все эти задачи.

Возьмем, к примеру, задачу обнаружения врага. Здесь важную роль играют люди. Вэллери был достаточно опытным боевым командиром, чтобы правильно оценить значение постоянной бдительности со стороны наблюдателей и сигнальщиков. Конечно, свою роль играла и радиоразведка, а гидроакустика оставалась единственным средством обнаружения подводных лодок.

Однако наибольшие возможности «Улиссу», с точки зрения обнаружения противника, обеспечивали совсем другие средства. «Улисс» был первым кораблем в мире, полностью оснащенным радиолокационной аппаратурой. Круглые сутки радиолокационные антенны кругового обзора, установленные на двух мачтах, прочесывали горизонт, непрерывно ведя поиск. Внизу, на восьми радиолокационных постах и на постах управления огнем хорошо обученные операторы, не отрывая глаз, внимательно наблюдали за экранами. Эффективность и дальность действия радиолокационной аппаратуры были поистине фантастическими. Изобретатели этой аппаратуры со свойственным им оптимизмом утверждали, что эффективная дальность действия радиолокаторов составляет сорок — сорок пять миль. При первом испытании радиолокационной аппаратуры на борту «Улисса» разведывательный самолет «кондор» удалось обнаружить на расстоянии восьмидесяти пяти миль. После обнаружения этот самолет был уничтожен «Бленхеймом».

Главная же задача любого военного корабля — уничтожить обнаруженного противника. И для выполнения этой задачи «Улисс» располагал всем необходимым.

На корабле было четыре двухорудийные башни — две в носовой части и две на корме, с пятидюймовыми скоро-

стрельными универсальными орудиями, в одинаковой степени эффективными при ведении огня по надводным кораблям и по самолетам. Управление огнем осуществлялось с двух командно-дальномерных постов, главный из которых размещался в носовой части корабля, чуть позади мостика, а вспомогательный — на корме. Из этих постов все необходимые для стрельбы данные, такие, как пеленг цели, скорость ветра, углы сноса, дистанция, скорость своего корабля, скорость корабля противника, курсовые углы, и другие передавались на электронную вычислительную аппаратуру в центральном посту управления огнем, который находился в самом нижнем помещении «Улисса», намного ниже ватерлинии. Отсюда обработанные данные поступали непосредственно в орудийные башни в виде всего лишь двух факторов: угла возвышения и курсового угла.

Помимо этих орудий главного калибра «Улисс» располагал зенитной артиллерией — батареями многоствольных скорострельных автоматов, не отличавшихся высокой точностью огня, но создававших достаточно плотную огневую завесу, чтобы отогнать самолет противника. Были на корабле и спаренные зенитные установки «эрликон» — надежные, скорострельные и высокоэффективные огневые средства в руках опытных зенитчиков.

Наконец на «Улиссе» были глубинные бомбы и торпеды — тридцать шесть бомб, — значительно меньше, чем обычно имеется на корветах и эсминцах, причем одновременно можно было сбросить очередь лишь из шести бомб. Однако каждая такая бомба была начинена четырьмястами пятьюдесятью фунтами аматол, и такими бомбами «Улиссу» удалось уничтожить за минувшую зиму две немецкие подводные лодки. Двадцатидюймовые торпеды, каждая из которых имела боевое отделение с зарядом из семисот пятидесяти фунтов тринитротолуола, служили боеприпасами для трехтрубных торпедных аппаратов — по одному на каждом борту. Торпедное оружие «Улиссу» еще не довелось использовать в бою.

Таков был «Улисс» — отличный боевой корабль, являвшийся образцом совершенства и сочетавший в себе все последние достижения человечества в области создания средств поражения. Но на любом корабле, каким бы хорошим он ни был, многое зависит от экипажа. А на «Улиссе» экипаж постепенно переставал быть единым

коллективом. Бурю удалось погасить, но волнение не утихло.

Первые признаки нового неблагополучия проявились три часа спустя после того, как «Улисс» вышел из гавани. Как и всегда, впереди шли тральщики, расчищая фарватер для «Улисса», но Вэллери никогда не полагался на них полностью, и в этом была одна из причин того, что «Улиссу» до сих пор удавалось оставаться невредимым. В шесть двадцать Вэллери приказал поставить параваны — узкие, по форме напоминающие торпеду устройства, буксируемые на специальных тросах под углом к борту корабля. По теории минрепы, соединяющие мины с удерживающими их якорями на дне моря, зацеплялись тросом паравана, отводились от корабля к самому паравану и разрезались специальным устройством. Мина после этого всплывала и легко уничтожалась или обезвреживалась огнем стрелкового оружия.

В девять ноль-ноль Вэллери приказал поднять параваны. «Улисс» уменьшил ход. Помощник командира капитан-лейтенант Кэррингтон поспешил на полубак, чтобы руководить уборкой параванов. Матросы, машинисты, обслуживающие лебедки, и младшие лейтенанты заняли свои места на каждом борту в соответствии с расписанием по уборке параванов.

Матросы быстро освободили от креплений стрелы для подъема параванов, заработали лебедки, и вскоре параваны, оторвавшись от поверхности воды, повисли на стрелах.

Тут-то и произошла катастрофа. Виноват во всем был Ферри. По трагическому стечению обстоятельств авария произошла у лебедки на левом борту, где был не исправен тормозной механизм, там, где стоял Ралстон. Но только Карслейк был виноват в том, что дело приняло трагический оборот.

Само присутствие младшего лейтенанта Карслейка на спасательном плотике «Карли», откуда он руководил уборкой троса левого паравана, явилось кульминацией в серии ошибок. Первую ошибку допустил отец Карслейка, контр-адмирал в отставке, заставивший сына покинуть Кембриджский университет в возрасте двадцати шести лет и поступить на службу в военно-морской флот. Второй ошибкой оказалась нетребовательность, проявленная по отношению к Карслейку командиром корвета, на котором

Карслейк начинал служить. Командир корвета знал отца Карслейка и представил его сына к присвоению офицерского звания. Третьей ошибкой было решение аттестационной комиссии на корабле «Кинг Алфред» о присвоении Карслейку офицерского звания. Четвертой и последней ошибкой явился необдуманный поступок старшего помощника Тэрнера, знавшего о некомпетентности Карслейка и его неспособности руководить людьми и все же поручившего ему возглавить работу по подъему паравана левого борта.

Лицо Карслейка напоминало морду перекормленного скакуна. Длинное, узкое, с выпученными бледно-голубыми глазами и резко выступающими верхними зубами. Сильно изогнутые брови под прядью светлых волос походили на два вопросительных знака. Рисунок бровей дополняла так же сильно изогнутая верхняя губа под длинным и острым носом. Говорил Карслейк на жалком подобии английского литературного языка — короткие гласные он растягивал, а длинные, наоборот, произносил отрывисто. И грамматический строй его речи был далеко не изысканным. Карслейк ненавидел службу на флоте, возмущался тем, что срок присвоения ему звания лейтенанта давно истек, презирал людей точно так же, как они презирали его.

Короче говоря, в Карслейке, как в фокусе, сошлись все самые отрицательные качества, которыми только способна наделить человека английская система образования. Тщеславный, надменный, неуклюжий и невоспитанный осел.

Таким ослом он выглядел и сейчас. Едва держась на широко расставленных ногах, он то и дело кричал на людей, отдавая одну за другой бессмысленные команды. Главный старшина Хартли только тяжело вздыхал. Но Ферри не считал нужным сдерживать себя.

— Вот дурак, из кожи лезет, — шепнул он Ралстону, — все выпендривается перед командиром. — Ферри кивком головы показал на Вэллери, стоявшего на мостике, в десяти футах выше головы Карслейка.

— Брось ты думать об этом Карслейке, лучше смотри за тросом, — посоветовал Ралстон. — И сними эти рукавицы. На днях...

— Знаю, знаю, — улыбаясь, ответил Ферри. — Трос захватит рукавицы и потянет меня на барабан лебедки. Не беспокойся, дружище. Этого не случится.

Но то, о чем хотел предупредить Ралстон, все же слу-

чилось. Ралстон, внимательно следивший за параваном, бросил мимолетный взгляд туда, где находился Ферри, и увидел лопнувшую прядь на тросе совсем рядом с ним. Мгновение спустя трос зацепил рукавицу Ферри и потянул его к барабану лебедки, прежде чем тот успел даже крикнуть.

Ралстон среагировал мгновенно. Ножной тормоз находился в нескольких дюймах от него, но и это расстояние было слишком велико, чтобы затормозить лебедку. В какую-то долю секунды Ралстон перевел ручку на пусковом реостате лебедки с «Полного вперед» на «Полный назад». Одновременно с криком Ферри, когда его ударило плечом о лебедку, послышался приглушенный взрыв — и лебедку окутали клубы едкого дыма: сгорела вся обмотка электромотора.

Под тяжестью падающего паравана трос стал размазываться и потянул с собой Ферри. В двадцати футах от лебедки трос проходил через зажимное устройство на палубе, и в лучшем случае Ферри отделался бы потерей руки.

Ферри был менее чем в четырех футах от зажимного устройства, когда Ралстон резко нажал на ножной тормоз. Барабан лебедки с лязгом остановился, а сорвавшийся параван полетел в воду.

Задыхаясь от злости, Карслейк спрыгнул со спасательного плотика, подошел к Ралстону и набросился на него с руганью.

— Безмозглая тварь, — прошипел он. — Из-за тебя мы потеряли параван! Кто разрешил тебе остановить лебедку?

Ралстон нахмурился, а через секунду проговорил:

— Виноват, сэр. Не мог удержаться. Ведь иного выхода не было. Рука Ферри...

— К черту руку этого Ферри! — в озлоблении крикнул Карслейк. — Здесь я старший, и я приказываю. Посмотри, посмотри! — Он показал на раскачивающийся трос. — Это твоя работа, Ралстон. Ты просто идиот. Паравана больше нет, понимаешь? Мы теперь без паравана!

Ралстон равнодушно посмотрел за борт.

— Ну и что же. — Ралстон насупился и, похлопав рукой по лебедке, вызывающим тоном бросил Карслейку: — Не забудьте и лебедку. Ее тоже больше нет, а она гораздо дороже паравана.

— Еще дерзишь! — закричал Карслейк. — Ты заслуживаешь наказания.

Ралстон покраснел. Решительно шагнул вперед. Руки его сжались в кулаки. Замахнувшуюся для удара руку Ралстона остановил Хартли. И все же проступок был совершен, и теперь все зависело от командира корабля.

Вэллери терпеливо выслушал взволнованный доклад Карслейка. Но спокойствие это было лишь внешним.

«Черт возьми, — думал он, — забот и без того хватает, а тут еще...» Только железная выдержка позволила Вэллери скрыть свои чувства.

— Это правда, Ралстон? — спросил Вэллери, когда Карслейк закончил свой доклад. — Вы не подчинились приказу и оскорбили лейтенанта?

— Нет, сэр, — ответил Ралстон едва слышно. — Это неправда. — Он с безразличием посмотрел на Карслейка, потом снова повернулся к командиру. — Я не мог не подчиниться приказу, потому что никаких приказов не было. Это подтвердит главный старшина Хартли. — Ралстон кивком головы показал на главного старшину, вызванного на мостик. — Я не оскорблял лейтенанта. Я не собираюсь оправдываться, но многие могут подтвердить, что лейтенант Карслейк оскорбил меня. И если я что-то сказал ему, — Ралстон слабо улыбнулся, — то только в порядке самозащиты.

— Здесь не место шуткам, — заметил Вэллери. Он был озадачен поведением этого парня. Вэллери еще мог бы понять охватившую Ралстона злость, но он никак не ожидал, что тот еще будет шутить. — Я все видел сам. Вы действовали энергично и смело, спасли матроса от травмы, а может быть, и от гибели. По сравнению с этим потеря паравана и повреждение лебедки ничего не значат. (Карслейк поблел при этих словах.) За это благодарю вас, Ралстон. В остальном завтра утром разберется старший помощник. Идите, Ралстон.

Ралстон бросил долгий взгляд на Вэллери, резко взял под козырек и, четко повернувшись, ушел.

Карслейк умоляюще поглядел на Вэллери.

— Сэр... — начал было он, но сразу же замолчал, увидев поднятую руку Вэллери.

— Не сейчас, Карслейк. Обсудим это позднее. — В голосе Вэллери звучала нескрываемая неприязнь. — Идите и выполняйте свои обязанности, лейтенант. А вы, Хартли, оставайтесь на минуту.

Сорокачетырехлетний главный старшина Хартли был

образцом английских военных моряков. Этот мужественный, обходительный и знающий свое дело человек пользовался на корабле уважением всего экипажа — от рядового матроса до командира. Вэллери и Хартли служили на «Улиссе» с самого начала войны.

— Ну, старшина, выкладывай. Все останется между нами.

— Да ничего не случилось, сэр, — ответил Хартли, пожимая плечами. — Ралстон действовал отлично. Младший лейтенант Карслейк просто вышел из себя. Может быть, Ралстон и был немного резковат, но виноват в этом Карслейк. Ралстон молод, но он настоящий моряк и не хочет, чтобы им понукали те, кто ни в чем не разбирается.

Вэллери с трудом сдержал улыбку.

— Можно ли поступок Ралстона расценивать как критику действий старшего начальника?

— Вероятно, да, сэр, — ответил Хартли. — Немного пощекотали друг другу нервы, сэр. Матросам такие поступки старших по званию не нравятся. Нужно ли...

— Спасибо, старшина. Постарайтесь все сгладить.

Как только Хартли ушел, Вэллери обратился к Тиндэлу.

— Ну, сэр, вы слышали? Еще один неприятный симптом.

— Симптом? — с раздражением повторил Тиндэл. — Тут целые сотни симптомов! Кто подходил к моему салону вчера вечером? Не узнали?

Во время ночной вахты Тиндэл слышал странный шум за дверью, ведущей в приемную его салона. Он решил посмотреть, в чем дело, но в спешке загремел креслом, а мгновение спустя слышал топот убегающего по коридору человека. Когда Тиндэл вышел в коридор, там никого не было. На палубе валялась небольшая пилка в том самом месте, где на цепочке висела кобура с кольт. Цепочка оказалась перепиленной почти до конца.

Вэллери покачал головой и проговорил:

— Не имею ни малейшего представления. Дела плохи, очень плохи.

Тиндэл поежился от холода, потом хитро улыбнулся.

— Как у капитана Тича, а? Пистолеты и тесаки, черные маски, матросы, осаждающие мостик...

— Нет, нет, — поспешил возразить Вэллери. — Толь-

ко не это, сэр. Возможно, это протест, и не больше. Но ведь коридор охраняется морским пехотинцем, который должен был увидеть бегущего. А он ведь отрицает...

— Да? Зараза распространилась так далеко? — спросил Тиндэл. — Это плохо, командир. А что говорит начальник корабельной полиции?

— Фостер? Он в ужасе и с досады чуть было не оторвал свои усики. Очень обеспокоен, как и Эванс, темнокожий сержант.

— Я и сам обеспокоен не меньше их, — с чувством проговорил Тиндэл, глядя куда-то вдаль. — Интересно, что об этом думает наш старый Сократ? Он хотя, может быть, и простой докторишка, но умнейший человек. А вот и он, легок на помине.

Через распахнувшуюся дверьцу на мостик вошел Брукс. Он был явно чем-то расстроен.

— Снова неприятности, командир. Я не мог доложить об этом по телефону. Не знаю, как это расценить.

— Неприятности? — Вэллери закашлялся. — Извините. Какие еще неприятности? Все уже улажено, старина.

— Вы имеете в виду этого идиота Карслейка? О нем мне уже рассказали, моя агентура работает... Нет, я о другом. Послушайте, что я вам расскажу. Вчера вечером Николас задержался в лазарете. Просидел часа два-три. Свет уже не горел, и больные, видимо, забыли, что Николас еще там. Он слышал, как кочегар Райли и другие говорили о том, что устроят сидячую забастовку в котельном отделении, как только вернутся в строй. Чудеса, не правда ли? Николас сделал вид, что ничего не слышал.

— Что? — резко перебил его Вэллери. — И Николас не доложил об этом мне? Вы говорите, что это случилось вчера вечером? Почему же я до сих пор ничего не знаю? Немедленно вызовите сюда Николаса! Нет, я сам, — Вэллери протянул руку к телефону.

Брукс остановил его.

— Я бы не стал делать этого, сэр. Николас умный парень, очень умный. Он понимал, что если бы заговорщики узнали о том, что их планы раскрыты им, то они были бы уверены, что он доложит вам. Тогда пришлось бы принять меры, а это могло бы привести к беспорядкам... Такого развития событий вы ведь не хотите? На вчерашнем совещании вы прямо сказали об этом.

Вэллери заколебался.

— Конечно, вы правы, Брукс. Но сейчас дело приняло другой оборот. Подобный заговор может послужить сигналом...

— Я же сказал вам, сэр, — прервал его Брукс, — Николас умный парень. На двери в лазарет он повесил объявление, написанное большими буквами: «Вход воспрещен. Предполагается заболевание скарлатиной». Это здорово действует. Все бегут от лазарета, как от больного оспой. Райли и его компания не имеют никакой связи с другими кочегарами.

Тиндэл довольно кашлянул, а Вэллери даже улыбнулся.

— Ну что ж, доктор, это неплохо придумано. И все же нужно было поставить меня в известность еще вчера.

— Зачем же было будить вас среди ночи из-за пустяка? Правильно, адмирал?

Тиндэл в знак согласия кивнул.

Брукс улыбнулся.

— Ну вот и все, господа. Встретимся теперь на суде, я полагаю...

— А ну-ка убирайтесь отсюда подобру-поздорову, — прогремел Тиндэл. — Убирайтесь, Брукс, иначе я...

— Ухожу, ухожу, — бросил Брукс, прикрывая за собой дверь на мостик.

Вэллери повернулся к Тиндэлу и с грустью произнес:

— Пожалуй, вы правы насчет сотни симптомов...

— Может быть. К сожалению, сейчас у людей нет работы и им ничего не остается, как ворчать и проявлять недовольство. Потом, вероятно, все изменится.

— Когда? Когда мы будем больше заняты?

— Когда приходится бороться за жизнь, за свой корабль, раздумывать о заговоре и привратностях судьбы некогда... Инстинкт самосохранения — сильное чувство. Вы хотите сегодня обратиться к экипажу по радио?

— Да, как обычно во время подмены вахты на ужин, после сумерек. — Вэллери улыбнулся. — В это время наверняка никто не будет спать.

— Хорошо. Сгустите краски о противнике. Заставьте их поразмыслить над трудностями похода, тогда у них не будет времени изобретать сидячие забастовки.

Вэллери усмехнулся, ему стало по-настоящему весело от мелькнувшей новой мысли. Лицо Тиндэла выразило удивление.

Глава третья

ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Весь день дул норд-норд-вест. Порывистый холодный ветер, ударяющий в лицо сотнями ледяных иголок, несущий снежные заряды и странный запах смерти, который родился в заброшенных ледовых просторах за Полярным кругом.

Ртутный столбик термометра неуклонно полз вниз. Снег густыми шапками ложился на орудийные башни и палубные надстройки. Он словно выискивал каждый незащищенный кусочек металла и дерева. Проникал под одежду людей.

Снегопад не прекращался ни на минуту. «Улисс» настойчиво шел вперед, разрезая форштевнем пенившиеся волны. Корабль походил на привидение. Но он был не одинок в этом мире. Вместе с ним шли корабли четырнадцатой группы конвойных авианосцев — закаленного в боях эскортного соединения, столь же легендарного, как и восьмая группа, которая недавно отправилась на юг для несения службы еще на одном опасном морском пути, связывающем метрополию с островом Мальта.

Как и «Улисс», группа весь день шла курсом норд-норд-вест, практически не прибегая ни к какому противолодочному маневрированию. Тиндэл не любил идти зигзагами и пользовался этим маневром только в охранении конвоев, да и то, если приходилось проходить через районы, где действовали немецкие подводные лодки. Тиндэл, как и многие другие командиры на флоте, считал, что движение зигзагом таит больше опасностей, чем может причинить противник. Он был свидетелем того, как крейсер «Кьюрасоа» водоизмещением четыре тысячи двести тонн, выполняя маневр «зигзаг», столкнулся с «Куин Мэри» и пошел ко дну в водах Атлантики. Тиндэл никогда не рассказывал об этом случае, но всегда помнил о нем.

«Улисс» занимал в строю эскортного соединения свое обычное положение флагманского корабля — в центре по отношению к другим тринадцати кораблям.

Прямо по носу шел крейсер «Стирлинг». Это был старый крейсер типа «Кардиф» — надежный корабль, обладавший значительно меньшей скоростью хода, чем «Улисс», вооруженный пятью шестидюймовыми орудиями,

но его корпус был мало приспособлен для плавания в штормовых условиях Арктики. Основная задача «Стирлинга» — оборона кораблей соединения. Кроме того, в случае выхода «Улисса» из строя этот корабль должен был стать флагманским.

Конвойные авианосцы «Дифендер», «Инвейдер», «Рестлер» и «Блю Рейнджер» шли справа и слева от «Улисса». «Дифендер» и «Рестлер» чуть впереди траверза, а «Инвейдер» и «Блю Рейнджер» чуть позади. Эти вспомогательные авианосцы по пятнадцать — двадцать тысяч тонн водоизмещением совсем не походили на крупные авианосцы регулярных сил флота, такие, как «Индифэтигэбл» и «Илластриес». В авианосцы они были переоборудованы из американских судов торгового флота.

Эти корабли были способны развивать ход до восемнадцати узлов. С их прямоугольных взлетных палуб длиной четыреста пятьдесят футов могли подняться в воздух около тридцати истребителей или двадцать легких бомбардировщиков. Эти старые, неуклюжие посудины, совсем непохожие на военные корабли, во время войны прекрасно справлялись со сложными задачами обеспечения воздушного прикрытия, обнаружения и уничтожения надводных кораблей и подводных лодок противника. На их счету было так много побед на воде, под водой и в воздухе, что в адмиралтействе часто не верили их донесениям.

Не внушали особого доверия стратегам из Уайтхолла и другие корабли охраны, хотя они и назывались эсминцами. Это название было, конечно, чисто символическим, потому что в действительности это была «сборная солянка» из кораблей самого различного назначения. Один из них — «Нэрн» — был фактически фрегатом речного флота водоизмещением полторы тысячи тонн, другой — «Игер» — минным тральщиком, а третий — «Гэннет» — старым корветом, предназначенным для каботажного плавания.

«Вектра» и «Викинг» представляли собой эсминцы устаревшего образца, тихоходные и слабо вооруженные, правда, достаточно прочные и надежные. Эсминец «Бэллиол» также являлся кораблем устаревшей конструкции и совершенно не годился для действий в северных морях. «Портпатрик» был одним из пятидесяти четырехтрубных эсминцев периода первой мировой войны, переданных Англии Соединенными Штатами по ленд-лизу. Никто

даже не пытался угадать, сколько этому кораблю лет. Он постоянно привлекал к себе внимание всего флота, и как только погода портилась, все с интересом следили за ним. По слухам, два корабля такого же типа затонули в Атлантике во время шторма, перевернувшись вверх килем. Такова уж, видно, природа человека — каждый хотел поскорее насладиться грандиозным зрелищем и ждал ухудшения погоды, чтобы лично убедиться в обоснованности этих слухов. Как к этому относился экипаж «Портпатрика», сказать было трудно.

Семь кораблей охранения несли свою службу весь день: фрегат и тральщик шли впереди, эсминцы — по бортам, а корвет — позади. Восьмой эскортный корабль — «Сиррус» — современный быстроходный эсминец типа «S» под командованием капитана 3 ранга Орра без устали носился вдоль и поперек всего строя эскортного соединения. Командиры кораблей завидовали Орру, получившему такое задание от Тиндэла. Но зависть командиров не была злобной, и никто не обижался, что именно «Сиррусу» оно досталось. Этот корабль, как ни один другой, был хорошо подготовлен и оснащен для обнаружения и уничтожения притаившихся в засаде подводных лодок противника.

Джонни Николас посматривал из иллюминатора кают-компания на покрытое серыми тучами небо. Даже добрый снег, укрывавший тысячи грехов, не мог сделать эти угловатые, неуклюжие и устаревшие корабли более привлекательными.

Николас подумал, что ему следовало бы, наверное, почувствовать себя горько обиженным милордами из адмиралтейства, разъезжавшими сейчас в своих шикарных «лимузинах» или сидевшими в удобных креслах за столиками, где разложены огромные карты с флажками. Эти джентльмены отправили потрепанные корабли флота в суровые воды северных морей для борьбы с новейшими подводными лодками противника. Но эти мысли быстро развеялись. Николас знал, что адмиралтейство с удовольствием дало бы соединению дюжину новых эсминцев, если бы они у него были. Николас понимал, что обстановка крайне тяжелая, что в первую очередь следовало удовлетворить потребность в кораблях на Атлантике и на Средиземном море.

Николас подумал, что ему надлежало бы с чувством горькой иронии относиться к старым, потрепанным кораблям своего соединения. Но и такого чувства у него не было. Он знал, на что способны эти корабли и как они уже себя показали. Если Николас и испытывал какие-то чувства по отношению к ним, то это было чувство восхищения, может быть, даже гордости. Николас неловко поежился и отошел от иллюминатора. Его взгляд упал на Карпентера. Тот, откинувшись в кресле, положил ноги, обутые в высокие, отороченные мехом сапоги, на крышку электрокамина.

Штурман «Улисса» лейтенант Карпентер был лучшим другом Николаса, одним из тех моряков, которыми, по мнению Николаса, можно гордиться. Карпентер везде чувствовал себя как дома: на танцплощадке, на быстрокрылой яхте, на пикнике, на теннисном корте и за рулем своего автомобиля, но служба на флоте была для него смыслом всей жизни. За безудержной удачью и острым умом скрывался глубокий романтизм, беспредельная любовь к морю, которую он всячески скрывал.

Николас сам удивлялся, почему он дружит с Карпентером. Ведь они так не похожи друг на друга. Для разудалого Карпентера сдержанность и молчаливость Николаса были отрицательными качествами. Николас же всей душой отвергал те строгие устои морской службы, которыми так восхищался Карпентер. Возможно, из-за чрезмерно развитого в нем индивидуализма и любви к независимости, столь характерных для шотландцев, Николас был ярким противником жесткой корабельной дисциплины, всякого проявления власти и бюрократизма.

Даже три года назад, когда начавшаяся война заставила Николаса покинуть госпиталь в Глазго, он уже подозревал, что его личные взгляды вступят в острые противоречия с требованиями старших по службе. Так оно и случилось. И тем не менее Николас стал первоклассным офицером.

В динамике, висевшем в углу кают-компания, что-то щелкнуло. По горькому опыту Николас знал, что когда включают корабельную радиотрансляционную сеть, хорошего не жди.

«Вниманию всех! Вниманию всех! — прозвучал металлический голос радиста. Карпентер даже не пошепелянулся. — В семнадцать тридцать с обращением к экипажу

выступит командир корабля. Повторяю: командир корабля выступит с обращением к экипажу в семнадцать тридцать».

Николас толкнул Карпентера ногой.

— Проснись. Уже пора, если хочешь выпить чашку кофе перед заступлением на вахту.

Штурман открыл глаза, тяжело вздохнул и лениво потянулся.

— Кроме того, — продолжал Николас, — там, на палубе, просто прекрасно: море серчает, температура понижается, ветер усиливается. Как раз то, что ты любишь, Энди.

Карпентер снова потянулся, снял ноги с крышки камина и сел, низко наклонив голову. Длинные прямые волосы закрыли его лицо и руки.

— В чем дело? — хрипло спросил он, все еще не очнувшись от сна. Потом улыбнулся. — Знаешь, Джонни, где я сейчас был? У нас на Темзе. Там сейчас лето. Лето в самом разгаре. Тепло и тихо. Она была одета во все зеленое...

— У тебя, наверное, несварение желудка, — резко оборвал его Николас. — Все у тебя в розовых тонах... Сейчас половина пятого. Через час по радио выступит командир. В любой момент могут объявить тревогу. Давай-ка лучше поедим.

Карпентер встал, потянулся, подошел к иллюминатору, посмотрел через него на море и поежился от холода. Потом сказал:

— Интересно, что сегодня скажет старик.

— Не знаю. Посмотрим, каким тоном он будет говорить. Положение, как говорят, не из блестящих. — Николас попытался улыбнуться, но улыбка исчезла, едва успев появиться.

— Ведь матросы не знают, что мы снова идем в Мурманск, хотя догадаться, конечно, нетрудно.

— Да... — протянул Карпентер. — Не думаю, что старик будет пытаться как-то затушевать опасности, ожидающие нас в пути, или извиняться перед людьми, говорить, что это не его вина.

— Ты прав, — согласился Николас. — Наш командир так не поступит. Это не в его характере. Он никогда не снимает с себя вины. — Николас посмотрел на камин. Потом перевел взгляд на друга. — Командир — больной человек, Энди, очень больной.

— Что? — удивился Карпентер. — Болен? Ты шутишь?

— Нет, не шучу, — прервал его Николас и неожиданно перешел на шепот: в кают-компании появился капеллан Уинтроп. Он нравился Николасу, но был болтлив, и Николас не хотел, чтобы тот услышал разговор. — Старый Сократ говорит, что болезнь зашла далеко, а ему можно верить. Вчера вечером старик вызвал его к себе в каюту. Палуба была в пятнах крови. Старика душил кашель. Его буквально выворачивало наизнанку. Острый приступ астмы. Брукс давно подозревал, что старик болен, но тот не позволял ему осмотреть его. Брукс говорит, что еще один-два таких приступа и конец. Только это пусть останется между нами, хорошо?

— Конечно. Значит, Джонни, ты считаешь, что командир умирает?

— Да. Ну давай теперь выпьем кофе, Энди.

Через двадцать минут Николас был уже в лазарете. Темнело. Качка стала сильнее. Брукс чем-то занимался в операционной.

— Добрый вечер, сэр. Сейчас будет боевая тревога. Разрешите мне остаться в лазарете сегодня вечером.

Брукс вопросительно посмотрел на Николаса.

— По боевому расписанию, — сказал он, — вы должны находиться на корме, в кубрике машинистов.

— Я вас очень прошу.

— В чем дело? Вам скучно или вы устали?

— Нет. Просто мне очень хотелось бы посмотреть, как будут реагировать Райли и компания на выступление командира. Это может оказаться очень поучительным.

— Новый Шерлок Холмс? Ну хорошо. Позвоните командиру аварийной партии на юте и скажите ему, что вы заняты. Придумайте что-нибудь.

Николас улыбнулся и снял трубку телефона.

Когда раздался сигнал боевой тревоги, Николас находился в приемном отделении лазарета. Свет не горел. Шторы, отгораживающие лазарет, были задернуты. Николас видел каждый уголок ярко освещенного стационара. Пятеро больных дремали, двое других — Петерсен и Бургесс — сидели на койках и тихо разговаривали, поглядывая на человека, лежавшего на койке между ними. Это был кочегар Райли.

С ранних лет Райли стал на путь преступлений и упорно шел этой дорогой всю свою жизнь. Человека делает окружение, и Райли в этом отношении не был исключением. Николасу было кое-что известно о прошлом Райли. Он знал, что тот вырос без отца. Мать была неграмотной женщиной. Жили они в развалюхе на окраине Ливерпуля.

Райли понимал, что способности его ограничены, и поэтому остановился на самом примитивном виде преступлений — краже и грабеже. Шесть раз он сидел в тюрьме. Последний раз — два года. Каким образом его призвали на военную службу — оставалось загадкой. И для Райли, и для всех, кто это сделал. Еще в береговом экипаже Райли не раз попадался на мелких кражах. Его сажали в карцер, а потом каким-то чудом назначили кочегаром на «Улисс».

Воровская карьера Райли на корабле была короткой. При первой же попытке взломать рундучок в кубрике морских пехотинцев он был пойман с поличным сержантом Эвансом и матросом Макинтошем. Они не стали возбуждать дела против Райли, но следующие три дня Райли пришлось провести в лазарете. Он попытался представить дело так, что поскользнулся и упал с трапа в кочегарку, но истина вскоре стала известна всем. Старший помощник Тэрнер предложил списать Райли с корабля, но, ко всеобщему удивлению, старший механик инженер-капитан 3 ранга Додсон настоял на том, чтобы Райли была предоставлена последняя возможность исправиться, и его оставили на корабле.

С тех пор, а произошло это четыре месяца назад, Райли всеми силами старался возбудить недовольство среди матросов. Прежнее безразличие к службе на флоте теперь сменилось жгучей ненавистью. В организации беспорядков Райли оказался более удачливым, чем в своих уголовных делах. Здесь во многом сказались неутомимая энергия и хитрость Райли, умение подчинить людей своей воле. Именно эти качества Райли максимально использовал, когда несколько дней назад поднял людей на бунт, во время которого жертвой пали кочегар Ралстон и морской пехотинец с «Кумберленда», которому кто-то сломал шею. Убийство морского пехотинца было несомненно делом рук Райли, но доказать этого никто не мог.

«Что же задумал теперь Райли? — размышлял Николас. — Как же понять, что этот самый Райли, который

был постоянным возмутителем спокойствия на «Улиссе», мог с большой нежностью ласкать прилудного котенка или подбитую птицу?»

В динамике раздался треск. Голоса в лазарете стихли. И не только здесь, но и на всем корабле. Люди застыли в тревожном ожидании.

«Говорит командир. — Голос был спокойный. Никаких признаков напряжения или усталости. — Вы знаете, что я взял себе за правило перед началом похода рассказывать о предстоящих делах. Мне кажется, вы имеете право знать, что вас ожидает, а мой долг — рассказать вам об этом. Этот долг не всегда приятная обязанность, а за последнее время она не была таковой совершенно определенно. На этот раз я обращаюсь к вам не без удовольствия. Нынешний поход — последний поход «Улисса» в составе сил флота метрополии. Через месяц нас переведут в Средиземное море».

«Подслащивает пилюлю», — подумал Николас.

Но командир думал иначе.

«Прежде всего о наших задачах. Впереди снова Мурманск. В десять тридцать в среду севернее Исландии у нас randevu с конвоем из Галифакса. В составе конвоя восемнадцать судов — все крупные, быстроходные суда, со скоростью хода пятнадцать узлов и более. Это наш третий конвой, идущий в Россию, — эф-эр-семьдесят семь. На судах — танки, самолеты, авиационный бензин и нефть. Больше ничего.

Не хочу пытаться уменьшить ожидающие нас опасности. Вам известно, в каком отчаянном положении сейчас находится Россия, как остро нуждается она в оружии и топливе. Можете быть уверены, что это известно и немцам. Их агенты наверняка уже узнали характер грузов и дату отправления конвоя. Нацисты не остановятся ни перед чем, чтобы помешать конвою пройти в Россию.

Я никогда не пытался обмануть вас. Не сделаю этого и сейчас. Нам поставили трудную задачу. Наше преимущество — скорость и внезапность. Мы попытаемся прорваться прямо мимо Нордкапа.

Против нас четыре главных фактора. Вы уже заметили, что погода изо дня в день ухудшается. На этот раз мы, кажется, попадем в шторм, необычный даже для Арктики. Возможно, это помешает немецким подводным лодкам напасть на нас. Но это, повторяю, только возможно. В то

же время такая погода, возможно, будет означать для нас потерю некоторых малых кораблей охранения — у нас нет времени ожидать улучшения погоды. Конвой эф-эр-сеп-десят семь задерживаться не может. А это почти наверняка значит, что авианосцы не смогут обеспечить нам истребительное прикрытие».

«Черт возьми, — думал Николас. — Командир совсем утратил чувство меры. Он наверняка добьет остатки боевого духа у моряков. А ведь этот боевой дух и без того невысок. Зачем же...»

«Во-вторых, — спокойным голосом продолжал Вэллери, — спасательных судов в конвое не будет. На остановки для спасения людей времени нет. К тому же вам известно, что произошло со «Стокпортом» и «Зафаараном». Попытки подбирать людей приведут к еще большим жертвам.

В-третьих, насколько нам известно, на семидесятой параллели действуют две или, возможно, три немецкие «волчьи стаи». Из донесений наших агентов в Норвегии ясно, что немцы сосредоточили в этом районе крупные силы бомбардировочной авиации.

Наконец, у нас есть основания предполагать, что противник готовится выслать «Тирпиц». Мне нет необходимости рассказывать вам, что это значит. Немцы могут рискнуть этим кораблем, чтобы не дать пройти конвою. В адмиралтействе предполагают, что они так и поступят. На последнем отрезке пути главные силы флота метрополии, в том числе, возможно, авианосцы «Викториес» и «Фьюриес», а также три крейсера будут идти параллельным с нами курсом на удалении, равном двенадцати часам хода. Этого случая в адмиралтействе ждали давно, и мы сыграем роль приманки в ловушке...

Возможно, что события развернутся совсем не так, как мы ожидаем, и самые лучшие планы иногда рушатся. Может быть, ловушку не удастся захлопнуть вовремя. Но конвой должен пройти. Если нельзя будет обеспечить прикрытие конвоя с авианосцев, это должен сделать «Улисс». Вы понимаете, что это значит. Надеюсь, что я изложил все предельно ясно.

Знаю, что требую почти невозможного. Знаю, чувство безнадежности и горечи сжигает ваши сердца. Кому, как не мне, знать, через какие испытания вы прошли и как нужен вам отдых. Его вы получите. Всему экипажу корабля разрешен десятидневный отпуск после возвращения

в Портсмут восемнадцатого числа. Затем отправимся на ремонт в Александрию. Но пока... Я знаю, что это покажется вам бесчеловечным... Пока я прошу вас пройти снова все испытания, испытания, возможно, более тяжелые, чем прежде. Иного выхода нет...

Никто не имеет права требовать от вас выполнения этой задачи. Нет такого права у меня... Но я знаю, что вы исполните свой долг, не подведете меня. Я уверен, что «Улисс» успешно завершит переход. Желаю всем удачи, и да благославит вас бог».

Динамики умолкли, и на корабле воцарилась мертвая тишина. Люди сидели не двигаясь. Старались не смотреть друг на друга. Казалось, каждому хотелось остаться наедине с самим собой, обдумать сложившееся положение.

Часы в лазарете громко отстукивали минуты. Тяжело вздохнув, Николас тихонько прикрыл дверь в стационар, включил свет и посмотрел на стоявшего рядом Брукса.

— Ну как, Джонни? — ласково спросил Брукс.

— Не знаю, сэр, не знаю. — Николас покачал головой. — Сначала я думал, что Вэллери пытается сгустить краски, напугать людей. К моему удивлению, он именно так и сделал. Наговорил всяких страстей — и штормы, и «Тирпиц», и стаи подводных лодок... — Николас вдруг умолк.

— Значит, напугал вас? — спросил Брукс.

Николас ничего не ответил.

— Слишком уж много вы философствуете, Джонни. В этом ваше несчастье. Я видел, как вы слушали командира. Так слушает психиатр разглагольствования сумасшедшего. Но ведь он говорил просто блестяще, Джонни. Нарисовал очень мрачную картину. По сути дела, он сказал, что порученное нам задание — прямой путь к самоубийству. И все же его выступление мобилизовало людей. Почему же, Джонни?

— Не знаю, — взволнованно пробормотал Николас. — Может быть, никакого мобилизующего влияния речь Вэллери и не оказала. Вот послушайте. — Он погасил свет и осторожно открыл дверь в стационар. Наступившую тишину нарушил приглушенный голос Райли.

— Все это обман. Александрия? Там вам быть не суждено. Никогда. Даже Скапа-Флоу вам не увидит еще раз. Знаете, что задумал этот пройдоха Вэллери? Еще

одну орденскую планку хочет получить, а может быть, даже «Крест Виктории». Но у него ничего не выйдет. Во всяком случае этого я не допущу, если... если смогу. «Вы не подведете меня», — передразнил Райли командира, резко повысив голос. — Хитрая старая бестия, этот Вэллери! «Тирпиц»! Мы потопим его? Мы, то есть наш дрянной кораблишко? Приманка, он говорит. — Голос Райли стал более твердым. — Никто о нас не думает. Нас просто-напросто отдают на съедение стаям волков.

— Заткнись! — зловеще прошептал в ответ Петерсен. — Я часто задумывался над твоими поступками, Райли. Но теперь больше не желаю тебя слушать. Меня наизнанку выворачивает от твоих слов.

Райли повернулся к Бургессу.

— Что это с ним, а? Какого черта... — вдруг осекся Райли.

Бургесс угрюмо посмотрел на него, повернулся спиной и натянул на голову одеяло.

Брукс подлетел к двери, закрыл ее и зажег свет.

— Действие первое, картина первая. Занавес, — прошептал Брукс. — Понимаешь, Джонни, что это значит?

— Да, сэр, — кивнул в ответ Николас. — По крайней мере, мне кажется, что я понимаю.

— Помни, мой друг, такие настроения недолговечны. Может быть, нам все же удастся добраться до Мурманска.

— Будем надеяться, сэр. Благодарю вас за спектакль. — Николас протянул руку к вешалке, где висела его куртка. — Мне, наверное, пора на ют.

— Идите. И прошу вас, Джонни...

— Что, сэр?

— Объявление, которое вы повесили у входа в лазарет, снимите и выбросьте за борт. Думаю, что оно нам больше не нужно.

Николас улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Глава четвертая ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЧЕР

Вскоре после обращения Вэллери к экипажу радиолокационная станция обнаружила приближающуюся цель. В том, что это самолет противника, сомнений не было. На

посту наведения истребителей перед начальником авиационной службы соединения капитаном 3 ранга Уэстклиффом висела карта, на которой были проложены маршруты полетов всех самолетов берегового и переправочного командования. Там, где сейчас находился «Улисс», своих самолетов не должно быть. Тем не менее на поступившее с радиолокационного поста донесение никто не обратил внимания. Лишь Тиндэл приказал изменить курс на сорок пять градусов. Появление самолета было таким же обычным явлением, как и боевая тревога с наступлением сумерек. Старый друг «чарли» готовился нанести кораблям свой традиционный «визит вежливости».

«Чарли», как моряки называли четырехмоторные немецкие «кондоры» Фокке-Вульф, слыли настоящей тенью конвоев, шедших в Россию. Для английских моряков они давно стали такими же предвестниками несчастий, как и альбатросы во времена парусного флота. В начале войны, когда еще не было вспомогательных и эскортных авианосцев, самолеты «чарли» часто проводили целые сутки над конвоем, передавая по радио точные его координаты.

Часто английские корабли вели радиопереговоры с немецкими разведывательными самолетами, и по этому поводу ходило немало анекдотов. Самым обычным явлением стал обмен любезностями по поводу погоды. В других случаях с самолета совершенно откровенно спрашивали о местонахождении кораблей, а из переданных в ответ сведений следовало, что конвой и самолет находились где-то в просторах южной части Тихого океана. Около дюжины кораблей оспаривало право считаться инициаторами следующей шутки: командир конвоя послал немецкому летчику просьбу не кружиться над кораблями в одном направлении. Дескать, это вызывает головокружение у моряков. И немец якобы удовлетворил эту просьбу.

Позднее, однако, дружелюбию пришел конец. С появлением в составе охранения конвойных авианосцев самолеты «чарли» стали появляться над ними только после захода солнца. Обычно немецкий разведчик делал один круг над конвоем, стараясь держаться на большом удалении, и потом исчезал.

И на этот раз ничего не произошло. С кораблей увидели самолет только на короткий момент. Затем он исчез за снежной пеленой. Разведчик уже наверняка сообщил о

составе и курсе движения эскадренной группы, хотя Тиндэл и надеялся, что ему удалось ввести летчика в заблуждение относительно истинного курса соединения. Корабли на шестьдесят второй параллели, восточнее Фарёвских островов, идущие курсом норд-норд-ост — такие данные вряд ли могли показаться немецкому командованию достоверными, особенно если учесть, что ему было известно о выходе конвоя из Галифакса. Все было ясно как дважды два. Попыток поднять в воздух истребители «Сифайр», которые могли бы перехватить удалявшийся немецкий самолет, не предпринималось. Истребителям было трудно отыскать в темноте свой авианосец даже по радиомаяку, а совершать посадку, пробивая снежный заряд, было бы равноценно самоубийству. Малейший просчет, малейшая ошибка грозила бы гибелью не только самолету, но и летчику. Что же касается самолетов «Сифайр», то эти узкотельные, похожие на торпеду машины с тяжелым авиационным двигателем «Ролс-Ройс» в носовой части фюзеляжа были настоящей ловушкой для летчиков. Самолет сразу уходил под воду, не задерживаясь на поверхности ни минуты.

«Улисс» лег на прежний курс. На корабле сыграли отбой боевой тревоги, и жизнь экипажа потекла обычным чередом: вахта за вахтой. Четыре часа — на вахте, четыре — подвахтенным. Не двенадцать и двенадцать, что можно было бы вынести, а четыре и четыре. Помимо обычной вахты людям приходилось по три часа в день проводить на постах по боевой тревоге, а через каждые сутки во время подвахтенных часов утром участвовать в работах по кораблю. Кроме того, и часы приема пищи приходились на подвахтенное время. Таким образом для сна оставалось три-четыре часа в сутки. А бывало и так, что люди не спали по сорок восемь часов подряд.

Ртутный столбик термометра и стрелка барометра неуклонно падали вниз. Волнение на море усиливалось. Волны становились все выше и круче. Пронизывающий ветер бросал тучи снега в лица людей, работающих на палубе. Стоя на мостике помощник командира капитан-лейтенант Кэррингтон, штурман Карпентер, сигнальщики, старший торпедный электрик-прожекторист и рассылные, напряженно вглядывались в окружающую корабль мглу ночи и мечтали о том, чтобы стало хоть немного теплее.

Около полуночи на мостик поднялся старший помощник командира капитан 3 ранга Тэрнер и минер Маршалл. Даже в этот поздний час Тэрнер оставался верен себе — такой же собранный и жизнерадостный. Фуражка лихо сдвинута набок. Капюшон плаща откинут на плечи.

Поднявшись на мостик, Тэрнер постоял несколько секунд, давая глазам привыкнуть к темноте. Затем, разглядев Кэррингтона, подошел к нему и потрепал по плечу.

— Ну, помощник, как дела? — улыбаясь, спросил он. — Холодно? Ну а как наши подопечные, все на месте? — Тэрнер посмотрел вокруг и, ничего не увидев, произнес уже без иронии: — Все разбрелись, черти!

— Дела не так уж плохи, — ответил капитан-лейтенант Кэррингтон, в прошлом капитан торгового флота, который был для Вэллери большим авторитетом. Тэрнера с Кэррингтоном связывала крепкая дружба моряков-профессионалов. — Время от времени авианосцы показываются. Боуден и его ребята на кормовом посту следят за ними и не выпускают их с экранов. Так, по крайней мере, они говорят.

— Не говорите этого при Боудене, — посоветовал Маршалл. — Он считает, что изобретение радиолокатора — это единственный шаг вперед, который человечество сделало за время своего существования. — Маршалл поежился от холода и встал спиной к ветру. — Я с радостью оказался бы сейчас на его месте, — прочувственно добавил он. — Здесь на мостике хуже, чем зимой в Альберте.

— Чепуха, мой друг, чепуха, — с усмешкой проговорил Тэрнер. — Это просто упадочнические настроения. Беда с вами, молодежь. Именно так и должен жить каждый уважающий себя человек, — Тэрнер с удовольствием вдохнул свежий морозный воздух и повернулся к Кэррингтону.

— Сколько на румбе?

— Триста двадцать, сэр. Ход пятнадцать узлов.

— А где командир?

— В командирской рубке. — Кэррингтон кивнул головой в сторону легко бронированной выгородки в задней части мостика. — Надеюсь, спит, — добавил. — Но очень сомневаюсь в этом. Он приказал разбудить его в полночь.

— Зачем? — спросил Тэрнер.

— Не знаю. Видимо, просто хочет знать, как идут дела.

— Можете не выполнять его приказа, — отрывисто сказал Тэрнер. — Командир должен уметь выполнять приказы наравне со всеми, особенно приказы врача. Беру всю ответственность на себя. Идите, вы свободны.

Скрипнула входная дверь. Маршалл вопросительно посмотрел на старпома.

— Я знаю, сэр, что это не мое дело, но... — Маршалл помедлил, — все ли в порядке с нашим командиром?

Тэрнер осмотрелся и спокойно сказал:

— Если бы Брукс мог приказывать, то старик был бы сейчас в госпитале. — На какой-то момент он замолчал, а потом добавил: — Но и это было бы уже поздно.

Маршалл ничего не ответил. Обойдя мостик, он направился к прожекторной установке на левом борту. В течение пяти минут до старпома доносились приглушенные голоса. Когда Маршалл вернулся, Тэрнер вопросительно посмотрел на него.

— Это Ралстон, сэр, — доложил командир минно-торпедной части. — Кроме меня он вряд ли заговорит с кем-нибудь откровенно.

— Ну и что же, заговорил?

— Да, но только о том, о чем хочется ему. Об остальном предпочитает помалкивать, как я ни старался. Не знаю, как и подойти к нему. Что же нам делать, сэр?

— Оставьте его в покое, — посоветовал Тэрнер. — Ничего не поделаешь. Уж очень много неприятностей заготовила судьба этому парню.

Снова наступило молчание. Снегопад почти прекратился, но ветер не утихал.

Было около половины второго ночи, когда Тэрнеру захотелось выпить горячего. «Кофе или какао», — раздумывал он и решил остановить свой выбор на какао. Повернулся к рассыльному Крайслеру, младшему брату корабельного гидроакустика Крайслера, и хотел уже было попросить его принести чашку какао, когда из внезапно ожившего динамика донеслось: «Мостик, докладывает радиорубка. Мостик, докладывает радиорубка».

Подскочив к микрофону, Тэрнер включил его и сердито рявкнул:

— Мостик. Старпом слушает.

«Радиограмма с «Сирруса»: «Отраженный акустический контакт с подводной целью слева по носу, пеленг триста градусов. Сигнал усиливается, цель приближается».

— Контакт с подводной целью? В радиорубке: повторите!

— Да, сэр, контакт с подводной целью.

Еще продолжая слушать доклад радиста, Тэрнер протянул руку к фосфоресцирующей кнопке сигнала боевой тревоги и нажал ее.

Две минуты спустя «Улисс» был изготовлен к бою. Старпом перешел в кормовой командно-дальномерный пост. На мостике появились Вэллери и Тиндэл.

«Сиррус», следуя в двух милях слева по борту от «Улисса», в течение получаса поддерживал контакт с целью. На помощь ему был послан «Викинг». В нижних помещениях «Улисса» было слышно, как они сбрасывали глубинные бомбы. Через некоторое время с «Сирруса» донесли: «Атаки безуспешны. Контакт с целью потерян. Надеемся, что вас не побеспокоили».

Тиндэл приказал отозвать оба эсминца и дать отбой.

Вернувшись на мостик, старпом попросил рассыльного принести чашку какао. Быстро сбежав на матросский камбуз, Крайслер принес чайник с густым горячим напитком и налил кружку для старпома. Отхлебнув глоток, Тэрнер торопливо заметил:

— Молодец, Крайслер. Маршалл, побудьте здесь за меня. Мне нужно посмотреть, где мы находимся.

Тэрнер удалился в штурманскую рубку и, удобно устроившись там в кресле, стал внимательно рассматривать карту. Не успел он закурить сигарету, как в динамике снова раздался голос радиста. Теперь доносили с «Портпатрика». Обычно донесениям командира этого корабля не очень доверяли, но на этот раз он был настойчив. У Тэрнера не оставалось выбора — он снова дал сигнал боевой тревоги.

Двадцать минут спустя дали отбой, но старпому так и не пришлось в эту ночь выпить какао. Еще трижды сигнал боевой тревоги вызывал людей на боевые посты.

На заре Вэллери, как и всегда, был на мостике. По-красневшие глаза глубоко ввалились, губы побледнели. Сильное кровотечение и бессонная ночь давали о себе знать.

Теперь корабли эскортной группы было лучше видно с мостика. Каким-то чудом большая часть кораблей держивала строй. Фрегат и тральщик держались впереди,

опасаясь столкнуться с крейсером. В течение ночи только «Инвейдер» потерял свое место в строю и сейчас находился далеко за охранением. Получив гневный нагоняй от адмирала, корабль поспешил занять свое место в порядке.

Сигнал отбоя был дан в восемь ноль-ноль. В восемь десять, сменившись с вахты, люди уже пили чай, приводили себя в порядок, спешили с подносами в руках к камбузу. В этот момент «Улисс» содрогнулся от взрыва. Полотенца, мыло, тарелки и подносы были брошены. Озлобленные люди, не дожидаясь сигнала тревоги, разбежались по боевым постам.

В полумиле от «Улисса», как на шарнире, крутился «Инвейдер». Взлетная палуба корабля как-то неестественно наклонилась. Снова повалил снег, хотя и не так сильно, чтобы нельзя было различить густое облако черного дыма, охватившее мостик «Инвейдера».

— Идиоты! Идиоты! — кричал Тиндэл. Даже Вэллери он не мог признаться, как глубоко переживал это происшествие, сознавая свою ответственность перед людьми. — Вот, командир, что случается, когда корабль выходит из ордера. В этом и моя вина. Нужно было выслать для сопровождения «Инвейдера» эсминец. — Тиндэл посмотрел в бинокль, а затем обратился к Вэллери. — Прикажете передать на «Инвейдер», чтобы доложили о повреждениях... Эта чертова лодка, наверное, выслеживала его с утра, выбирая наиболее выгодную позицию для атаки.

Вэллери промолчал. Он понимал, что Тиндэл очень расстроен повреждением одного из кораблей группы. «Инвейдер» оставался на плаву, но сильно накренился. Густой столб дыма поднимался над кораблем, хотя пламени видно не было.

— Какие меры примем, сэр? — поинтересовался Вэллери.

Тиндэл в раздумье закусил губу.

— Займемся этим сами. Прикажете группе следовать вперед тем же курсом. Ход прежний. Передайте на «Бэллиол» и «Нэри» — пусть останутся у «Инвейдера».

Наблюдая за передачей сигналов, Вэллери неожиданно увидел рядом с собой Карпентера.

— Это не подводная лодка, сэр, — заметил штурман, — «Инвейдер» не мог быть торпедирован.

Тиндэл, услышав эти слова Карпентера, повернулся на своем табурете и с удивлением посмотрел на незадачливого штурмана.

— Что вам известно о случившемся, сэр? — проворчал он.

Все знали, что, если адмирал говорил кому-либо из подчиненных «сэр», хорошего не жди. Карпентер сильно покраснел, но не отступился.

— Во-первых, сэр, «Сиррус» прикрывает левый борт «Инвейдера» с тех пор, как вы отозвали его. «Сиррус» находится там уже давно, и я уверен, что капитан третьего ранга Орт обнаружил бы подводную лодку. Кроме того, на море слишком высокая волна, чтобы лодка, оставаясь на перископной глубине, могла произвести прицельный выстрел торпедой. Если же с подводной лодки и был произведен выстрел, то не одной, а наверняка шестью торпедами. А ведь все корабли шли параллельным курсом с «Инвейдером», и ни один из них не пострадал...

— Пустые догадки, штурман, — проворчал Тиндэл. — Пустые догадки...

— Нет, сэр, — настаивал Карпентер. — Не догадки. Могу поклясться, что это так. — Он посмотрел в бинокль. — Посмотрите! «Инвейдер» идет задним ходом. Это можно объяснить только тем, что он получил пробоину в носовой части ниже ватерлинии. Вполне возможно, что это была мина. Возможно, акустическая.

— Конечно, конечно, — иронически произнес Тиндэл. — Поставленная на глубине около двух тысяч метров, не так ли?

— Дрейфующая мина, — терпеливо доказывал Карпентер. — Или акустическая торпеда. Ведь не всегда немецкие торпеды, не попавшие в цель, сразу тонут. Впрочем, вероятнее всего это мина.

— Может быть, теперь вы скажете мне, какой марки эта мина и когда она была поставлена? — ворчал Тиндэл.

И все-таки доводы штурмана на него действовали. «Инвейдер» действительно шел задним ходом, хотя и очень медленно.

С «Инвейдера» передали семафор, и Бэнтли, приняв его, записал полученное донесение на листке бумаги и протянул его Вэллери.

— «Получил большую пробоину в носовой части правого борта. Подозреваю, что подорвался на дрейфующей

мине. Выясняю повреждения. Доложу немедленно», — прочитал Вэллери.

Тиндэл взял листок с донесением из рук Вэллери и не спеша еще раз прочитал текст. Затем он посмотрел через плечо на Карпентера и, улыбаясь, сказал:

— Думаю, вы правы, штурман. Примите мои извинения.

Карпентер что-то пробурчал себе под нос, отвернувшись и густо покраснел от смущения. Тиндэл посмотрел на Вэллери и заметил:

— Полагаю, нам нужно самим поговорить с командиром «Инвейдера». Как его зовут? Барлоу, кажется? Дайте команду, Вэллери.

Тиндэл и Вэллери поднялись по трапу в пост наведения истребителей. Уэстклифф уступил Тиндэлу кресло.

— Капитан первого ранга Барлоу, — проговорил Тиндэл в микрофон.

— Да, Барлоу слушает, — послышалось из динамика над его головой.

— Говорит адмирал. Доложите, как у вас дела.

— Думаю, что как-нибудь справимся. Взрывом, кажется, оторвало большую часть носа. Есть жертвы. Пожар на корабле почти потушен. Водонепроницаемые переборки пока выдерживают. Ставим подпорки.

— Можете ли дать передний ход?

— Можем, но в таком положении это рискованно.

— Сумеете ли вернуться в базу?

— При таком ветре и волнении, наверное, сможем. Но потребуется не менее трех-четырех суток.

— Хорошо, — резко сказал Тиндэл. — Возвращайтесь в базу. Нам без носа вы все равно не нужны. Не повезло вам, командир, но и я виноват, ошибся. Вас будут сопровождать «Бэллиол» и «Нэрн». Кроме того, я сейчас вызову по радио океанский буксир на всякий случай.

— Благодарю вас, сэр. Спасибо за внимание. Еще одно дело: разрешите опорожнить топливные цистерны на правом борту. Мы приняли много воды и не можем откачать ее всю. Единственный шанс устранить дифферент — опорожнить цистерны.

Тиндэл тяжело вздохнул:

— Я так и полагал. Делать нечего. При такой погоде мы не можем принять от вас топливо. Счастливого пути, Барлоу. Прощайте.

Двадцать минут спустя «Улисс» занял свое место в строю эскортной группы. Еще немного позже с «Улисса» увидели, как «Инвейдер», выровняв дифферент, медленно двинулся на зюйд-ост, сопровождаемый эсминцем и фрегатом. Не прошло и десяти минут, как наблюдатели на «Улиссе» потеряли эти корабли из виду. В составе эскортной группы осталось одиннадцать кораблей.

Глава пятая

ВТОРНИК

Об «Инвейдере» забыли очень быстро. Четырнадцатой группе конвойных авианосцев хватало своих забот. Ей приходилось думать о том, как преодолеть трудности, которые грозили кораблям группы гораздо большими опасностями, чем мины и немецкие подводные лодки.

Тиндэл, стараясь сохранить равновесие на раскачивающейся палубе, крепче схватился за поручни и посмотрел на Вэллери. Уже в который раз за сегодняшний день ему в голову упрямо лезла мысль, что командир «Улисса» выглядит безнадежно больным.

— Ну, что вы скажете по этому поводу, командир? Перспектива не из блестящих, а?

— Ничего не поделаешь, сэр. Погода действительно отвратительная. Кэррингтон проплавал шесть лет в вестиндийских водах, перенес там с десяток ураганов. Говорит, что барометр может упасть еще ниже. Однако такого быстрого спада давления он никогда не наблюдал. Во всяком случае, для северных широт это небывалое явление. Но и это ведь только начало.

— С меня и такого начала достаточно, — сухо заметил Тиндэл.

Девятибалльный ветер не усиливался, снегопад прекратился. Но всем было ясно, что это ненадолго: далеко на северо-западе небо затянула огромная черная туча.

Температура воздуха быстро снижалась. Стены кают и кубриков покрылись льдом. Магистраль пресной воды замерзла. Скованные льдом люки и двери невозможно было сдвинуть с места. Смазка на механизмах управления прожекторами застыла, и пользоваться ими было невозможно. Нести вахту, особенно на мостике, было настоящим

мучением. От резких порывов морозного ветра у людей захватывало дух. Стоило человеку нечаянно взяться за металлические поручни голой рукой, как кожа повисала лохмотьями.

Но все это были мелочи по сравнению с главной опасностью — обледенением. На палубах «Улисса» было уже триста тонн льда, а образование нового льда не прекращалось. Лед лежал толстым слоем на главной палубе, на полубаке, на орудийных площадках и на мостиках. Он свисал с комингсов, башен и поручней. Лед был повсюду. Скользящая поверхность палуб грозила людям смертельной опасностью, и опасность эта была гораздо большей на таком современном корабле с дизельным топливом, как «Улисс», чем на судах торгового флота с паровыми турбинами, где угольная пыль из топок, осаждаясь, растапливала лед. На «Улиссе» можно было только посыпать лед солью и надеяться на счастливый исход.

Но главная опасность для корабля состояла в огромной тяжести льда. Корабль может иметь различную остойчивость. Если его центр тяжести расположен низко, корабль устойчив и легко переносит бортовую качку. Если же центр тяжести находится высоко, корабль не устойчив и бортовая качка опасна. Корабль с трудом возвращается в нормальное положение после каждого крена на борт. На обледеневшем корабле центр тяжести перемещается очень высоко, и опасность опрокидывания становится угрожающей.

Эскортные авианосцы и эсминцы, особенно «Портпатрик», оказались в весьма трудном положении. Авианосцы, и без того крайне неустойчивые из-за большой высоты и огромного веса их взлетных палуб, служили прекрасной площадкой для снега и образования на них толстого слоя льда. Вначале имелась возможность держать взлетные палубы в порядке. Люди расчищали снег метлами и скребками, поливали палубу горячей водой и посыпали солью. Но погода ухудшалась, и теперь уже нельзя было заставлять людей работать под резкими порывами ветра на раскачивающейся обледенелой палубе. Посылать людей на такую работу — значило бы отправлять их на верную гибель.

На эсминцах условия были еще тяжелее. Там людям приходилось бороться не только со льдом, образующимся из выпавшего снега, но и со льдом, который покрывал все

надстройки корабля в результате воздействия морской воды, волнами перекатывавшейся по палубе. Как и их коллеги на авианосцах, командиры эсминцев могли только беспомощно посматривать на зарывающиеся в волны носы своих кораблей и надеяться на лучший исход.

Прошло два часа, в течение которых температура непрерывно падала. Падало и давление. Как это ни странно, но снегопад не возобновился, а черная туча на северо-западе не приблизилась. На юге и востоке небо полностью очистилось от облаков.

Адмирал Тиндэл не видел в этом ничего хорошего. Он всегда пользовался репутацией человека, умеющего сохранять присутствие духа, но сейчас не мог скрыть своего беспокойства. Тиндэл был резок в обращении со всеми, кто находился на мостике, причем резок настолько, что и следа не осталось от той учтивости, которой он славился еще два месяца назад. Он то и дело обводил тревожным взглядом корабли группы, сидя на своем табурете. Наконец Тиндэл встал и направился в командирскую рубку.

В рубке царил полумрак. Вэллери лежал на крохотном диванчике, укрывшись двумя одеялами. В руках он сжимал носовой платок, покрытый пятнами крови. Прежде чем Тиндэл успел помешать ему, Вэллери, корчась от боли, вскочил с дивана и пододвинул адмиралу кресло.

— Ну, представление, кажется, вот-вот начнется, — проговорил Тиндэл. — И что только заставило меня согласиться стать командующим этой эскортной группой?

Вэллери сочувственно улыбнулся.

— Я не очень завидую вам, сэръ. Что вы намерены теперь предпринять?

— А как поступили бы вы? — вопросом на вопрос ответил Тиндэл.

Вэллери засмеялся. На какой-то момент его лицо приняло мальчишеское выражение, но смех быстро перешел в резкий сухой кашель. На платке появилось еще одно кровавое пятно. Приступ кашля кончился, Вэллери поднял голову и, улыбаясь, сказал:

— Это наказание за то, что я посмеялся над старшим по званию. Вы спросили, как поступил бы я? Прежде всего я взял бы себя в руки. Лучше всего, конечно, побыстрее добраться до назначенного места.

Тиндэл только покачал головой:

— Вы никогда не умели скрывать своих чувств.

Оба умолкли на мгновение. Потом Вэллери спросил:

— Как далеко нам еще идти, сэр?

— Штурман утверждает, что осталось около ста семидесяти миль.

— Сто семьдесят. — Вэллери посмотрел на часы. — При такой погоде потребуется двадцать часов... И придется идти. Другого выхода нет.

Тиндэл в знак согласия кивнул.

— Там нас ждут восемнадцать судов, даже девятнадцать, если считать тральщик из Хваль-фиорда. Да и старину Старра, наверное, удар хватит, если... — Тиндэл умолк: в дверь постучали, и вошел сигнальщик.

— Два семафора, сэр.

— Прочитайте их вслух, Бэнтли, — приказал Вэллери.

— Первый с «Портпатрика»: «Трещина в корпусе в носовой части. Вода быстро поступает. Насосы пока справляются. Опасаюсь новых повреждений. Прошу указаний».

Тиндэл сочно выругался. Вэллери спросил:

— А другой от кого?

— С эсминца «Гэннет», сэр: «Корпус трещит...»

— Так. А что дальше?

— Ничего. Просто: «Корпус трещит», и все.

— Гм... Какое спокойствие! — заметил Тиндэл. — Подождите минуту, Бэнтли. — Тиндэл опустился в кресло и задумался.

Вэллери что-то пробормотал, и Тиндэл, подняв голову, пристально посмотрел на него.

— Опасный район, сэр, — сказал Вэллери. — Может быть, авианосцы...

Тиндэл хлопнул рукой по колену.

— Наши мысли совпали, Вэллери. Бэнтли, запишите два семафора. Первый всем кораблям охранения: «Следовать в плотной кильватерной колонне за авианосцами». Второй авианосцам: «Травить в море топливо, каждому с одного борта, по двадцать галлонов в минуту». Поняли, Бэнтли? Поторопитесь с отправкой и скажите штурману, чтобы принес карту.

Бэнтли вышел. Тиндэл повернулся к Вэллери:

— Запасы топлива придется пополнять потом. Это единственный выход, если мы хотим дойти до Мурманска... Если в ближайшие сутки погода не улучшится, наши малыши, наверное, не выдержат... А вот и штурман. Давайте посмотрим, где мы находимся. Скажите, как ветер?

— Десять баллов, — ответил Карпентер, раскладывая карту перед Тиндэлом. — Нас немного сносит.

— На норд-вест, да? — Тиндэл потер руки. — Отлично. Ну а теперь покажите, молодой человек, где мы находимся.

— Двенадцать — сорок вест, шестьдесят шесть — пятьдесят норд, — отчеканил Карпентер, не глядя на карту. Тиндэл поднял брови, но ничего не сказал.

— Курс?

— Триста десять, сэр.

— Ну а если бы нам потребовалось найти укрытие для заправки топливом?

— Курс двести девяносто, сэр. Я уже проложил его на карте. Примерно четыре с половиной часа ходу.

— Уже успели, черт возьми... — процедил Тиндэл. — А кто это вам приказал?

— Я все рассчитал пять минут назад, сэр. Мне показалось, что другого выхода у нас нет. Следуя курсом двести девяносто, мы выйдем к мысу Ланганес. Там можно наверняка найти укрытие, — серьезно, без тени улыбки проговорил Карпентер.

— Ему, видите ли, показалось! — прогремел Тиндэл. — Вы только послушайте, командир, а мне та же мысль пришла в голову буквально минуту назад... А ну-ка убирайтесь вон, штурман.

Карпентер промолчал. С чувством невинно пострадавшего он собрал карты и собирался уже уйти, но Тиндэл окликнул его:

— Штурман!

— Есть, сэр. — Карпентер смотрел куда-то поверх головы Тиндэла.

— Как только корабли охранения перестроятся в новый ордер, скажите Бэнтли, чтобы он передал им новый курс.

— Есть, сэр.

— Только не обижайтесь на старого ворчуна. Можете идти и плотнее закройте за собой дверь. Мы тут просто замерзаем.

Ветер усилился. Море покрылось белыми барашками ревущих и стонущих волн. Гребни их становились все круче. Ветер срывал с них тучи брызг.

Топливо, откачиваемое в море с авианосцев, образовало на поверхности воды узкую длинную ленту. Увеличив-

шаяся плотность воды уменьшила волнение за кормой авианосцев, и хотя эсминцы по-прежнему подвергались килевой качке, теперь опасность для них значительно уменьшилась. Тиндэл не скрывал удовлетворения.

К половине пятого вечера до намеченного района укрытия оставалось еще около пятнадцати миль, но от хорошего настроения Тиндэла не осталось и следа. Из-за усилившегося ветра он был вынужден дать приказ сбавить скорость хода.

Море становилось все более грозным. Николас стоял рядом с Карпентером, уже сменившимся с вахты, и поглядывал на шедшие сзади «Дифендер», «Вектру» и «Викинг».

— В медицинском училище мне никогда не приходилось даже слышать о таком море, — заметил Николас. — А тебе, Энди, приходилось видеть подобное раньше?

— Только один раз. Нас захватил тайфун у Никобарских островов. Но и тогда было не так страшно, как сейчас. Кэррингтон говорит, что все это ерунда по сравнению с тем, что ждет нас вечером. А он-то уж знает. Хорошо бы сейчас снова оказаться в Хенлее.

Николас с любопытством посмотрел на друга.

— Не могу сказать, что хорошо знаю Кэррингтона. Он ведь не очень общительный человек? Но все вы: и Тиндэл, и старпом, и командир, и ты — говорите о нем с каким-то особым уважением. Что же в нем особенного? Я очень уважаю его, но он ведь не сверхчеловек.

— Волны начинают разрушаться, — проговорил Карпентер таким тоном, будто он не слушал Николаса. — Посмотри, нет-нет да и появится волна ниже остальных. Каждая седьмая волна, как говорят моряки. Нет, Джонни, он не сверхчеловек. Просто он самый превосходный моряк, какого нам когда-либо приходилось встречать. Он обошел мыс Горн на финском баркасе, когда мы еще пешком под стол ходили. Старпом мог бы рассказать о нем очень много. Такого моряка сейчас действительно нечасто встретишь. Тэрнер и сам человек бывалый, но он кому угодно скажет, что не может поставить себя в один ряд с Джимми. Я не любитель поклоняться героям. Ты это знаешь. Но о Кэррингтоне можно сказать то же, что когда-то говорили о Шеклтоне, — когда ничего не осталось и всякая надежда утрачена, встань на колени и молись за

него. Поверь мне, Джонни, я очень рад, что Кэррингтон с нами.

Николас ничего не ответил. Он был просто поражен услышанным, и ему очень захотелось поближе узнать Кэррингтона.

Скрипнула дверь. Николас и Карпентер резко повернулись. Это был старший матрос зенитчик Дойл. И хотя борода скрывала три четверти той части лица матроса, которая была видна Николасу и Карпентеру, им обоим сразу стало ясно, что Дойл чем-то раздражен.

Карпентер приветливо улыбнулся Дойлу. Они когда-то вместе служили на базе в Китае, и Дойл пользовался уважением штурмана.

— Ну что, старина. Как там дела, внизу?

— Очень плохо. Страшный холод, все перемешалось от качки. Половина команды... — Дойл вдруг умолк. Взгляд его был устремлен куда-то в море.

— Ну и что же происходит с половиной команды?

— Боже милостивый! — голос Дойла звучал глухо, почти как молитва. — Боже милостивый!..

Оба офицера круто повернулись. Нос «Дифендера» медленно вздымался вверх на гребень огромной волны. Когда волна дошла до миделя, корабль на какой-то момент замер, а потом нос его устремился вниз, так что винт и руль вышли из воды и высоко поднялись над ней. Потом весь корабль как бы нырнул в воду...

Даже на расстоянии двух кабельтовых удар носа корабля о воду был похож на раскат грома. Казалось, что «Дифендер» все еще продолжает погружаться, хотя весь корабль уже скрывался под волнами по самый мостик. Как долго «Дифендер» оставался в таком положении, позднее никто не мог сказать. Постепенно, словно в агонии, корабль снова появился над поверхностью воды.

Открывшийся взорам людей корабль представлял собой невиданное зрелище. Давлением огромной, тысячетонной массы воды взлетную палубу подняло на дыбы, и она стала похожа на подкову. Это зрелище заставило людей даже усомниться в том, что они сохраняют рассудок, лишило их дара речи. Такова была реакция всех, кто был свидетелем случившегося с «Дифендером». И только Карпентер сохранял присутствие духа.

— Честное слово, — пробормотал он. — Это действительно необычная картина.

Еще одна такая волна, еще один такой удар — и с «Дифендером» было бы покончено. Но этого не произошло. Следующая волна оказалась меньшей. Произошло чудо, которое с незапамятных времен природа всегда дарила человеку, словно желая доказать ему, насколько он слаб и жалок... К пяти часам вечера, хотя земля все еще была в восьми — десяти милях, соединение уже вошло в относительно спокойные воды за окончательностью мыса Ланганес.

Время от времени командир «Дифендера» посылал ободряющие донесения адмиралу. В трюмы корабля продолжает поступать забортная вода, сообщал он, но пока с ней справляются. Командир «Дифендера» даже не удержался от того, чтобы не пошутить зло, сообщив, что считает новую форму взлетной палубы вполне удобной и более совершенной, чем прежняя. В горизонтально расположенной палубе, по его мнению, не чувствовалось выдумки. А вот вертикальная палуба служит прекрасной защитой от непогоды, является своего рода парусом. В своем последнем сообщении командир «Дифендера» выразил сожаление по поводу того, что не сможет обеспечить взлет самолетов с вертикальной палубы. Всерьез обеспокоенный Тиндэл разозлился и послал такой строгий фитиль командиру «Дифендера», что шуточные донесения с корабля сразу же прекратились.

Около шести часов корабли легли в дрейф у мыса Ланганес в двух милях от берега. Все крейсера и эскортные корабли, за исключением «Портпатрика» и «Гэннета», подошли к авианосцам, приняли на борт шланги и приступили к приемке топлива. Тиндэл решил, что «Портпатрик» и «Гэннет» явятся обузой для соединения и поэтому пусть лучше сопровождают поврежденный авианосец обратно в Скапа-Флоу.

Люди на «Улиссе» дошли до последней степени нервного и физического истощения. Позади была бессонная ночь. Прошли еще сутки, полные тревог и лишений. Все молча выслушали сообщение о том, что «Дифендер», «Портпатрик» и «Гэннет» возвратятся в Скапа-Флоу, как только улучшится погода. Соединение лишилось шести кораблей. Осталось — восемь. Почти половина. Не удивительно, что люди тяжело переживали случившееся, считали себя покинутыми или, как выразился Райли, оставленными на съедение волкам.

И все же в людях не было апатии и злобы. Однако в какой-то момент в тот вечер имела место вспышка гнева, сменившаяся чувством отчуждения. Это было вызвано несправедливостью, которая послужила поводом для инцидента. Даже Вэллери считал, что повод для вспышки злобы имелся, но предпринять что-либо он не мог.

Произошло это вот как. Во время обычной вечерней поверки выяснилось, что сигнальные огни на нижней рее вышли из строя. Вероятно, причиной явилось обледенение.

Нижняя рея, в этот вечер сверкавшая белизной плотного слоя снега и льда, находилась над палубой на высоте шестидесяти футов, то есть почти на восемьдесят футов выше ватерлинии. Сигнальные огни подвешивались под самым носом реи. Чтобы найти неисправность, человек должен был работать сидя на рее — очень неудобное положение, поскольку к носу реи прикреплена радиоантенна, — или же сидя на беседке, спущенной с реи. Выполнить эту работу трудно в любое время, а сейчас ее нужно было сделать в максимально короткий срок, так как из-за нее пришлось прервать радиосвязь. Стальные предохранители, обеспечивающие поступление в антенну тока под напряжением три тысячи вольт, пришлось снять и отдать на время ремонта под наблюдение вахтенного офицера. А работу, требовавшую большой точности и ловкости, нужно было выполнять на сильном морозе, сидя на скользкой, гладкой как стекло рее, когда «Улисс» равномерно раскачивался по дуге в тридцать градусов. Эта необычно трудная работа сейчас стала, кроме того, и исключительно опасной.

Маршалл не считал возможным поручить эту работу старшему торпедному электрику, поскольку тот был мужчиной средних лет, призванным из запаса и успевшим накопить жирок. Лазанье по реям для него, конечно, было делом минувших времен. Маршалл вызвал добровольцев. Выбор его пал на Ралстона.

Работа заняла около получаса. Двадцать минут ушло на то, чтобы забраться вверх по мачте, доползти до носа реи, пристроить беседку и обвязаться страховочным концом, а еще десять минут потребовалось на ремонт самих огней. Задолго до окончания работы сотни усталых людей, отказавшихся от сна и еды, собрались на палубе и с волнением и гордостью следили за действиями смельчака.

Ралстон раскачивался в беседке на фоне темнеющего неба. Ветер широко развевал полы его куртки. Дважды порывы ветра и размахи корабля на качке подбрасывали беседку к самой рее, и Ралстон, чтобы не сорваться, хватался за нее обеими руками. В последний раз он сильно ударился лицом об антенный провод и от неожиданности выронил рукавицы.

Несколько минут спустя, когда Вэллери и Тэрнер стояли в средней части корабля и осматривали повреждения, полученные катером в Скапа-Флоу, мимо них пробежал спешивший на полубак старшина корабельной полиции Хастингс. Заметив командира и старшего помощника, Хастингс остановился.

— Что случилось, Хастингс? — резко спросил Вэллери.

Ему всегда было трудно скрыть свою неприязнь к этому человеку.

— Неприятности на мостике, сэр, — задыхаясь от волнения, доложил Хастингс. Вэллери готов был поклясться, что в голосе старшины прозвучала нотка удовлетворения. — Не знаю, что произошло. Не мог расслышать всего сказанного по телефону. Но... мне кажется, лучше вам вмешаться самому, сэр.

На мостике они застали только троих. Командира артиллерийской боевой части Этертона, который все еще держал в руке телефонную трубку и рассеянно смотрел на толпившихся вокруг него людей. Ралстона, стоявшего с опущенными руками, ладони были в крови, лицо искалось в страшной гримасе, на подбородке белело пятно — признак обморожения, на лбу — замерзшие струйки крови. В углу на палубе лежал младший лейтенант Карслейк. Он громко стонал, рукой ощупывал разбитый рот.

— Боже мой! — воскликнул Вэллери. — Боже мой! — Он оперся рукой о дверцу, стараясь представить себе, что здесь произошло. Потом повернулся к Этертону. — Что случилось? — строго спросил он. — Объясните. Разве Карслейк...

— Его ударил Ралстон, сэр, — доложил Этертон.

— Не говорите глупостей, артиллерист, — вмешался Тэрнер.

— Я вижу, что его ударили, — поспешил заметить Вэллери. — Но кто? Зачем? Почему?

— Из радиорубки пришел радист за предохранителями. Карслейк отдал их ему минут десять назад, как мне кажется.

— Как вам кажется? Где вы были, Этертон, и почему вы разрешили это сделать? Ведь вам хорошо известно... — Вэллери вдруг замолчал, вспомнив о присутствии Ралстона и Хастингса.

Этертон пробормотал что-то в оправдание, но из-за ветра его никто не расслышал.

Вэллери нагнулся к нему.

— Что вы сказали, Этертон?

— Я спустился вниз, — произнес Этертон, показывая взглядом на палубу. — Но всего на несколько секунд, сэр.

— Понимаю, — теперь Вэллери успокоился, но выражение его лица говорило о том, что Этертона ждут большие неприятности. Вэллери повернулся к Тэрнеру. — Что у него там, серьезно?

— Ничего, выживет, — бросил Тэрнер.

Он уже поднял Карслейка на ноги, хотя тот продолжал стонать, закрывая рукой разбитый рот.

Вэллери, казалось, только сейчас увидел Ралстона. Он пристально посмотрел на него, потом спросил:

— А что скажете вы, Ралстон?

На обмороженном лице Ралстона застыла гримаса безразличия, но он не спускал глаз с Карслейка.

— Да, сэр. Я ударил этого негодяя, убийцу.

— Ралстон! — крикнул на него Хастингс.

Ралстон виновато опустил плечи и перевел взгляд с Карслейка на Вэллери.

— Простите. Я забыл, что на плечах у него офицерские погоны. Ведь негодьями могут быть только рядовые. А он...

— Потрите подбородок, Ралстон, — посоветовал Тэрнер. — Он у вас обморожен.

Ралстон потер подбородок тыльной стороной руки. Увидев окровавленную ладонь Ралстона, Вэллери поморщился.

— Он пытался убить меня, сэр, — проговорил Ралстон.

— Вы понимаете, что говорите, Ралстон? — спросил Вэллери.

— Он пытался убить меня, — устало повторил Ралстон. — Он отдал радисту предохранители на пять минут раньше, чем я слез с реи. Я еще только дополз до мачты,

когда радисты могли включить станцию и начать передачу.

— Чепуха, Ралстон. Как вы смеете...

— Он прав, сэр, — вмешался Этертон. Положив телефонную трубку, он продолжал: — Я только что проверил.

Страх охватил Вэллери. Почти в отчаянии он сказал:

— Никто не гарантирован от ошибок. Ошибка может оказаться роковой, но...

— Ошибка? — громко спросил Ралстон. В его голосе больше не чувствовалось ни усталости, ни робости. Он быстро шагнул вперед. — Ошибка! Я дал ему эти предохранители, сэр, когда пришел на мостик. Я хотел отдать их вахтенному офицеру, а Карслейк сказал, что на вахте он. Я не знал, что на самом деле на вахте стоит командир артиллерийской боевой части Этертон. Когда я сказал лейтенанту Карслейку, что эти предохранители должны быть возвращены только мне, он ответил: «Я не нуждаюсь в ваших указаниях, Ралстон. Мои обязанности мне известны. Выполняйте свои. Забирайтесь наверх и проявляйте героизм». Он все знал, сэр.

Карслейк вырвался из рук поддерживавшего его старпома, повернулся к Вэллери и умоляюще проговорил:

— Это ложь, сэр. Это грязная ложь. — Карслейк с трудом выговаривал слова. — Я вовсе не говорил...

Карслейк перешел на крик, но в этот момент Ралстон наотмашь ударил его по окровавленному рту, и тот как мешок отлетел к штурманской рубке и растянулся на палубе. Тэрнер и Хастингс бросились к Ралстону, схватили его, но он и не пытался сопротивляться.

На мостике воцарилась тишина. Слышны были только завывания ветра. Вэллери приказал:

— Старпом, вызовите караул. Карслейка отправьте в его каюту и попросите Брукса осмотреть его. Старшина Хастингс!

— Есть, сэр.

— Отведите Ралстона в лазарет. Пусть там ему окажут необходимую помощь, а затем посадите его в карцер, под стражу. Понятно?

— Слушаюсь, сэр. — В голосе Хастингса снова прозвучали нотки удовлетворения.

Вэллери, Тэрнер и Этертон молча проследили за тем, как ушли Ралстон с Хастингсом, как два морских пехотинца унесли с мостика Карслейка, все еще не пришедшего

в сознание. Вэллери последовал было за ними, но его остановил голос Этертона.

— Разрешите, сэр?

Не оборачиваясь, Вэллери ответил:

— Позже, Этертон.

— Нет, сэр. Прошу вас. Это очень важно.

В голосе Этертона было что-то такое, что заставило Вэллери изменить свое решение.

— Я не собираюсь оправдываться, сэр. Оправдания мне нет. — Этертон посмотрел на Вэллери в упор. — Я стоял у входа в гидроакустическую рубку, когда Ралстон передал предохранители Карслейку, и слышал весь их разговор.

Вэллери застыл. Посмотрел на Тэрнера и понял, что и он с нетерпением ждет дальнейших объяснений.

— А версия этого разговора, которую нам рассказал Ралстон? Правильна ли она? — спросил Вэллери.

— Полностью, сэр, — тихо ответил Этертон. — Во всех деталях. Ралстон сказал правду.

Вэллери на какой-то момент закрыл глаза, повернулся и пошел к трапу. Он не попытался протестовать, когда Тэрнер подхватил его под руку, чтобы помочь спуститься вниз.

Вэллери обедал у Тиндэла в салоне, когда принесли радиограмму. Погруженный в собственные мысли, он смотрел на стоявшую перед ним тарелку, не притрагиваясь к еде.

Радиограмму взял Тиндэл. Он откашлялся и начал читать:

— «Иду назначенным курсом. Состояние моря умеренное. Ветер усиливается. Рассчитываю выйти на randevu, как запланировано. Коммандор конвоя семьдесят семь».

Тиндэл положил шифровку на стол.

— Черт возьми. Волнение на море умеренное. Ветер свежий. Но ведь они в том же океане, что и мы, так ведь?

— Так точно, сэр. — Вэллери улыбнулся.

— Вот именно, — произнес Тиндэл и, повернувшись к радисту, приказал: — Запишите: «Вы идете навстречу сильному шторму. Условия randevu прежние. Возможно, вы опоздаете. Буду ждать». Полагаю, что так будет все понятно, командир?

— Должно быть, сэр. А как в отношении радиомолчания?

— Добавьте к тексту: «Соблюдать радиомолчание. Командующий четырнадцатой эскортной группой». Отправьте немедленно и объявите радиомолчание для всех кораблей.

Дверь бесшумно закрылась. Тиндэл налил себе кофе и посмотрел на Вэллери.

— Этот парень все еще не выходит у вас из головы, командир?

Вэллери улыбнулся, закурил сигарету и закашлялся.

— Простите, сэр, — извинился он и с грустью произнес: — Какого черта я принял на себя командование крейсером!

Тиндэл улыбнулся.

— Не завидую вам. Что вы намерены делать с Ралстоном?

— А что предприняли бы вы, сэр? — в свою очередь спросил Вэллери.

— Держал бы его под арестом до нашего возвращения из России. На хлебе и воде. Может быть, даже заковал бы его в кандалы, — сказал он с улыбкой. Потом продолжал уже серьезно: — Всем известно, что нападение на офицера — тяжкое преступление, но если Этертон говорит правду, то мне остается только пожалеть, что Ралстон не задал Бруксу работы по пересадке кожи на лице этой свиньи Карслейка.

— Боюсь, что Этертон сказал правду, — заметил Вэллери. — Но в интересах дисциплины я обязан наказать того, кто едва не стал жертвой убийцы, того, кто уже потерял мать, брата и трех сестер... Наверное, и отец его сейчас где-нибудь в море.

— А Карслейк?

— Поговорю с ним завтра. Мне хотелось бы, сэр, чтобы присутствовали и вы. Я скажу ему, что он должен остаться на корабле до возвращения в Скапа-Флоу, а потом ему придется выйти в отставку. Не думаю, что он захочет быть на суде военного трибунала, даже в качестве свидетеля.

— Конечно, если он в здравом уме, — согласился Тиндэл и вдруг вздрогнул от пришедшей ему в голову мысли. — А как вы думаете, Карслейк не сумасшедший?

— Не думаю, — ответил Вэллери. — Карслейк здоров,

хотя Брукс в этом не совсем уверен. Он утверждает, что ему не понравился вид Карслейка сегодня вечером. При таких тяжелых условиях похода даже мелкие провокации могут перерасти в крупный конфликт. — Вэллери улыбнулся и продолжал: — Конечно, Карслейк не склонен считать два покушения на него мелкой провокацией.

Тиндэл в знак согласия кивнул.

— Придется присмотреть за ним... Черт бы побрал эту качку. Весь кофе на скатерти. А я думал, что мы в спокойных водах, командир.

— Да, в спокойных, если иметь в виду, что нас ждет впереди. Послушайте, как завывает ветер. Интересно, что думает по этому поводу наш синоптик.

Вэллери протянул руку к телефону и соединился с центральным постом управления огнем. Выслушав доклад, сказал:

— Анемометр просто сбесился. Ураганный ветер по-прежнему норд-вест. Температура удерживается на уровне минус двадцать три, а барометр показывает двадцать семь и восемь.

— Что?!

— Двадцать семь и восемь. Так мне доложили. Это невероятно, но, видно, так оно и есть. — Вэллери посмотрел на часы. — Прошло сорок пять минут...

В салоне наступила тишина. Вскоре, как бы отвечая на вопрос, который беспокоил обоих, Тиндэл глухо сказал:

— Пора в путь. Пора. Между прочим, этот шпагоглотатель Орт хочет идти с нами на «Сиррусе»... Дадим ему такую возможность. Пусть этот молодой человек учится.

В двадцать часов двадцать минут все корабли закончили прием топлива. При таких сильных порывах ветра лежать в дрейфе и удерживать место удавалось с большим трудом, но корабли, конечно, были здесь в большей безопасности, чем в открытом море. Командирам кораблей приказали: как только улучшится погода, идти по назначению; «Дифендеру» и сопровождающим его кораблям — в Скапа-Флоу, остальным — к месту рандеву с конвоем, в ста милях к ост-норд-осту. Всем кораблям приказывалось строго соблюдать радиомолчание.

В двадцать тридцать «Улисс» и «Сиррус» развернулись и начали движение на восток. На мостиках оставшихся кораблей замелькали огни сигнальных фонарей,

передававших пожелания счастливого плавания. Увидев, что приказ о светомаскировке нарушается, Тиндэл сочно выругался, но, вспомнив, что сигналы у этого мыса никто, кроме них самих, не увидит, успокоился и приказал поблагодарить за добрые пожелания.

В двадцать сорок пять, все еще находясь в двух милях от мыса Ланганес, «Сиррус» начал резко раскачиваться под ударами набегавших на него волн. Глядя на корабль, можно было подумать, что это вовсе не эсминец, а подводная лодка, идущая на перископной глубине.

В двадцать пятьдесят, сбавив ход, «Сиррус» попытался подойти поближе к берегу, чтобы укрыться от непогоды, и в тот же момент с него просемафорили прожектором: «Повреждены водонепроницаемые люки. Вышла из строя первая башня. Волны захлестывают вентиляторы левого котельного отделения». Командир «Сирруса» Орт мог только выругаться, когда получил ответ с «Улисса»: «Хороший урок. Немедленно возвращайтесь к оставшимся кораблям. Со взрослыми вам делать нечего». И все же Орт не потерял присутствия духа и снова просигналил: «Понял. Подождите, пока подрасту». «Сиррус», круто развернувшись, направился под укрытие берега. Несколько минут спустя на «Улиссе» его потеряли из виду.

В двадцать один ноль-ноль «Улисс» вошел в Датский пролив.

Глава шестая

ВТОРНИК. ВЕЧЕР

Это был сильнейший шторм за все годы войны. Если бы в адмиралтействе были собраны все отчетные документы, то выяснилось бы, что подобного явления природы никогда раньше не наблюдалось. Никто из членов экипажа «Улисса», на котором собрались опытные моряки, побывавшие чуть ли не во всех уголках земного шара, не мог припомнить шторма, который можно было бы сравнить с тем, какой они испытали в тот вечер.

В десять часов на корабле все люки и двери были наглухо задраены. Переходить по верхней палубе было запрещено. Впервые после вступления корабля в строй всей верхней вахты было приказано оставить свои посты и находиться в нижних помещениях. По признанию самого

Кэррингтона, даже ураганы в Карибском море осенью тридцать четвертого и тридцать седьмого годов не шли ни в какое сравнение с тем штормом, в который попал «Улисс». В первом случае Кэррингтон успешно провел небольшой транспорт, а во втором — старый танкер с грузом асфальта. Мореходность этих судов, конечно, нельзя было сравнивать с мореходностью «Улисса», поэтому Кэррингтон был уверен, что «Улисс» выдержит. Однако помощник командира, конечно, не мог знать, как не знал этого и никто другой, что это было только началом страшного бедствия. Подобно безжалостному дикому зверю из древней легенды, полярное чудовище притаилось на пороге своей берлоги, поджидая жертву. В двадцать два тридцать «Улисс» пересек Полярный круг, и здесь чудовище нанесло свой удар.

Удар был жесток и силен. Из своей пасти чудовище выбрасывало мельчайшие кусочки льда. Они били людям в лицо, оставляя кровавые следы. Жестокие порывы ветра рвали одежду и пронизывали до костей. Голос чудовища походил на реквием. Всю свою силу оно вложило в ураганный ветер, под порывами которого у людей захватывало дух. Попавшего под удар ветра человека валило с ног, бросало куда-нибудь в угол, и он лежал там, корчась от боли. В союзники себе чудовище взяло море. Волны всей своей мощью обрушивались теперь на корпус «Улисса».

«Улисс» должен был погибнуть. Ни одно из созданных человеком сооружений не имело шансов уцелеть. Корабль должен был погибнуть в тисках урагана, перевернуться или развалиться под ударами ветра и волн. Но этого не произошло. Каким образом «Улисс» уцелел, выдержал жесточайший натиск — остается тайной.

В нижних помещениях корабля царил невообразимый хаос. Дверцы шкафов в жилых кубриках были сорваны, все содержимое их валялось на палубе. Столы и стулья оказались перевернутыми. Книги, посуду и прочую утварь разбросало по углам помещений. Люди (их были сотни) кричали, ругались. Некоторые пытались подняться, но тут же снова падали. Корабельный врач Брукс, лейтенант Николас и судовой священник трудились в поте лица. В лазарет то и дело приносили новых раненых. Так продолжалось всю ночь. Лазарет превратился в настоящий

походный госпиталь. Ссадины, порезы, вывихи, сотрясения и переломы — все пришлось повидать измученным врачам этой ночью. К счастью, серьезных травм было немного, и через три часа в лазарете осталось только девять моряков, в их числе Ферри с двойным переломом руки. Райли и его товарищей бунтовщиков, несмотря на отчаянные протесты, выписали из лазарета, чтобы обеспечить возможность оказания помощи тяжелораненым.

Примерно в двадцать три тридцать Николаса вызвали для оказания помощи Карпентеру. Падая и вновь поднимаясь на ноги, Николас с трудом добрался до каюты штурмана. Тот, видимо, испытывал дикую боль. Осмотрев его, Николас увидел зияющую рваную рану на лбу, распухшую в лодыжке ногу. Травмы были серьезными, но не такими опасными, как могло показаться при взгляде на мученическое лицо Карпентера. Николас улыбнулся и тихо спросил:

— Ну, Гораций, что с тобой? Снова пьянствовал?

Карпентер застонал:

— Спина, Джонни. — Он лег на живот. — Посмотри, пожалуйста.

Выражение лица Николаса резко изменилось.

— Как же я могу посмотреть, если на тебе этот неуклюжий костюм? — с раздражением спросил он.

— Меня бросило прямо на прожекторы, а там, знаешь, торчащие ручки управления и тому подобное. Ну а как костюм? Порван?

— Иди к черту!

Удивленный поведением друга, Николас опустился на стул рядом с койкой Карпентера.

Карпентер с надеждой посмотрел на Николаса.

— Значит, все в порядке?

— Конечно. И если тебе нужен был портной, то почему же ты...

— Хватит, — Карпентер резко поднялся и сел на край койки. — И для тебя есть работа. Он потрогал кровоточащую рану на лбу. — Зашей вот тут и не теряй времени. Такой человек, как я, нужен на мостике... Ведь только я могу сказать, где мы сейчас находимся.

Николас начал накладывать на рану швы.

— А где же мы все-таки находимся?

— Не знаю, — признался Карпентер. — Поэтому и надо тебе спешить.

Самый коварный удар морская стихия нанесла кормовой части корабля. Буквально за несколько секунд серией мощных взрывов корму «Улисса» подбросило чуть ли не выше поверхности моря. В кормовых кубриках людей охватила паника. Все помещения за кормовым машинным отделением остались без света. Гонимые воплями: «Торпеды!», «Мины!», «Тонем!», до изнеможения усталые, раненые, страдающие от морской болезни, люди в отчаянии устремились к дверям и люкам, скованным морозом. Повсюду замигали карманные фонари, освещая скудным светом искаженные от ужаса лица людей, сбившихся в небольшие группы и пытавшихся пробиться к выходу. Чем бы все это кончилось, трудно сказать... Вдруг в этот момент раздался чей-то грубый, но решительный голос. Это был Ралстон. Около девяти часов по приказу командира его освободили из-под ареста: при такой сильной качке оставлять людей в карцерах, находящихся в форпике корабля, было бы преступно. И все же Хастингс с неохотой выполнил приказ Вэллери.

«Это же наши глубинные бомбы! Слышите, вы, дурачье! Наши глубинные бомбы! — Но не столько сами эти слова, сколько их горький сарказм вырвал людей из панического состояния, заставил их остановиться. — Это наши глубинные бомбы! Их смыло волной за борт!»

Ралстон был прав. Все глубинные бомбы оказались за бортом от удара внезапно набежавшей волны. Из-за чьей-то оплошности бомбы, установленные для взрыва на малой глубине, хранились в таком состоянии с тех пор, как их намеревались использовать против немецкой подводной лодки-малютки в Скапа-Флоу. Бомбы разорвались почти под самой кормой корабля, но повреждения оказались небольшими.

Если те, кто находился во внутренних помещениях корабля, испытывали физические страдания, подвергались опасности, то для небольшой группы офицеров, старшин и матросов, работавших на мостике, пребывание там было сущим кошмаром.

Температура воздуха снизилась до двадцати двух градусов ниже нуля. Людям приходилось, конечно, жить и работать на открытой местности и при более низких температурах. Необычным и редко доступным сознанию людей является тот факт, что при температуре ниже нуля увеличение скорости ветра на одну милю в час равнознач-

но понижению температуры на один градус. Не раз в ту ночь анемометр фиксировал скорость ветра свыше ста двадцати пяти миль в час. Подолгу скорость ветра удерживалась на уровне ста миль в час, а это фактически означало, что люди на мостике корабля подвергались суровому воздействию температуры более ста градусов мороза.

Около двух часов утра группа старших офицеров корабля учинила своеобразный бунт. Командир, которого всего час назад уговорили пойти отдохнуть и согреться, снова вернулся на мостик. Тут ему преградили путь старпом и капитан 3 ранга Уэстклифф. Они вежливо, но настойчиво оттеснили Вэллери назад в командирскую рубку. Тэрнер закрыл за собой дверь и включил свет. Вэллери был, пожалуй, скорее озадаченным, чем сердитым.

— Что все это значит? — потребовал он объяснения.

— Бунт, — ответил Тэрнер. — Бунт в открытом море. Не так ли, адмирал?

— Совершенно верно, — согласился Тиндэл. Вэллери обернулся и, к своему большому удивлению, увидел, что на диване лежит адмирал. — Но ко мне за помощью не обращайтесь, командир — на корабле, и я здесь не распоряжаюсь. Кроме того, я ничего не вижу. — Тиндэл лежал на спине, глаза его были закрыты. Только Тиндэл знал тогда, что слова его вовсе не притворство.

Вэллери не произнес ни слова. Он стоял, сжимая рукой поручень. Лицо его было землисто-серого цвета. Тэрнер сочувственно посмотрел на командира и заговорил необычным для него низким, спокойным голосом. Вэллери насторожился.

— Сэр, эта ночь — не для командира военного корабля. Ведь только море — источник опасности для нас. Не так ли?

Вэллери в знак согласия кивнул.

— Эта ночь — для моряка, — продолжал Тэрнер. — При всем уважении к вам я беру на себя смелость сказать, что никто из нас не может сравниться с Кэррингтоном. Как моряк он просто ни с кем не сравним.

— Хорошо, что вы и себя включили в это число, — пробормотал Вэллери. — А между прочим, напрасно.

— Кэррингтон будет на мостике всю ночь. Буду здесь и я с Уэстклиффом.

— И я, — проворчал Тиндэл. — Но намереваюсь поспать. — Адмирал выглядел теперь не менее усталым, чем Вэллери.

— Спасибо, сэр, — улыбаясь, сказал Тэрнер. — Вот видите, командир, боюсь, что здесь будет слишком много народа сегодня вечером... Увидимся после завтрака.

— Но...

— Никаких «но», сэр, — строго сказал Уэстклифф.

— Пожалуйста, сэр. Сделайте всем нам одолжение.

— Как командир «Улисса»... — начал было Вэллери, но вдруг осекся и почти шепотом добавил: — Не знаю, что и сказать.

— А я знаю, — заявил Тэрнер, взяв Вэллери под руку. — Пошли вниз.

— Боитесь, что я не дойду? — спросил Вэллери.

— Нет, но просто не хочу рисковать. Пошли, сэр.

— Хорошо, хорошо, — сказал Вэллери, тяжело вздохнув. — Ради одной ночи настоящего сна можно согласиться на все.

Огромным напряжением сил лейтенант Николас заставил себя очнуться. Открыв глаза, он понял, что «Улисс» по-прежнему сильно раскачивается под ударами волн. Склонившись над ним, стоял Карпентер. Лоб его был забинтован. На лице кровоподтеки. И тем не менее настроение у него, видимо, было прекрасное.

— Ну, ну, проснись же, — улыбаясь, сказал Карпентер. — Как чувствуешь себя? — с насмешкой спросил он, явно подчеркивая свое пренебрежение к людям в белых халатах.

Николас с удивлением посмотрел на друга.

— Что случилось? Какое-нибудь несчастье?

— Если у руля Кэррингтон и Карпентер, никакого несчастья быть не может. Хочешь, пойдем наверх, посмотришь, как орудует Кэррингтон. Он собирается повернуть корабль на триста шестьдесят градусов. На это стоит посмотреть.

— Что? И из-за этого ты меня разбудил?

— Дорогой мой, когда корабль начал бы разворачиваться, то ты все равно проснулся бы, потому что оказался бы на палубе, возможно, со сломанной шеей. Но случилось так, что Кэррингтону нужна твоя помощь. Ему нужно большое толстое стекло, а мне известно, что в ла-

варете есть именно то, что требуется. Но там все заперто, и я не смог туда попасть, — объяснил Карпентер.

— Но зачем понадобилось стекло?

— Пойдем. Посмотришь сам.

Уже светало. Над мачтами корабля плыли серо-белые облака тумана, но небо было чистым. Волны стали много меньше, но круче. «Улисс» с трудом двигался вперед, но килевая качка от этого не уменьшилась. Ветер стал слабее, но был все-таки еще достаточно силен, и поэтому у Николаса сразу захватило дух, как только он поднялся на мостик. Карпентер следовал за ним со стеклом в руках. Поднимаясь по трапу, они слышали какое-то объявление по радиотрансляционной сети, но понять ничего не смогли.

На мостике находились только Тэрнер и Кэррингтон. В сумеречном свете их едва можно было различить. Не видно было и их глаз, скрытых темными очками.

— Доброе утро, Николас, — сказал старпом. — Это ведь вы, Николас? — Тэрнер снял очки, повернулся спиной к ветру и с раздражением отбросил их в сторону. — Ничего не вижу через эти проклятые очки... Помощник, смотри, они принесли стекло.

Николас подошел к компасной площадке. В углу валялись защитные очки и противогазы. Он с удивлением посмотрел на это и спросил:

— Что, распродажа?

— Мы намереваемся описать циркуляцию, доктор, — ответил Кэррингтон. Голос его был спокойным. — Но нам нужно видеть, куда мы движемся. Старпом сказал, что все эти очки не годятся — они сразу же запотевают, как только их наденешь. Очень холодно. Держите стекло вот так, Николас, а вы, Карпентер, протирайте его.

Николас посмотрел на море и пожал плечами.

— Прошу меня извинить, сэр. Но зачем нам нужно разворачиваться?

— Потому что очень скоро этого нельзя будет сделать вообще, — резко проговорил Кэррингтон и засмеялся. — Я, наверное, стану самой непопулярной личностью на корабле. Мы только что передали по радиотрансляции предупреждение. Вы готовы, сэр?

— Да, готовы, помощник. Начинайте.

Тридцать секунд, сорок пять, почти минуту Кэррингтон внимательно, не мигая, смотрел через стекло. Руки

Николаса замерзли. Карпентер старательно протирает стекло.

— Левая — средний вперед!

— Левая — средний вперед! — как эхо повторил Тернер.

— Право руля двадцать градусов!

— Право руля двадцать градусов!

Огромная волна подбросила нос корабля вверх, толкнула его еще больше вправо, потом прошла под днищем.

— Левая — полный вперед!

— Левая — полный вперед!

— Руль право тридцать градусов!

— Руль право тридцать градусов!

Следующая волна прошла под кораблем, и «Улисс» встал на ровный киль. И тут Николас наконец все понял. Хотя это и невозможно было предвидеть, Кэррингтон знал, что в месте встречи двух движущихся волн образуется сравнительно спокойная зона. Как Кэррингтону удалось уловить этот момент — никто не знал. Не мог объяснить этого и сам Кэррингтон. Пятнадцать, двадцать секунд море пенилось в месте встречи волн подобно тому, как это происходит в местах встречи приливно-отливных волн. «Улисс» плавно совершил циркуляцию. В следующий момент огромная волна, высотой почти до мостика, накрыла корабль, когда он уже заканчивал маневр.

Удар страшной силы пришелся по всей длине корабля, и он настолько накренился, что бортовые леера скрылись под водой. Николаса сбilo с ног, отбросило в угол мостика. Защитные очки его разлетелись вдребезги. Николас готов был поклясться, что в этот момент слышал смех Кэррингтона. Ползком он вернулся обратно к центру компасной площадки.

Волна еще не оставила «Улисс» в покое. Она возвышалась сейчас над впадиной, в которой оказался крейсер, накренившийся больше чем на сорок градусов, и грозила подмять его под себя.

Кренометр неумолимо отклонялся: сорок пять, пятьдесят, пятьдесят три градуса, и замер в таком положении, казалось, на целую вечность. Люди стояли теперь уже не на палубе, а на борту корабля, с трудом удерживаясь на ногах. Они были потрясены тем, что происходило с их кораблем. Ведь «Улисс» мог так и не вернуться на ровный киль.

За эти минуты в сознании людей пронеслась вся их жизнь. Николас и Карпентер пристально посмотрели друг на друга. При таком крене корабля мостик оказался защищенным от ветра. Кэррингтон спокойным, уверенным голосом отдавал одну команду за другой.

— «Улисс» выдержит крен и в шестьдесят пять градусов, — как бы между прочим бросил Кэррингтон стоявшему рядом с ним Тэрнеру. — Держитесь, это будет интересно.

Не успел Кэррингтон произнести эти слова, как «Улисс» вздрогнул и сначала медленно, потом все быстрее стал переваливаться на другой борт по дуге в девяносто градусов, а потом стремительно вернулся в прежнее положение. Николаса снова отбросило в угол, но когда он встал на ноги, корабль уже почти закончил полную циркуляцию.

Карпентер облегченно вздохнул, улыбнулся, подошел к Кэррингтону и, дотронувшись до его плеча, сказал:

— Не смотрите сейчас наверх, сэр: мы потеряли нашу главную мачту.

Карпентер несколько преувеличил, но верхняя часть мачты, высотой около пятнадцати футов, действительно исчезла вместе с находившейся на ней кормовой радиолокационной антенной.

«Улисс» описал полную циркуляцию.

Карпентер поймал взгляд Николаса и кивком головы показал на Кэррингтона:

— Теперь понимаешь, о чем я говорил, Джонни?

— Да, — спокойно ответил Николас. — Понимаю. В следующий раз мне придется верить тебе на слово. Такие доказательства требуют от человека слишком многого...

Час спустя сила ветра упала до тридцати узлов. Радиолокационная станция корабля засекала цель где-то на западе. Еще через час ветер почти совсем стих и на горизонте показались дымки. В десять часов тридцать минут, точно по графику, «Улисс» встретился с конвоем, пришедшим из Галифакса.

Глава седьмая

СРЕДА. ВЕЧЕР

Конвой медленно приближался с запада. Суда раскачивались на волнах разбушевавшегося моря. Транспорт с богатым грузом явились бы отличной добычей для немец-

кой «волчьей стаи». Восемнадцать судов конвоя, из которых пятнадцать представляли собой большие современные транспорты, а три — танкеры грузоподъемностью шестнадцать тысяч тонн каждый, доставляли в трюмах груз, исключительный по своей ценности и значимости. Танки, самолеты, бензин. Стоимость груза составляла десять — двадцать миллионов фунтов стерлингов, а может быть, и больше. Во всяком случае, подлинную стоимость конвоя нельзя было измерить никакими деньгами.

Когда «Улисс» проходил между двумя кильватерными колоннами конвоя, матросы высыпали на палубы судов и с любопытством разглядывали крейсер, благодаря бога за то, что им не пришлось испытать тот шторм, через который прошел «Улисс». Корабль действительно представлял собой странное зрелище: мачта сломана, спасательные шлюпки и плотики сорваны. В свете утреннего солнца «Улисс» блестел, как кристалл: ветер смел с него весь снег, очистил и до блеска отшлифовал толстый слой льда, покрывавший палубу корабля. На обоих бортах в носовой части и перед мостиком виднелись огромные темно-бурые пятна — следы шторма, который в ту длинную ночь точно струей песка стер маскировочную и основную окраску, обнажив красную сурикковую грунтовку.

Охранение конвоя, состоящее из американских кораблей, было небольшим: тяжелый крейсер с разведывательным гидросамолетом на борту, два эсминца и два вспомогательных фрегата береговой охраны. Это небольшое охранение было вполне достаточным — необходимость в эскортных авианосцах (хотя эти корабли часто сопровождали конвой в Атлантике) отсутствовала, ибо немецкая авиация не могла действовать так далеко на западе, а немецкие подводные лодки в последние месяцы перешли в районы севернее и восточнее Исландии, где они находились ближе к своим базам и могли легко перехватывать конвой, идущие в Мурманск.

Транспорты, американские корабли охранения и «Улисс» шли вместе курсом ост-норд-ост до вечера, когда на горизонте показался коробчатообразный силуэт конвойного авианосца. Полчаса спустя, в шестнадцать ноль-ноль, американские корабли сбавили ход, пропустили конвой и «Улисс» вперед, развернулись и легли на обратный курс, просигналив пожелания счастливого плавания. На «Улиссе» люди восприняли уход американских кораблей

с двойственным чувством. Они знали, что корабли эти должны вернуться, что следующий конвой уже формируется в заливе Св. Лаврентия. Моряки на «Улиссе» не испытывали ни чувства зависти, ни раздражения, чего можно было ожидать от изнуренных тяготами войны моряков, еще несколько недель назад так злобно реагировавших на все превратности судьбы. Вместо этого наблюдалась бездумная готовность воспринимать происходящее как оно есть, отчаянная бравада и безликая гордость, скрываемая красноречивыми жестами недовольства и необузданной бранью.

Четырнадцатая эскортная группа конвойных авианосцев — или, вернее, то, что от нее осталось — находилась теперь на расстоянии двух миль от конвоя. Тиндэл, выйдя на мостик, крепко выругался, когда заметил, что среди кораблей недостает авианосца и тральщика. На «Стирлинг» передали гневный запрос, почему командир корабля не выполнил приказа и где находятся отсутствующие корабли.

Замигал ответный семафор. Тиндэл угрюмо выслушал Бентли, зачитавшего текст ответа. На авианосце «Рестлер» прошлой ночью вышел из строя руль. Даже за мысом Ланганес шторм около полуночи усилился, подул сильный северный ветер. Несмотря на наличие двух винтов, «Рестлер» почти полностью потерял управление и, пытаясь в условиях нулевой видимости удерживаться на месте, продвинулся вперед слишком много и сел на мель у банки Вейль во время наивысшей точки прилива. Корабль все еще сидел на мели, а тральщик «Йгер» дежурил около него, когда остальные корабли вскоре после рассвета ушли на соединение с «Улиссом».

В течение нескольких минут Тиндэл сидел молча, потом продиктовал текст радиোগраммы на «Рестлер», но, поразмыслив, стоит ли нарушать радиомолчание, отказался от своего первоначального намерения и решил, что нужно самому все посмотреть. Ведь до «Рестлера» было всего три часа ходу. Тиндэл распорядился передать на «Стирлинг» капитану 1 ранга Джефферису: «Примите командование эскортной группой. Вернусь утром». Затем адмирал приказал Вэллери идти обратно к мысу Ланганес.

Вэллери кивнул и отдал необходимые распоряжения. Он был очень расстроен и озабочен, но всеми силами ста-

рался скрыть свои чувства. Меньше всего он волновался за себя, хотя хорошо знал, что тяжело болен, но никому не признавался в этом. В душе он был тронут той готовностью, с которой подчиненные ему офицеры старались облегчить ему работу.

Вэллери беспокоило состояние людей на корабле. Ведь они были явно не способны выполнять какую-либо работу, вынести этот страшный холод и тем более вести корабль в столь трудных условиях в Россию. Вэллери подавляли и неудачи, преследовавшие корабли с момента их выхода из Скапа-Флоу. Все это ничего хорошего не предвещало, и Вэллери не строил никаких иллюзий относительно того, что ждало их впереди. И пожалуй, больше всего Вэллери беспокоил Ралстон — высокий, белокурый скандинав с голубыми глазами. Никто на корабле не дружил с ним. Никто не понимал его, и он держался особняком. Если не считать воспоминаний, то у Ралстона, собственно, не оставалось ничего, за что он должен был бы идти в бой. Но он был одним из самых надежных матросов «Улисса». Решительный, знающий и способный найти выход из любого трудного положения. И вот этот человек снова под арестом, причем ни один здравомыслящий и честный человек не мог бы сказать, что Ралстон этого заслужил.

Именно содержание Ралстона под арестом и волновало Вэллери. Вчера вечером Вэллери воспользовался штормовой погодой и приказал освободить Ралстона. Но главный старшина корабельной полиции Хастингс, превысив свои полномочия, во время утренней вахты снова посадил Ралстона в карцер. Младший командный состав корабельной полиции никогда не отличался гуманностью, терпимостью и добротой в отношении к людям вообще и к рядовым матросам в особенности. Такова уж служба этих людей. Но даже среди них Хастингс выделялся в худшую сторону. Это был не человек, а машина; человек, лишенный человеческих чувств. Если бы Хастингс не был осторожным, его могла бы постичь такая же участь, как и главного старшину корабельной полиции с «Блю Рейнджера», которого все так не любили на корабле. Тот, ничего не подозревая, вышел как-то поздно вечером прогуляться по палубе и...

Вэллери тяжело вздохнул. Как он уже объяснил Фостеру, он был связан ранее принятым решением. Коман-

дир отряда морской пехоты капитан Фостер и его сержант Эванс жаловались, что морских пехотинцев занимают несением караульной службы, в то время как они остро нуждаются в отдыхе. Лично Вэллери сочувствовал Фостеру, но не мог отменить своего приказа по крайней мере до того момента, пока старпом и помощник не разберутся во всем и не переведут Ралстона под домашний арест...

Вэллери послал за Тэрнером и приказал ему приготовить на юте буксирный трос. Вэллери полагал, что буксирный трос пригодится, и, как потом выяснилось, он был прав.

Ночь опустилась над морем, когда «Улисс» подошел к банке Вейль, но найти «Рестлера» оказалось нетрудным делом.

С «Улисса» замигал сигнальный фонарь: «Поздравляем. Как крепко сидите на мели?» С «Рестлера» немедленно ответили: «Сто футов носа на грунте».

— Замечательно! — зло прогремел Тиндэл. — Просто замечательно! Спросите, как руль?

Ответили без задержки: «Спущен водолаз. Поперечный излом рудерпоста. Необходим доковый ремонт».

— О боже! — проворчал Тиндэл. — Доковый ремонт. Вот так штука! Спросите, какие приняты меры.

«Весь запас топлива и воды перекачали на корму. Завели стоп-анкер. «Игер» буксирует в течение получаса».

Тиндэл знал, что в это время была самая высокая приливная вода.

— Очень остроумно, — заметил Тиндэл. — Только ты, дурень, не передавай им этого. Пусть приготовятся к приему буксирного троса и перенесут буксирную цепь на корму.

— «Вас понял», — прочитал Бэнгли ответ с «Рестлера».

— Спроси, сколько у них на борту не своего топлива, — приказал Тиндэл.

«Восемьсот тонн».

— Прикажи: «Все за борт!»

— Просят подтвердить приказ, — сказал Бэнгли.

— Передай ему: выбросить все дерьмо за борт, — прогремел Тиндэл.

Сигнальный фонарь на «Рестлере» мигнул ответное «Ясно вижу».

В полночь «Игер» медленно прошел мимо «Улисса» и

подобрал спущенный с крейсера буксирный трос. Две минуты спустя на «Улиссе» заработали все четыре машины — и винты вспенили воду и морской ил на мелководье. Цепь, спущенная с юта «Рестлера», имела около пятнадцати морских саженей в длину и провисала под углом тридцать градусов, вследствие чего корма авианосца чуть-чуть опускалась, но и это было важно, ибо хоть и немного, но все же приподнималась сидевшая на грунте носовая часть корабля. Кроме того, винты «Улисса», тральщика и авианосца прокладывали своеобразный канал в песке и иле и гнали воду под киль «Рестлера».

За двадцать минут до полной воды «Рестлер» медленно сполз с мели. Буксирный трос, соединявший «Улисс» с «Игером», отдали, «Рестлер» застопорил машины, и «Улисс» потянул его по полукругу на восток.

К часу ночи «Рестлер» отделился и в сопровождении «Игера» повернул на юг. Стоя на мостике «Улисса», Тиндэл с грустью смотрел на удаляющийся авианосец.

— Думаю, что командир сумеет изобрести способ управления кораблем и доберется до Скапа-Флоу, — проворчал адмирал.

Ему вдруг стало холодно, и он почувствовал себя очень усталым. Иначе и не мог чувствовать себя командующий соединением, потерявший две трети авианосцев. Тиндэл вздохнул и повернулся к Вэллери.

— Когда, по-вашему, мы догоним конвой? — спросил он.

Вэллери медлил с ответом, но его выручил Карпентер.

— В восемь ноль-ноль, — уверенно и четко доложил штурман, — если пойдем двадцатисемиузловым ходом.

— О боже! Опять этот юноша. Что мне с ним делать, — проворчал Тиндэл. — Между прочим, молодой человек, нам нужно обязательно догнать конвой до рассвета.

— Конечно, сэр, — невозмутимо продолжал Карпентер. — Я об этом подумал. Если идти вот этим курсом со скоростью тридцать три узла, то мы догоним конвой за полчаса до рассвета.

— И надо же, он и об этом подумал! Уберите его отсюда, иначе я переломлю все его циркули. — Тиндэл вдруг умолк. С трудом слез со своего табурета и взял Вэллери под руку. — Пошли вниз, командир. Нам, старикам, делать тут нечего. Незачем мешать молодым.

Вэллери и Тиндэл покинули мостик.

На «Улиссе» все находились на боевых постах в соответствии с обычной для предрассветных часов боевой тревогой, когда в утренней мгле показались расплывчатые очертания кораблей охранения и судов конвоя. Массивный корпус «Блю Рейнджера», шедшего справа от конвоя, можно было узнать сразу. Часы показывали ровно семь ноль-ноль.

В семь ноль-две «Блю Рейнджер» был торпедирован. «Улисс» находился в этот момент в двух кабельтовых от авианосца. Те, кто были на мостике, ощутили действие ударной волны от двух взрывов, слышали, как их раскаты нарушили предрассветную тишину, и увидели два огромных столба пламени, взметнувшихся над мостиком и над средней частью корабля. Мгновение спустя раздался громкий голос сигнальщика, который что-то кричал, показывая рукой вперед, вниз. Это была еще одна торпеда, но она прошла за кормой авианосца и, оставляя за собой фосфоресцирующий след, унеслась в просторы моря.

Стараясь перекрычать шум, Вэллери отдавал распоряжение машинам через переговорную трубу. «Улисс» продолжал идти двадцатиузловой скоростью. Чтобы избежать столкновения с поврежденным авианосцем, нужно было резко отвернуть в сторону. Три сигнальных фонаря и боевые прожекторы уже передавали с «Улисса» на суда конвоя сигнал: «Держаться на своих местах». Маршалл отдавал по телефону распоряжения главному минному старшине приготовиться к сбрасыванию глубинных бомб. Стволы орудий «Улисса» были направлены вниз, туда, где скрывался коварный враг. Едва видимый в темноте, «Сиррус», рассекая волны, уже несясь через строй конвоя к тому месту, где предположительно должна была находиться немецкая подводная лодка.

«Улисс» прошел мимо горящего авианосца менее чем в ста пятидесяти футах от него на такой большой скорости, что невозможно было разглядеть ничего, кроме огромных черных клубов дыма и столбов ревущего пламени, охватившего взлетную палубу. Находившиеся на ней самолеты медленно сползали за борт и, падая в воду, поднимали вокруг себя мириады ледяных брызг. Корабль закружился в танце смерти. «Улисс» развернулся и взял курс на юг, чтобы попытаться уничтожить врага.

Минуту спустя замигал сигнальный фонарь с мостика эсминца «Вектра», шедшего впереди конвоя. «Контакт с

подводной целью, курсовой семьдесят правого борта. Сближаюсь».

— Передайте: «Ясно вижу», — приказал Тиндэл.

Но не успел сигнальщик выполнить приказа, как на «Вектре» снова замигал сигнальный фонарь: «Контакты. Повторяю: контакты. Курсовой девяносто правый борт. Сближаюсь. Повторяю: контакты, контакты».

Тиндэл выругался.

— Передайте: «Вас понял. Следите за целью», — приказал он и повернулся к Вэллери: — Идите к нему на присоединение, командир. Кажется, началось. Это «волчья стая» номер один, и, наверное, довольно большая. Не понимаю, почему она здесь. Ох уж эта мне разведка, все напутает!

«Улисс» снова развернулся и направился к «Вектре». Уже должно было бы стать светлее, но пламя горевшего на «Блю Рейнджере» бензина, похожее на гигантский факел, каким-то странным образом погрузило все вокруг в глубокую темноту.

«Вектра» была в двух милях впереди от «Улисса» и описывала небольшой круг, двигаясь в южном направлении. Заметив ее, Вэллери приказал изменить курс на присоединение. В этот момент он увидел, как Бентли, находившийся в дальнем углу компасной площадки, что-то кричал. По выражению его лица Вэллери понял, что тот торопится сообщить что-то. Вэллери быстро подбежал к нему.

Море вокруг «Улисса» горело. Гладкая и спокойная поверхность воды была покрыта мазутом, на котором бешено плясали огромные языки пламени. Неожиданно Вэллери увидел такое, что сердце его пронзила острая боль — в горящем море находились отчаянно борющиеся со стихией люди. Сотни беззвучно рыдающих людей бились в страшной агонии. Гибли в волнах и огне.

— Семафор с «Вектры», сэр, — доложил Бентли. — «Произвожу бомбометание. Три подводные цели. Повторяю. Три подводные цели. Прошу немедленной помощи».

Тиндэл подошел к Вэллери. Он слышал доклад Бентли. И тоже стал вглядываться в даль.

Для человека, оказавшегося за бортом корабля, нефть — самое настоящее проклятие. Она сковывает движения, поражает глаза и легкие, вызывает сильную рвоту. Но горящая нефть — это сущее исчадие ада. Она несет

человеку страшные мучения: топит его, сжигает его тело, губит удушьем, поедая пламенем необходимый для жизни кислород с поверхности моря. И даже в холодной Арктике нет спасения от этой ужасной смерти. Все это Вэллери знал.

Он знал также, что задержка «Улисса» у борта горящего авианосца была бы подобна самоубийству. Подойти ближе к борту корабля, даже если бы было время и имелась возможность сделать это, не погубив тонущих людей, — значило бы позволить подводным лодкам изготавиться для удара по конвою и уничтожить торпедами одно судно за другим. Первейшей же задачей «Улисса» была охрана конвоя. Обо всем этом Вэллери тоже знал. Но им овладело чувство сострадания к людям. Слева у носа «Блю Рейнджера» слой мазута оказался самым толстым, пламя наиболее мощным, а масса тонущих наиболее плотной. Через плечо Вэллери посмотрел на вахтенного офицера.

— Лево руля, десять градусов! — приказал он.

— Есть лево руля, десять градусов.

— Прямо руль!

— Есть прямо руль.

— Так держать!

В течение десяти — пятнадцати секунд «Улисс» шел прямо, не меняя курса и как стрела вонзаясь в волны, к тому месту, где движимые инстинктом самосохранения сгрудились две сотни людей, моливших о спасении. В какое-то мгновение в самой гуще этих людей в воздух поднялся столб пламени, подобный гигантской вспышке молнии, столб пламени, который хватал за сердце людей на мостике «Улисса». Картина была жуткой: факел из человеческих тел, люди, в безумном отчаянии пытающиеся сбить пожирающее их пламя, вырваться из воды и ее огненных объятий. Трупы погибших плавали в нефти, напоминая могильные холмики в степи. Горстка обезумевших от страха пока еще живых людей видела идущий на них «Улисс», понимала, что это значит, и изо всех сил старалась уйти из-под удара, чтобы хоть на несколько мгновений продлить агонию и потом умереть.

— Право руля, тридцать градусов! — скомандовал Вэллери.

Голос его был глухим, но в наступившей на мостике тишине отчетливо слышалось каждое слово.

— Есть право руля, тридцать градусов.

В третий раз за десять минут «Улисс» сделал резкий поворот на большой скорости. При таком повороте корабль неизбежно заносит, и чем круче поворот, чем выше скорость, тем больше и сильнее заносит корабль. Так случилось и сейчас. «Улисс» еще не успел закончить маневр, как его левая скула задела группу находившихся в воде людей. В следующий момент весь корпус корабля прошел через центр пламени, через самую гущу людских тел.

Для большинства подвергшихся удару людей это было избавлением от пыток, быстрое и милосердное. Удар лишил людей остатка сил, отправил их в пучину благоденственных вод Арктики или в мясорубку четырех винтов «Улисса».

Неожиданно поверхность моря стала пустынной. Запахло паленым мясом, сгоревшим мазутом. Корма «Улисса» находилась совсем рядом с накренившимся «Блю Рейнджером», когда в крейсер попали три снаряда.

Это были снаряды с «Блю Рейнджера». Конечно, на авианосце не осталось в живых ни одного артиллериста, никто не мог выстрелить в «Улисс». Просто там от высокой температуры начали рваться ящики с патронами. Первый снаряд ударился о броневую плиту и никакого вреда не причинил; второй — угодил в боцманскую кладовку, но, к счастью, там никого не было; третий прошел через палубу в третье отделение низковольтных агрегатов. Там находилось девять человек. В этом маленьком помещении всем была уготована мгновенная смерть.

Через несколько секунд в результате сильного раскатистого взрыва на правом борту «Блю Рейнджера» образовалась огромная пробоина на уровне ватерлинии, и корабль постепенно лег на борт. Взлетная палуба встала дыбом. Авианосец погибал, но с таким видом, будто был доволен, что перед смертью отомстил кораблю, погубившему его моряков.

Вэллери неподвижно стоял на мостике, опираясь рукой о ветровое стекло. Голова его поникла. Глаза закрылись. Его мучила страшная рвота. Горлом шла кровь. Тиндэл стоял рядом, не зная, что предпринять. В этот момент его бесцеремонно оттолкнул прибежавший Брукс. Он приложил ко рту Вэллери полотенце и осторожно увел командира с мостика. Брукс должен был находиться на своем боевом посту в лазарете, но никто не спросил его, почему он оказался здесь.

Кэррингтон дал команду рулевому, вывел корабль на курс и стал ждать прихода Тэрнера, находившегося в кормовом командно-дальномерном посту, чтобы передать ему командование и управление кораблем. Три минуты спустя крейсер уже подошел к эсминцу «Вектра», методично ведя поиск противника. Дважды удавалось установить контакт, дважды сбрасывались глубинные бомбы, и вслед за взрывом на поверхности появлялись маслянистые пятна. Возможно, это были попадания в лодку, а возможно, просто уловка врага. Так или иначе, ни «Улисс», ни «Вектра» не могли задерживаться, чтобы выяснить положение. Конвой ушел уже на две мили вперед, и его прикрывали только «Стирлинг» и «Викинг». Одни они, конечно, не могли обеспечить охранение конвоя и отразить решительное нападение противника.

Конвой спас «Блю Рейнджер». В этих широтах рассвет наступает медленно, неохотно. Но даже при таком слабом освещении вытянувшиеся в кильватерную колонну суда конвоя четко вырисовывались на фоне безоблачного неба и представляли собой прекрасную цель, о которой командир подводной лодки мог только мечтать. Но дело в том, что конвой к этому времени оказался совершенно скрытым от «волчьей стаи», подошедшей на этот раз с юга; его закрыла черная полоса дыма от горящего авианосца. Почему немецкие подводные лодки изменили своему обычному правилу нападать на конвои с севера, чтобы иметь цели между собой и светлой частью горизонта, — остаётся загадкой. Возможно, они хотели добиться тактической внезапности, но, так или иначе, это принесло конвою спасение. Через час могучие винты судов унесли их далеко от «волчьей стаи». Скорость хода конвоя, ускользнувшего от «стай», была для нее слишком велика, чтобы пытаться организовать погоню.

Радиостанция флагманского корабля передавала шифрованную радиограмму в Лондон. Тиндэл решил, что нет больше смысла поддерживать радиомолчание — все равно противник знал местонахождение конвоя с точностью до мили. Тиндэл грустно улыбнулся: представил себе, как обрадуется немецкое командование, узнав, что конвой эф-эс-семидесят семь лишился авиационного прикрытия. Теперь для начала в ближайший час следовало ожидать появления над конвоем «чарли».

В радиограмме говорилось: «Командующий четырнадцатой группой конвойных авианосцев. Начальнику оперативного управления. Лондон. Встретился с конвоем эф-эрсемьдесят семь в десять тридцать вечера. Метеоусловия исключительно сложные. Тяжелые повреждения на авианосцах: «Дифендер», «Рестлер» — небоеспособны, возвращаются в базу в сопровождении эскортных кораблей. «Блю Рейнджер» торпедирован в семь ноль-две сегодня, затонул в семь тридцать; в охранении конвоя остались «Улисс», «Стирлинг», «Сиррус», «Вектра», «Викинг»; не осталось ни одного тральщика — «Игер» возвращается в базу, тральщик из Хваль-фиорда на randеву не вышел. Срочно нуждаюсь в авиационной поддержке. Можете ли выслать отряд авианосцев? Противном случае прошу разрешения вернуться в базу. Прошу срочных указаний».

«Формулировки можно было бы улучшить, — подумал Тиндэл. — Последние слова звучат как угроза, и, по всей вероятности, они приведут в ярость старину Старра, который увидит в этом подтверждение правильности своего убеждения в неспособности «Улисса» и самого Тиндэла выполнить задачу». Помимо этого, в течение двух последних лет, еще задолго до потопления «Бисмарком» «Худа», адмиралтейство строго придерживалось правила не дробить эскадры флота метрополии и не ставить самостоятельных боевых задач отдельным линейным кораблям или авианосцам. Устаревшие линейные корабли, такие, как «Рэмиллис» и «Малайя», слишком тихоходные для участия в современном морском бою надводных сил, иногда использовались для охранения лишь некоторых ценных конвоев в Атлантике. В остальных случаях адмиралтейство стремилось сохранять флот метрополии в полном составе для сковывания главных сил немецкого флота, не смотря на опасность, которой подвергались при этом конвои... Тиндэл в последний раз окинул взглядом конвой.

«Черт с ней, пусть идет, — подумал он. — Если я потерял время, составляя радиограмму, то Старр потеряет его, читая ее».

Тяжело ступая, Тиндэл спустился с мостика и протиснулся в каюту командира. Полураздетый Вэллери лежал на койке. На белоснежной простыне резко выделялось пятно крови. Вэллери с ввалившимися щеками, мертвенно-бледным лицом, красными, воспаленными глазами и заросший бородой походил на покойника. Из угла рта тон-

кой струйкой текла кровь. Когда вошел Тиндэл, Вэллери в знак приветствия поднял желтую костлявую руку, на которой темными полосами синели вены.

Тиндэл осторожно закрыл за собой дверь. Он сделал это неторопливо: старался выиграть время, чтобы скрыть свое волнение. Когда адмирал снова повернулся к Вэллери, лицо его было уже спокойным, но выражало явную озабоченность и тревогу.

— Благодарю бога, что с нами старина Брукс, — с чувством сказал он. — Единственный человек на корабле, который способен заставить других не потерять здравый смысл. — Тиндэл присел на край койки. — Ну, как себя чувствуешь?

Вэллери попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Смотря что вы имеете в виду, сэр: физическое или моральное состояние? Я чувствую себя скорее усталым, чем больным. Доктор говорит, что поставит меня на ноги, хотя бы на время. Он хочет сделать мне вливание плазмы: считает, что я потерял слишком много крови. Но в действительности мне нужен не врач, а священник и отпущение грехов.

Тиндэл как-то неуклюже повернулся и закашлялся.

— Отпущение грехов? Какую чертовщину ты несешь?

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю, — тихо сказал Вэллери. — Ведь вы были на мостике со мной сегодня утром. Но переживаю я не потому, что погибли люди в отделении низковольтных агрегатов. — Вэллери, казалось, говорил сам с собой, ибо произносил каждое слово почти шепотом. — Конечно, я допустил большую ошибку, подойдя на «Улиссе» вплотную к «Блю Рейнджеру». Ведь глупо приближаться к тонущему кораблю, особенно если на нем пожар. Но все же иногда случается... — Остальные слова Вэллери произнес так тихо, что Тиндэл не разобрал их.

Тиндэл встал, натянул перчатки.

— Извини, — сказал он. — Мне не нужно было приходить и задерживаться. Попадет мне теперь от Сократа.

— Я говорю о других, о тех, кто был тогда в воде. — Вэллери, наверное, не слышал, что сказал ему Тиндэл. — Я не имел права... то есть, возможно, кто-нибудь из них... — Голос Вэллери перешел в едва слышный шепот. — Ведь вышло так, что я взял на себя роль и судьи, и присяжных, и палача. Что смогу я сказать, когда настанет мой черед?

Тиндэл помедлил. Услышав стук в дверь, с облегчением вздохнул.

— Войдите! — сказал он.

Дверь отворилась, и вошел Брукс. Увидев адмирала, он смутился. Потом повернулся к стоявшему за ним санитару в белом халате и сказал:

— Побудьте у каюты, Джонсон. Я позову вас.

Брукс закрыл дверь, подошел к койке, на которой лежал Вэллери, и сел на стул рядом с ним. Зажав запястье Вэллери, Брукс холодно посмотрел на Тиндэла, вдруг он вспомнил, что, как рассказывал Николас, здоровье адмирала также оставляло желать лучшего. Пульс у Вэллери был частым, с перебойми.

— Вы чем-то расстроили его, — проговорил Брукс укоризненно, обращаясь к Тиндэлу.

— Я? Помилуй бог. Я ничего такого не говорил.

— Он не виноват, доктор, — поспешил вмешаться Вэллери. — Он действительно не сказал ни слова. Это я во всем виноват.

Брукс пристально посмотрел на Вэллери и сочувственно улыбнулся.

— Отпущение грехов, сэр. Не так ли?

Тиндэл был ошеломлен.

— Отпущение грехов, — продолжал бормотать Брукс. — Кем? Живыми, мертвыми или всевышним?

Тиндэл с удивлением посмотрел на Брукса.

— Вы что же, подслушивали? Да как вы?..

— И живыми, и мертвыми, и всевышним, доктор, — тихо сказал Вэллери. — Грехов хватит.

— Что касается мертвых, то отпущения грехов вам, сэр, не будет, будет лишь благословение. Ведь прощать-то вам нечего. Я врач. И не забывайте этого. Я видел этих ребят в воде. Вы отправили их к праотцам легкой дорожкой. Что же касается всевышнего, то ведь бог дал и бог взял. В Ветхом завете сказано, что бог призывает к себе каждого в свой час. — Брукс улыбнулся Тиндэлу. — Не надо удивляться, сэр. Я ведь не богохульствую. Если бы был виновен всевышний, ни командир, ни вы, ни я не стали бы больше верить в него. Но вы знаете, что виноват не бог...

Вэллери приподнялся с подушки.

— Вы умеете успокоить, доктор. Жаль, что у вас не найдется таких же аргументов в отношении живых.

— Разве? — Брукс хлопнул себя по колену и, что-то вспомнив, рассмеялся. — Это было просто замечательно! (Тиндэл в недоумении посмотрел на Вэллери.) Прошу прощения, пятнадцать минут назад группа добросердечных кочегаров доставила в лазарет одного из наших моряков в бессознательном состоянии. Угадайте кого? Нашего нигилиста, нашего старого друга Райли. Небольшое сотрясение и несколько царапин на лице, но к вечеру он должен вернуться в строй. Райли настаивает на этом.

Вэллери с любопытством посмотрел на Брукса.

— Снова провалился в люк?

— Точно такой же вопрос задал я, сэр, хотя вид у него такой, будто он побывал в бетономешалке. «Нет, — сказал мне один из доставивших Райли кочегаров, — он споткнулся о нашего кота». — «Кота? — спросил я. — Какого кота?» Тут кочегар повернулся к своему товарищу и сказал: «Разве у нас нет кота на корабле, Нобби?» Нобби посмотрел на друга и сказал: «Он все перепутал, сэр. Райли просто куда-то спешил и поскользнулся. Надеюсь, он не сильно ушибся?»

— Что же случилось? — спросил Тиндэл.

— Я сделал вид, что поверил рассказу кочегаров, а вот Николас отвел двух из них в сторону, пообещал сохранить все в тайне и быстро выудил всю правду. Оказывается, Райли хотел использовать случившееся сегодня утром как повод для бунта. Он назвал вас бесчеловечным и циничным убийцей, сукиным сыном. Все это произошло в котельном отделении — ведь Райли считал кочегаров своими друзьями. А оказалось, что эти «друзья» чуть не убили его... Вы знаете, сэр, я завидую вам. — Брукс вдруг умолк и встал. — А теперь, сэр, прошу вас, ложитесь и заверните повыше рукав рубашки.

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Тиндэл. — Что это? Мне? — спросил он вошедшего Крайслера с шифровкой в руке. — Спасибо.

Тиндэл посмотрел на Вэллери.

— Радиограмма из Лондона. Ответ на мой запрос. — Тиндэл повертел листок в руках. — Придется прочесть.

Брукс приподнялся.

— Мне уйти, сэр?

— Нет, нет, Брукс. Зачем же? К тому же эта радиограмма от нашего общего друга адмирала Старра. Мне

представляется, что вам интересно будет знать, что он сообщает.

— Нет, совсем неинтересно. Вряд ли можно ждать от него чего-нибудь хорошего.

Тиндэл расправил шуршащий листок шифровки.

— «Оперативное управление. Командующему четырнадцатой группой конвойных авианосцев, — медленно читал Тиндэл. — По имеющимся данным, «Тирпиц» готовится выйти в море. Выслать вам авианосец не могу. Конвой эф-эр-семьдесят семь имеет большое значение. Следуйте в Мурманск полным ходом. Желаю удачи». — Тиндэл кончил читать и криво усмехнулся. — «Желаю удачи». Этого он мог бы и не добавлять.

Все трое долго сидели молча. Как и следовало ожидать, первым нарушил молчание Брукс:

— Говоря об отпущении грехов, я хотел бы знать, кто на свете, на этом или на том, согласится отпустить грехи этому зловредному выродку?

Глава восьмая ЧЕТВЕРГ. ВЕЧЕР

Еще только перевалило за полдень, а арктические сумерки уже начали плотной пеленой опускаться над морем. Ветер стих. Пошел сильный снег. Видимость уменьшилась до кабельтова. По-прежнему было очень холодно.

Небольшими группами, по три-четыре человека, офицеры и матросы медленно шли на ют. Усталые, промерзшие до костей, погруженные в собственные мысли, люди с трудом передвигали ноги. На юте они выстраивались в плотные ряды позади командира корабля.

Рядом с Вэллери стояли три офицера — Карслейк, Этертон и Брукс. Карслейк стоял у бортовых лееров. Лицо его было забинтовано чуть ли не до глаз. Уже дважды за истекшие сутки Карслейк обращался к Вэллери и упрашивал командира изменить свое решение о лишении его офицерского звания. В обоих случаях Вэллери был очень раздражен и строг, даже пригрозил Карслейку арестовать его, если тот будет приставать с подобными просьбами. Теперь Карслейк тупо смотрел на валивший хлопьями снег. Нежно-голубые глаза его потемнели. Горели жгучей ненавистью.

Этертон стоял рядом с Вэллери, слева от него, и дрожал от холода. Но взгляд его был тверд. Брукс угрюмо молчал. Он был раздражен, как бывает раздражен врач неповиновением тяжелобольного. Вэллери, как ему категорически заявил об этом Брукс, не следовало вставать с койки и выходить из каюты. Командир ответил ему, что ведь кто-то должен взять на себя руководство похоронами, если этого не может сделать корабельный священник. А сегодня священник этого сделать не мог — он лежал мертвым у ног Вэллери, у ног Этертона — человека, который, без сомнения, был его убийцей.

Священник умер четыре часа назад, как раз после того, как улетел «чарли», немецкий разведывательный самолет. Тиндэл ошибся в своем прогнозе. «Чарли» вернулся не через час после своего первого появления, а только утром, и не один, а вместе с тремя другими самолетами — «кондор».

Появление «кондоров» над конвоем никогда не было приятным сюрпризом. Так случилось и на этот раз. Они прошли над конвоем, зайдя с кормовых курсовых углов. Заградительный огонь с транспортов и кораблей охранения был достаточно интенсивным, и поэтому самолеты сбрасывали бомбы практически наугад с высоты около семи тысяч футов. В этот ясный морозный день бомбы были видны почти на всей траектории полета начиная с момента сбрасывания, поэтому у кораблей было время уклониться. Очень скоро самолеты отказались от атак и ушли куда-то на восток.

В данном случае самолеты «кондор» действовали как-то подозрительно. Обычно они вели только разведку, а когда решались нападать, то делали это настойчиво и энергично. Теперь они вели себя как-то пассивно, а тактика их не сулила никакого успеха. Почти наверняка это объяснялось тем, что действия самолетов носили только отвлекающий характер, а главная опасность грозила конвоем с другой стороны. Поэтому наблюдение за воздухом и обстановкой на море было усилено.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут, но ничего не случилось. Экраны радиолокаторов и гидролокаторов были чистыми. Тиндэл наконец решил, что нет больше повода держать в напряжении весь экипаж корабля, так нуждавшийся в отдыхе. Он приказал дать отбой боевой тревоги.

Для боевых постов объявили готовность номер три. Все утренние работы были отложены, и свободные от вахты офицеры и матросы сразу же отправились отдыхать. Правда, не без исключения: Бруксу и Николасу предстояло заняться больными. Штурман вернулся в штурманскую рубку. Маршалл и его помощник Питерс начали обход своей боевой части. Этертон остался в командно-дальномерном посту, по-прежнему тяжело переживая упреки, брошенные в его адрес во время ссоры между Карслейком и Ралстоном.

Маршалл и Питерс беседовали со старшим электриком в мастерской номер два, как вдруг до них донесся чей-то тревожный крик на палубе. Быстро выскочив из мастерской, они без труда узнали матроса Чартериса. Его на корабле знали все, так как на стоянках он обычно выполнял обязанности бармена.

— Что случилось, Чартерис? — спросил Маршалл. — Что вы там видите? Быстрее!

— Вон там, сэр. Посмотрите. Нет, нет, немного правсе... Это подводная лодка. Немецкая.

— Что? Подводная лодка? — раздался голос корабельного священника Уинтропа, подошедшего к ним сзади и протиснувшегося между Маршаллом и Чартерисом к бортовым леерам. — Где? Где? Покажите!

— Прямо по курсу, отец. Теперь я вижу ее, но очень уж странная форма у этой подводной лодки, — заметил Маршалл.

Он уловил воинственный взгляд Уинтропа, с трудом сдержал усмешку и стал напряженно вглядываться через снежную пелену в необычной формы предмет, находившийся теперь почти на траверзе «Улисса».

Этертон, который был в командно-дальномерном посту, увидел этот предмет еще раньше Чартериса. Он тоже сразу подумал, что это немецкая подводная лодка, появившаяся по вызову самолетов. Мысль о том, что радиолокаторы и гидролокаторы должны были бы сразу обнаружить лодку, никому не пришла в голову. Теперь следовало действовать как можно быстрее, пока лодка не исчезла. Не задумываясь, Этертон схватил телефонную трубку и вызвал командира носового многоствольного автомата.

— У автомата? — нервно крикнул он. — Говорит Маршалл. Подводная лодка, курсовой шестьдесят левого борта! Повторяю: слева по борту шестьдесят градусов! Види-

те?... Да нет, нет... Теперь уже семьдесят градусов, — в отчаянии прокричал Этертон. — Боже мой, видите или нет?

— Вижу цель! — услышал он доклад зенитчика.

— Открыть огонь, беглый!

— Но... сэр... Кингстона здесь нет... Он пошел...

— Наплевать на Кингстона! — прокричал Этертон. Он знал, что Кингстон командир орудия. — Открыть огонь, дурачье! Сейчас же! Я беру на себя всю ответственность.

Этертон бросил трубку и стал наблюдать за целью... И вдруг он понял свою ошибку. Страх и отчаяние овладели им. Он снова схватил телефонную трубку.

— Отставить! — завопил он. — Прекратить огонь! О боже, боже!

Через наушники донесся гром залпа. Трубка выпала из рук Этертона. Было поздно.

Было поздно потому, что он допустил грубейшую ошибку: забыл приказать, чтобы сняли надульники — металлические диски, закрывавшие пламегасители на стволах орудий. А ведь на снарядах были контактные взрыватели...

Первый снаряд разорвался в стволе. Наводчик был убит, а один человек из прислуги тяжело ранен. Три следующих снаряда, пробив надульник, разорвались один за другим всего в нескольких футах от стоявших у борта Маршалла, Питерса, Чартериса и священника.

Как это ни странно, но осколками разорвавшихся снарядов никого из них не задело. Все осколки полетели в море. Взрывная же волна ударила в противоположную сторону, на палубу и в надстройки на полубаке, и это был удар страшной силы.

Священник умер моментально, а Питерс и Чартерис через несколько минут. Взрывной волной их сбilo с ног и отбросило назад. Все трое ударились головами о массивные стальные переборки. Слой снега на палубе около них окрасился в ярко-красный цвет...

Маршалл оказался счастливым. Взрывная волна отбросила его в открытую дверь, и он получил только несколько царапин при падении.

Принятый за подводную лодку опрокинутый вверх дном спасательный вельбот — безмолвное свидетельство трагической гибели судов из ранее прошедших здесь конвоев — уже давно скрылся за горизонтом.

Голос Вэллери постепенно стих. Вэллери сделал шаг назад, закрыл требник, и в ту же минуту послышались звуки траурного сигнала на горне. Люди замерли в безмолвии. Один за другим тринадцать трупов, обернутых в брезент, скользнули за борт, и их поглотила морская пучина.

Через несколько секунд неожиданно прозвучал сигнал боевой тревоги.

Вэллери потребовалось целых три минуты, чтобы добраться до мостика. Он несколько раз останавливался, чтобы отдохнуть. Две-три ступеньки по трапу — и снова отдых. И все равно переход на мостик отнял у Вэллери последние остатки сил. Бруксу пришлось внести его на мостик. Вэллери повис на поручнях, чтобы перевести дух. На губах у него выступила пена, но глаза по-прежнему были полны жизни.

«Контакт с приближающейся целью. Цель на курсе сближения с нами, идет постоянной скоростью», — донеслось из динамика радиолокационного поста. По голосу нетрудно было узнать лейтенанта Боудена.

— Хорошо, хорошо. Мы перехитрим его, — сказал Тиндэл. Он всегда радовался возможности вступить в бой. — Что-то подходит к нам с зюйд-зюйд-веста, — радостно сообщил он командиру, увидев его на мостике. — А что, между прочим, вы здесь делаете? — Тиндэл был потрясен видом Вэллери. — Брукс! Почему вы разрешили?..

— Может быть, сэр, вы поможете с ним поговорить и заставите его лечь, — резко ответил Брукс и, хлопнув дверью, ушел с мостика.

— Что с ним? — с удивлением спросил Тиндэл, как бы разговаривая сам с собой. — Что я сделал ему плохого?

— Ничего, сэр, — успокоил его Вэллери. — Это моя вина. Я не послушался указаний врача — и вот результат. Вы что-то хотели сказать?

— Да. Боюсь, что нас ждут неприятности, командир. — Вэллери улыбнулся, увидев, с каким удовольствием произнес эту фразу Тиндэл. — По показаниям радиолокатора, на сближение с нами идет крупный надводный быстроходный корабль.

— И не наш, конечно? — тихо спросил Вэллери. — Неужели, сэр, это...

— «Тирпиц»? — закончил за него Тиндэл. Он решительно покачал головой. — Я так тоже сначала подумал,

но потом решил, что этого не может быть. Адмиралтейство и военно-воздушные силы следят за этим кораблем, как курица за цыплятами. Если «Тирпиц» когда-нибудь и выйдет в море, то мы об этом узнаем. Возможно, это тяжелый крейсер.

«Цель приближается неизменным курсом, — прозвучал голос Боудена. — Скорость цели двадцать четыре узла. Повторяю: двадцать четыре узла».

Боуден умолк. Через несколько секунд ожил другой динамик: «Мостик, докладывает радиорубка. Мостик, докладывает радиорубка. Радиограмма со «Стирлинга»: «Вас понял. Исполняю».

— Отлично, отлично. Это от Джеффриса, — пояснил Тиндэл. — Я послал ему радиограмму с приказанием изменить курс конвоя на норд-норд-вест. Таким образом, конвой пройдет стороной от приближающегося к нам «друга».

Вэллери в знак согласия кивнул и тут же спросил:

— А конвой далеко впереди нас, сэр?

— Штурман! — крикнул Тиндэл и обернулся назад в ожидании ответа.

— Шесть — шесть с половиной миль, — доложил Карпентер.

— Наш юноша начинает сдавать, — заметил Тиндэл. — Видимо, сказывается усталость. Пару дней назад он дал бы нам расстояние с точностью до ярда. Шесть миль — это большое расстояние, командир. Противник не сможет обнаружить конвой. Боуден утверждает, что он даже и нас еще не засек и просто по случайному совпадению идет на пересечку нашего курса... Боуден, по-видимому, не очень высокого мнения о немецких радиолокаторах.

— Знаю. Надеюсь на то, что он прав. Впервые этот вопрос принял практическое значение. — Вэллери посмотрел в бинокль куда-то на юг. Кругом только море да снег. — Так или иначе, это случилось в благоприятный момент.

Тиндэл поднял брови.

— Ужасное было зрелище там, на юте, — сдавленным голосом проговорил Вэллери. — Мне все это очень не понравилось. Снег. Застывшие в молчании люди. Трупы убитых. Тринадцать трупов. Остается только гадать, что думали наши моряки об Этертоне и обо всем том, что произошло.

«Пять миль, — донеслось из динамика. — Повторяю: пять миль. Курс и скорость хода без изменений».

— Пять миль, — с облегчением повторил Тиндэл. — Пора готовиться к бою, командир. Скоро дистанция сократится до той, которую Боуден называет радиолокационной. Пожалуй, нам надо повернуть на ост, пусть противник думает, что мы прикрываем конвой, идущий к Нордкапу.

— Право руля, десять градусов! — приказал Вэллери.

Крейсер медленно развернулся и лег на новый курс. Скорость хода уменьшили до двадцати шести узлов.

Прошла минута, пять минут... Динамик снова ожил:

«На мостике. Докладывает радиолокационный пост: расстояние не меняется. Цель ложится на курс перехвата».

— Отлично! Просто отлично! — воскликнул Тиндэл. — Мы надули его. Он упустил конвой... Открыть огонь!

Вэллери взял телефонную трубку и вызвал центральный пост управления огнем.

— Центральный пост. Кто это? А, это вы, Котни. Ну, хорошо, хорошо... Действуйте.

Вэллери положил трубку и посмотрел на Тиндэла.

— Умница. Оказывается, он уже в течение десяти минут следит за целью. Осталось, как он говорит, только нажать кнопку.

Тиндэл посмотрел на стоявшего рядом Карпентера, а потом вдруг спросил, обращаясь к Вэллери:

— Вы, кажется, разговаривали с Котни? А где же Этертон?

— В своей каюте, насколько мне известно. На юте он упал в обморок. Так или иначе, сейчас Этертон не может нести службу. Не позавидуешь ему. Представляю себе...

«Улисс» содрогнулся. Голос Вэллери потонул в оглушительном залпе орудий третьей башни. Через несколько секунд прогремели и орудия четвертой башни. Затем последовали одиночные выстрелы через каждые полминуты: не было смысла тратить боеприпасы впустую, не имея возможности наблюдать результаты стрельбы. Однако какой-то минимум, очевидно, был необходим, чтобы привлечь внимание противника к кораблю, идущему впереди него.

Снегопад почти прекратился, и горизонт очистился. На западе из-за туч показалось заходящее солнце. Вэл-

лери приказал третьей башне прекратить огонь и подготовить орудие к выстрелу осветительным снарядом.

Внезапно горизонт совсем прояснился, и показался противник; огромный корабль угрожающе приближался.

— Право руля, тридцать градусов! — скомандовал Вэллери. — Полный вперед. Поставить дымовую завесу.

Тиндэл одобрительно кивнул головой. В его намерения не входило вступать в бой с тяжелым крейсером или карманным линкором противника, особенно на такой короткой дистанции — всего четыре мили.

Пытаясь опознать корабль противника, все находившиеся на мостике направили на него свои бинокли. Но на фоне светлого горизонта неполный силуэт корабля рассмотреть было трудно. Внезапно из середины силуэта вверх вырвался огромный язык пламени. Одновременно над ним разорвался осветительный снаряд. Корабль озарился ярким светом, и от этого он казался каким-то беззащитным. Именно казался. Потому что через какое-то мгновение на мостике «Улисса» все инстинктивно пригнулись: над кораблем пролетели снаряды. Только Карпентер остался стоять. Он с интересом смотрел на выпрямлявшегося Тиндэла.

— Корабль типа «Хиппер», сэр, — доложил он. — Водоизмещением десять тысяч тонн. Вооружен восьмидюймовыми пушками. Имеет самолеты.

Тиндэл с подозрением посмотрел на серьезное лицо Карпентера. Он думал, как бы порезче ответить, но его внимание привлекли орудийные башни немецкого крейсера, изрыгнувшие пламя и дым, хорошо видимые на фоне угасающего света от осветительного снаряда.

— О боже! — воскликнул он. — Они не теряют времени. И хорошо стреляют, черти! Взяли нас в вилку с двух залпов. Следующим могут накрыть.

«Улисс» совершал разворот под прикрытием дымовой завесы. Вэллери вскинул бинокль: с правого борта немецкого корабля, чуть-чуть впереди мостика, вверх поднялись тяжелые клубы дыма.

— Хорошо, хорошо, Котни! — радостно воскликнул он. — Очень хорошо!

— Да, да, отлично! — вторил ему Тиндэл. — Красота! И все же мне кажется, что наш диалог с ним еще не закончен.

Следующие два часа между «Улиссом» и немецким

крейсером шла игра в кошки-мышки. Время от времени они вступали в артиллерийскую дуэль, а затем снова не видели друг друга из-за дымовой завесы. Убедившись, что угроза конвою миновала, Тиндэл приказал повернуть на зюйд-вест и дать несколько выстрелов в сторону противника, чтобы показать ему направление своего движения.

Полтора часа спустя «Улисс», сделав поворот на сто восемьдесят градусов, ушел далеко на север. Боуден непрерывно следил за противником по экрану радиолокатора. Немецкий корабль медленно двигался на ост, а незадолго до того, как контакт с ним был потерян, повернул на зюйд-ост.

Тиндэл слез со своего табурета, размял затекшие ноги и с наслаждением потянулся.

— Неплохо поработали, командир. Неплохо. А что, если противник повернет на юг и затем на восток в надежде к утру перехватить конвой? — торжествующе произнес он. — К этому времени конвой будет уже в двухстах милях к северу от него... Я надеюсь, штурман, что вы уже рассчитали курс для встречи с конвоем на всех вариантах хода, вплоть до ста узлов?

— Мне представляется, что мы без труда соединимся с конвоем, — ответил Карпентер.

— Черт возьми, я совсем промерз, — сказал, потирая руки, Тиндэл. — О боже, надеюсь, что это не какая-нибудь новая неприятность.

Телефонист быстро подбежал к пронзительно звеневшему телефону за компасной площадкой, взял трубку и пригласил к телефону командира.

— Это вас, сэр. Лейтенант Николас, — сказал он.

— Поговорите с ним вы, Крайслер.

— Простите, сэр. Он просит позвать вас.

Крайслер передал трубку Вэллери.

— Командир слушает. Что случилось? Что, что?.. Не может быть! О боже, почему же мне не доложили? А... понимаю, понимаю. Спасибо.

Вэллери возвратил трубку Крайслеру и подошел к Тиндэлу.

— Это Николас. — Голос Вэллери звучал глухо. — Лейтенант Этертон пять минут назад застрелился у себя в каюте.

В четыре часа утра «Улисс» вновь присоединился к конвою.

Вскоре Тиндэл понял, что совершил грубейшую ошибку. Он по собственной инициативе изменил маршрут конвоя и послал его далеко на север, нарушив тем самым приказ адмиралтейства идти прямо к Нордкапу. На семи-десятом градусе северной широты конвой оказался в центре наибольшего за время войны сосредоточения немецких подводных лодок в северных морях.

Подводные лодки нанесли удар в самый излюбленный час — на рассвете и с самого излюбленного направления — с норд-оста. Удар был коварным, ловким и жестоким.

Первой жертвой явилась «Кочелла» — третье судно в левой кильватерной колонне. Это судно было точной копией «Витуры» и «Вареллы», также находившихся в составе конвоя. Его груз — около трех миллионов галлонов стооктанового бензина. В него попали по меньшей мере три торпеды: две первые разломили судно почти пополам, а попадание третьей вызвало взрыв бензина. Судно быстро пошло ко дну.

Воздействию взрывной волны подверглись два корабля. Сорванной с «Кочеллы» лебедкой была вдребезги разбита радиолокационная рубка на шедшем вблизи «Сиррусе». Что произошло на другом корабле — «Теннесси Эдвенчере» — неизвестно, но на нем определенно был серьезно разрушен мостик и вышло из строя рулевое управление.

К сожалению, это не сразу стало ясно: понять происшедшее было трудно. Тиндэл, придя в себя от потрясения, последовавшего за взрывом на «Кочелле», дал команду резко повернуть влево и идти навстречу подводным лодкам. Он рассчитывал, что это позволит уменьшить потери. Тиндэл резонно предполагал, что «волчья стая» держится кучно: подводные лодки обычно выстраивались в линию только при нападении на медленно движущиеся конвои. Тиндэл уже не раз прибегал к подобной тактике, и не без успеха. Такой маневр почти в десять раз сокращал размеры цели для подводных лодок противника и вынуждал их погрузиться во избежание перспективы попасть под таран.

Слишком поздно на судах конвоя заметили, что «Теннесси Эдвенчер» потерял управление. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее неуправляемое судно неотвратно приближалось к другому транспорту — «Табакко Плантер».

«Эдвенчер» со страшной силой ударился носом о борт «Плантера» прямо перед мостиком. Удар был смертельным. Через огромную пробоину вода устремилась внутрь судна, ускоряя его гибель. К этому времени на «Эдвенчере», по-видимому, кто-то взял на себя управление судном: его машины были застопорены, и оно неподвижно застыло около тонущего «Плантера».

Остальные суда конвоя, избежав новых столкновений, направились на северо-запад. На помощь терпящим бедствие устремился вездесущий «Сиррус», но не успел он пройти и полумили, как был остановлен сигналом с флагманского корабля. Тиндэл не питал никаких иллюзий. Он знал, что «Эдвенчер» останется на плаву еще долго, а «Плантер» через несколько минут затонет. Однако это не гарантировало того, что немецкие подводные лодки оставят их в покое. Вероятнее всего, лодки будут здесь до наступления темноты, выжидая, когда какой-нибудь эсминец попытается подойти к «Эдвенчеру», чтобы оказать ему помощь.

В этом отношении Тиндэл оказался прав. «Эдвенчер» был торпедирован незадолго до захода солнца. Около трех четвертей экипажа спаслось на шлюпках вместе с двадцатью моряками с «Плантера». Месяц спустя фрегат «Эшер» обнаружил три шлюпки у берегов острова Медвежий. Они были связаны друг с другом и медленно дрейфовали в северном направлении. Ни одной живой души на этих шлюпках не было. Все замерзли в первую же ночь дрейфа.

Однако Тиндэл ошибся в главном — в своем предположении о том, какой тактики станет придерживаться противник. Командир «волчьей стаи» разгадал маневр Тиндэла, но адмирал, конечно, не мог этого предвидеть. Тактика, которую применил Тиндэл, развернув весь конвой фронтом к направлению торпедных атак, была известна немцам. Они знали также, что перед ними «Улисс». Тиндэл должен был предвидеть это и заранее принять контрмеры.

Подводная лодка, торпедировавшая «Кочеллу», была последней, а не первой из «волчьей стаи». Остальные расположились южнее этой лодки, приведшей ловушку в действие, и западнее курса конвоя — за пределами дальности действия гидролокаторов. И когда конвой повернул на запад, подводные лодки уже находились на боевых пози-

циях для атаки судов конвоя под прямым углом. Море было спокойно. Снегопад прекратился. На юго-востоке яркими лучами заиграло солнце, осветив корабли, заснеженные корпуса которых четко выделялись на фоне темной воды и неба. Условия были идеальными, если вообще слово «идеальный» подходит к описанию пролога к масовому побоищу.

Это побоище превратилось бы в полный разгром конвоя, если бы Тиндэла не предупредили буквально в последний момент. Предупреждение поступило не от радиолокатора, и не от гидролокатора, и не от какого-либо другого современного средства обнаружения. Спасение принесло бдительное око молодого матроса и ниспосланные богом яркие лучи восходящего солнца.

— Смотрите! Смотрите! — крикнул Крайслер, напряженно вглядывавшийся в горизонт через бинокль у прожекторной установки с левого борта. — Там что-то мигает. Вон там, на юге, сэр. Что-то дважды мигнуло. Вот и сейчас опять...

— Где? — воскликнул Тиндэл. — Да скорее же, где? — От волнения Крайслер забыл главное правило сигнальщика: прежде всего доложить направление на обнаруженную цель.

— Пятьдесят градусов слева по борту, сэр. Нет, шестьдесят... Теперь я потерял вспышку из виду, сэр.

Все, кто находились на мостике, направили свои бинокли в указанном Крайслером направлении. Но никто ничего не обнаружил. Тиндэл опустил бинокль, пожал плечами, явно не доверяя донесению Крайслера.

— Возможно, там что-то и есть, — с сомнением произнес Карпентер. — Может быть, это блеснул перископ в лучах солнца?

Тиндэл посмотрел на него и, не сказав ни слова, отвернулся. Карпентеру поведение адмирала показалось странным. Ведь ему были доверены корабли и жизнь пяти тысяч человек... Совершив одну ошибку, можно было бы быть и повнимательней.

— Снова мигают! — вскричал Крайслер. — Две вспышки... нет, три. Теперь я ясно видел их, сэр. Прошу, поверьте мне.

Тиндэл резко повернулся к Крайслеру. Тот уже опустил бинокль и ухватился обеими руками за дверцу, дрожа от волнения всем телом. Несколько секунд Тиндэл мол-

ча смотрел на Крайслера. Потом решительно скомандовал:

— Лево на борт, командир. Бентли! Поднять сигнал...

Повинуясь команде, суда конвоя стали медленно поворачивать на юг. Слишком медленно и слишком поздно. На поверхности воды показались хорошо видимые следы торпед. Три, пять, десять. Вэллери насчитал до тридцати торпед. Средние шли параллельно друг другу, а крайние расходились веером, охватывая весь конвой. Никто из моряков конвоя никогда в жизни не видел ничего подобного.

На несколько секунд все впали в замешательство. Времени, чтобы дать судам какие-либо сигналы или распоряжения, не было. Каждый корабль, каждое судно принимали самостоятельно меры для уклонения. Положение осложнялось еще и тем, что некоторые суда конвоя не видели приближающихся торпед.

Уклониться всем было невозможно. Торпеды шли очень близко друг от друга. Первой жертвой явился крейсер «Стирлинг». Уклонившись от одной торпеды, он наварсился на другую. Корабль развернулся и медленно пошел на восток. Над кормовой частью крейсера поднялись черные клубы дыма. «Улисс», мастерски управляемый, проскочил в узкую полосу между четырьмя торпедами, причем две из них прошли всего в нескольких метрах от борта корабля. «Улисс» по-прежнему везло. Эсминцы, быстрые, маневренные корабли, также увернулись от удара и полным ходом пошли на юг.

Огромные, неуклюжие и тихоходные суда конвоя оказались менее удачливыми. Танкер и сухогрузный транспорт, шедшие в левой колонне, получили по одной пробоине, но удержались на плаву и хода не потеряли. В шедший за ними сухогрузный транспорт, в трюмах и на палубе которого были только танки, попали сразу три торпеды. Взрывы торпед не вызвали на этом судне ни огня, ни дыма. Оно затонуло вместе с экипажем в течение нескольких секунд.

Из судов, шедших в средней колонне, пострадал «Билли Айл». В судно попало, по-видимому, две торпеды. Его сразу же охватило пламя, а минуту спустя оно скрылось под водой. Около пятнадцати человек из команды успели сесть в спасательный вельбот. Мощными ударами весел морякам удалось отвести шлюпку на безопасное расстояние от тонущего судна, но она сразу же попала под фор-

штеневень шедшего рядом «Уолтера Бэддли». Капитан этого судна смелым маневром увернувшийся от торпеды, не смог избежать столкновения с вельботом. Сильный удар разбил вельбот, и люди оказались в ледяной воде.

Стараясь отплыть от борта, чтобы не попасть под винты «Бэддли», люди лихорадочно барахтались в тяжелой одежде. В этот момент они, конечно, не думали о том, что все равно погибнут от холода. Но не холод и не винты судна явились причиной гибели этих людей. В кормовую часть «Бэддли» попало сразу две торпеды.

Все, кто находились у борта судна в этот момент, были сразу же уничтожены взрывом. «Бэддли» оторвало корму. Через пробоину внутрь судна устремились сотни тонн воды. Оно начало быстро оседать кормовой частью вниз и перед тем, как скрыться под водой, встало вертикально. Все это происходило в полумиле от «Улисса», и в тот самый момент, когда «Бэддли» уже готов был скрыться под волнами, в руках Николаса щелкнул затвор фотоаппарата, зафиксировавшего на пленке незабываемую картину: тонущий корабль, вставший на дыбы, на фоне светло-голубого неба. На снимке не было каких-либо других деталей, если не считать двух темных предметов — двух тридцатитонных танков, очевидно, сорванных с креплений на палубе и теперь каким-то необъяснимым образом повисших в воздухе над тонущим судном. На дальнем плане виднелась корма «Билли Айла» с винтом, торчащим над поверхностью воды.

Через несколько секунд, после того как был сделан этот снимок, фотоаппарат вырвало из рук Николаса, ударило о палубу и объектив разлетелся вдребезги. Но пленка уцелела.

В трюме номер два, неподалеку от места пожара, на «Билли Айле» размещался груз в сто тонн боеприпасов для танков. Взрыв снарядов разорвал судно пополам, и оно быстро затонуло.

Эхо взрыва все еще гремело над морем, когда до «Улисса» с юга донеслись приглушенные звуки разрывов. Это «Сиррус», «Вектра» и «Викинг», бороздившие воды в двух милях от «Улисса», сбрасывали одну за другой серии глубинных бомб.

Первым желанием Тиндэла было присоединиться к охоте за лодками, отомстить врагу. Карпендер с надеждой посмотрел на адмирала и удивился, увидев на его побе-

левшем от злости лице гримасу раздражения. Адмирал был явно недоволен самим собой.

— Бентли! Запросите «Стирлинг» о полученных повреждениях, — приказал Тиндэл, резко повернувшись на своем табурете.

«Стирлинг» находился в двух милях позади «Улисса», но шел быстро вперед со скоростью не менее двадцати узлов.

— «В кормовое машинное отделение поступает вода. Кладовые затоплены, но корпус поврежден несильно. Завожу пластырь. Рулевое управление вышло из строя. Управляюсь из запасного пункта. В помощи не нуждаюсь», — прочитал Бентли поступивший ответ.

— Молодец! — с восхищением произнес Тиндэл. — Передайте на «Стирлинг»: «Обходите меня. Курс ост». Давайте, командир, поможем Орру расправиться с этими убийцами.

Карпентер с тревогой посмотрел на Тиндэла.

— Разрешите, сэр?

— Да. В чем дело, штурман? — с нетерпением спросил адмирал.

— Как насчет той первой немецкой лодки? — спросил Карпентер. — Она ведь не могла уйти дальше чем на милю к северу. Не следовало бы нам...

— Черт возьми, — выругался Тиндэл. Его лицо исказилось от злости. — Вы что же, хотите сказать мне, что... — Тиндэл вдруг умолк и пристально посмотрел на Карпентера. — Как вы сказали, штурман?

— Лодка, потопившая танкер, сэр, — осторожно начал Карпентер, — уже, наверное, перезарядила аппараты и находится сейчас на выгодной позиции...

— Конечно, конечно, — пробормотал Тиндэл. Он потер глаза и бросил быстрый взгляд на Вэллери. — Вы правы, штурман. Вы правы, как всегда, черт возьми.

На севере «Улисс» ничего не обнаружил. Подводная лодка, потопившая «Кочеллу», ушла. Вскоре до «Улисса» донеслись звуки выстрелов, а затем с крейсера увидели дым над орудиями «Сирруса».

— Запросите его, в чем дело, — приказал Тиндэл.

Карпентер украдкой улыбнулся. Старик все еще был полон энергии.

«Вектра» и «Викинг» повредили, возможно, потопили немецкую подводную лодку, — говорилось в ответе коман-

дира «Сирруса». — «Вектра» и «Сиррус» потопили всплывшую подводную лодку. А как у вас?»

— «Как у вас?!» — взорвался Тиндэл. — Вот нахал. «Как у вас?!» В следующий раз я назначу его командиром самого старого тральщика в Скапа-Флоу... Это виноваты вы, штурман!

— Да, сэр, извините. Но ведь он, может быть, просто беспокоится...

— Вы, что, хотите стать штурманом на том же тральщике? — с раздражением спросил Тиндэл.

Карпендер поспешил скрыться в штурманской рубке.

— Кэррингтон!

— Есть, сэр. — Помощник командира, как и всегда, был чисто выбрит, деловит и строг, несмотря на то, что не спал уже три ночи подряд.

— Что вы скажете по этому поводу? — Тиндэл показал рукой на северо-запад.

Серые тучи закрывали горизонт. Море потемнело.

— Трудно сказать, сэр, — медленно произнес Кэррингтон. — Но это вряд ли к шторму. Мне приходилось видеть такое и прежде: с потеплением в ясное теплое утро вдруг набегают хмурое облачко... Это часто случалось на Алеутах и в Беринговом море. Там это значит, что будет туман, сильный туман.

— А как вы думаете, командир?

— Ничего не могу сказать, сэр, — решительно ответил Вэллери. — Никогда прежде ничего подобного не видел.

Введенная Бруксом плазма, видимо, подбодрила его.

— Я так и полагал, — проворчал Тиндэл. — Поэтому и спросил сначала Кэррингтона. Если заметите признаки приближения полосы тумана, помощник, обязательно сообщите мне. Не могу допустить, чтобы суда и корабли охранения разбрелись по всему Ледовитому океану... Впрочем, — с огорчением добавил он, — кажется, судам без нас было бы куда спокойнее...

— Я и сейчас могу сказать, сэр. — Кэррингтон обладал редким даром неопровержимо твердо и в то же время достаточно вежливо отстаивать свои взгляды. — Будет туман.

— Ну что ж, — произнес Тиндэл, — тогда давайте воспользуемся этим. Бентли, передайте на эсминцы: «Прекратить поиск лодок и вернуться к конвою». Да, Бентли, для Орра специально добавьте: «Немедленно».

Через час суда конвоя и корабли охранения снова заняли свои места в ордере и пошли курсом норд-ост. Ввиду надвигающегося тумана скорость хода уменьшили до шести узлов и поставили туманные бун.

Тиндэл поежился от холода и с трудом слез со своего табурета в тот самый момент, когда прозвучал сигнал отбоя боевой тревоги. Он прошел через дверцу на мостик и, увидев Крайслера, остановился на сигнальном мостике. Тиндэл подошел к нему сзади, положил руку на плечо и, когда тот повернулся к нему лицом, сказал:

— Хотелось взглянуть в твои глаза, юноша. Мы в большом долгу перед ними. Спасибо тебе. Мы этого никогда не забудем. Сколько же тебе лет?

— Восемнадцать, сэр... Будет через пару дней, — ответил Крайслер.

«Восемнадцать через пару дней», — повторил про себя Тиндэл.

Он снял руку с плеча Крайслера и медленно пошел к командирской рубке. Войдя в нее, закрыл за собой дверь.

— «Восемнадцать через пару дней», — пробормотал Тиндэл.

Вошедший вслед за ним Вэллери присел на диван.

— О ком вы говорите? О Крайслере? — спросил он. — Да, он был сегодня молодцом.

Тиндэл в знак согласия кивнул.

— Единственный человек, который заметил... О боже, какая же каша получилась. — Тиндэл сильно затынулся сигаретой и устался на палубу. — Десять зеленых бутылок висят на стене, — пробормотал он.

— Простите, сэр, я вас не понял?

— Четырнадцать кораблей вышли из Скапа-Флоу, восемнадцать судов — из Сент-Джонса... Это два компонента конвоя эф-эр-семьдесят семь. Всего тридцать два корабля. — Помолчав несколько секунд, он продолжал: — А сейчас? Сейчас осталось семнадцать, причем три из них повреждены, «Теннесси Эдвенчер» можно уже сбросить со счета. — Тиндэл выругался. — Очень не хочется бросать эти суда на произвол судьбы, беззащитными объектами для новых атак. — Тиндэл снова умолк и затынулся сигаретой. — Как вам все это нравится, командир? Какой же я осел!

— Чепуха, сэр, — ответил Вэллери. — Не вы ведь виноваты в том, что авианосцам пришлось вернуться в базу.

— Вы хотите сказать, что в остальном виноват я? — горько улыбаясь, спросил Тиндэл и сразу же поднял руку, предупреждая ответ Вэллери. — Я знаю, что вы не хотели этого сказать, но это правда. Шесть судов погибли за десять минут. Шесть. «Великий стратег» контр-адмирал Тиндэл меняет курс, чтобы нарваться сначала на тяжелый крейсер, а затем попасть в самое логово крупнейшей «волчьей стаи», как раз туда, где она и должна была находиться, по сведениям адмиралтейства... Что бы ни сделал со мной Старр после возвращения, мне все равно не испытать радости встречи с родиной после всего того, что случилось...

Тиндэл с трудом поднялся на ноги. Лицо его было мрачнее тучи.

— Куда вы, сэр? — спросил Вэллери.

— На мостик. А вы останетесь. — Тиндэл попытался улыбнуться, но не сумел совладать с собой. — Дайте мне побыть одному и поразмыслить о совершенных ошибках и ужасных последствиях...

Тиндэл открыл дверь и замер, услышав пронзительный свист пролетевших над крейсером снарядов. Прозвучал сигнал боевой тревоги. Тиндэл медленно повернулся к Вэллери и печально произнес:

— А вот, кажется, и сами последствия...

Глава девятая

ПЯТНИЦА. УТРО

Тиндэл увидел, что густой туман окутывал их теперь со всех сторон. После сильного ночного снегопада температура воздуха неуклонно и быстро поднималась, но это потепление было обманчивым: вихрящиеся в волнах тумана мельчайшие ледяные иголки сильно кололи лицо, и от этого становилось еще холоднее.

Тиндэл торопливо проскочил через входную дверь на мостик. Не отставая ни на шаг, за ним следовал Вэллери. Тэрнер, с болтающимся за спиной стальным шлемом, спешил в кормовой командно-дальномерный пост. Вытянув руку, Тиндэл остановил его.

— Что случилось, старпом? — спросил он взволнованно. — Кто стреляет? Откуда? Откуда летят эти снаряды?

— Не имею представления, сэр. Судя по свисту, они идут откуда-то из-за кормы. Впрочем, я догадываюсь, кто шлет нам гостинцы... — Глубокомысленно посмотрев на адмирала, он торопливо закончил: — Это все тот же наш ночной «приятель». — Круто повернувшись, он быстро побежал на корму.

Ничего не поняв, Тиндэл проводил его недоумевающим взглядом. Выругавшись, он подошел к телефону, соединявшему ходовой мостик с радиолокационной рубкой.

— Говорит адмирал. Лейтенанта Боудена! Быстро!

Хрустящий щелчок в динамике — и металлический голос произнес:

— Боуден слушает вас, сэр.

— Что вы там делаете, черт вас возьми? — возмущенно крикнул Тиндэл. — Спите, что ли? Нас обстреливает надводный корабль!

В этот момент над головой снова раздался пронзительный свист, заставивший адмирала оборвать разговор и инстинктивно втянуть голову в плечи. Снаряды еще одного залпа шлепнулись в воду, где-то в полумиле по носу. Каскады водяных брызг обрушились на палубу шедшего вблизи судна, которое показалось на какое-то мгновение между двумя волнами густого тумана. Тиндэл резко выпрямился и рывкнул в микрофон:

— Он пристрелялся, черт возьми, и бьет довольно точно! Ради бога, Боуден, где он находится?

— Извините, сэр, — послышался невозмутимый голос Боудена, — мы, кажется, не можем засечь его. На экране все еще виден «Эдвенчер», и на этом же пеленге какие-то еле заметные помехи, сэр. Приблизительно на пеленге триста градусов... По-моему, корабль противника все еще закрыт «Эдвенчером», или... если он к нам ближе, чем «Эдвенчер», то наверняка находится на одном и том же пеленге.

— Дистанция? — раздраженно спросил Тиндэл.

— Он довольно далеко от нас, сэр, почти рядом с «Эдвенчером». Его нельзя отличить ни по размерам, ни по расстоянию.

Опустив руку с микрофоном, Тиндэл повернулся к Вэллери:

— Неужели Боуден думает, что я поверю этой сказке? — спросил он сердито. — Такое совпадение может быть

только один раз из миллиона. Чтобы корабль противника случайно оказался на этом пеленге и постоянно удерживался на единственно возможном курсе, и так точно, что его нельзя обнаружить нашим радиолокатором! Да ведь это же фантастика!

Вэллери посмотрел на него безразличным взглядом.

— Ну, — нетерпеливо допытывался Тиндэл, — разве я не прав?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Вэллери. — Не совсем так. Дело вовсе не в случайностях. Наш курс и пеленг на нас сообщили кораблю противника его подводные лодки. А все остальное сделать совсем нетрудно.

Тиндэл долго смотрел на Вэллери с недоумением, пока наконец до него не дошла убийственная простота происшедшего. Адмирал сильно зажмурил глаза и энергично потряс головой. Этот жест выражал все: и самоосуждение, и конец неверию, и попытку как-то встряхнуть мозги.

«Шестилетний ребенок мог бы догадаться», — подумал он с горькой досадой.

В каких-нибудь пятидесяти ярдах от левого борта в воду со свистом шлепнулся снаряд. Тиндэл даже не вздрогнул. Он, пожалуй, и не видел и не слышал этого взрыва, настолько был ошеломлен.

— Боуден! — крикнул он, снова поднеся микрофон к губам.

— Есть, сэр.

— Изменилось что-нибудь на экране?

— Нет, сэр, ничего не изменилось.

— И вы все еще убеждены в своем предположении?

— Да, сэр. Иначе быть не может.

— Вы утверждаете, что он вблизи «Эдвенчера»?

— Да, по-моему, совсем рядом с ним.

— Но помилуйте, Боуден, ведь «Эдвенчер» должен быть сейчас на расстоянии не менее десяти миль за кормой!

— Да, сэр. Я знаю. Там же находится и обстреливающий нас противник.

— Что?! Десять миль! Но ведь...

— У него радиолокатор, сэр, — прервал его Боуден. Металлический голос в динамике стал вдруг каким-то вялым, как будто утомленным. — Иначе и не может быть, сэр. Он тоже пользуется радиолокатором и поэтому удерживается на одном пеленге с нами и «Эдвенчером». Ему

это хорошо удастся. Боюсь, господин адмирал, что его радиолокатор несколько не хуже нашего.

Динамик снова щелкнул и замолк. Внезапно наступившую напряженную тишину на мостике нарушил звонкий треск разбившегося эбонита: микрофон выскользнул из руки Тиндэла и, упав на палубу, разлетелся на мелкие кусочки. Адмирал вытянул руку вперед и оперся ею о переборку, словно ему было трудно держаться на ногах. Быстрым движением рук Вэллери хотел было поддержать его, но Тиндэл прошел мимо него, ничего не замечая. Он тащился по мостику, как старый, до предела измученный человек. Не замечая следивших за ним возбужденных взглядов, Тиндэл еле добрался до высокого табурета и с трудом уселся на него.

«Идиот! — с горечью сказал он сам себе. — Проклятый старый идиот!»

Никогда он не простит себе этого. Никогда! Все это время противник водил его за нос, дурачил, как мальчишку. Немцы сделали из него еще большего дурака, чем он был от рождения. Радиолокатор! Конечно же, все дело в радиолокаторе. Слепо поверить в данные разведки, согласно которым немецкий радиолокатор сейчас настолько же несовершенный прибор, насколько несовершенным он был в прошлом году! Да, радиолокатор, который несколько не хуже английского. Такой же, как и на «Улиссе», а ведь все считали, что с «Улиссом» не может сравниться ни один корабль, что «Улисс» с его радиолокаторами — единственный в мире! А возможно, немецкий радиолокатор «видит» даже лучше, чем английский. Почему же ему, Тиндэлу, никогда не приходило это в голову? Он почувствовал глубокую досаду, угрызения совести и даже ненависть к самому себе. И вот тяжелая расплата: шесть судов и триста человек пошли сегодня ко дну. «Простит ли тебя бог, Тиндэл? — спрашивал он себя. — Ведь это ты послал их на дно...» Радиолокатор!

Прошлой ночью, например, когда «Улисс» отвернул на ост с целью ввести противника в заблуждение, немецкий крейсер любезно последовал за ним. Прекрасный ответ на маневр Тиндэла! Адмирал тяжело вздохнул. Противник следовал по пятам, ведя сосредоточенный обстрел, становившийся менее точным всякий раз, когда «Улисс» скрывался за дымовой завесой. Командир немецкого крейсера поступал так умышленно, чтобы скрыть эффективность

своего радиолокатора, скрыть тот факт, что в течение по крайней мере первого получаса он, по-видимому, следил за ускользавшим на норд-норд-вест конвоем. И он, Тиндэл, облегчил эту задачу противнику, ибо специально запретил конвою идти зигзагом.

И тогда, когда «Улисс» так уверенно повернул сначала на зюйд, потом снова на норд, противник, должно быть, и не думал упускать его со своего экрана, он следил за ним непрерывно. И позднее противник отходил на зюйд-ост только для видимости, чтобы ввести в заблуждение того, кто был уверен, что его хитрость удалась. Немецкий крейсер, почти наверное, тоже отворачивал на норд и удерживал ускользавшего «Улисса» на кромке своего экрана, а сам в это время рассчитал курс на пересечение с конвоем и радировал своим подводным лодкам координаты, расставив их на позиции с точностью чуть ли не до кабельтова.

И вот теперь этот последний жестокий и наглый удар по жалким остаткам поверженной гордыни Тиндэла. Противник открыл огонь с предельной дистанции, но его снаряды ложатся удивительно точно — верный признак того, что теперь он даже больше не скрывает факта применения радиолокатора. Единственная логическая причина таких его действий, — несомненно, уверенность, что на «Улиссе» к этому времени должны были прийти к неизбежному выводу о наличии у противника высокочувствительного радиолокатора. Неизбежный вывод! Тиндэлу никогда не приходил в голову даже малейший намек на такой вывод!

«Боже мой! Надо же быть таким круглым идиотом! — продолжал он безжалостно бичевать себя. — Шесть судов, три сотни людей. Сотни танков и самолетов, миллионы галлонов бензина не получит Россия. Сколько тысяч русских солдат и граждан будет убито из-за этого? А бедные, убитые горем семьи в далеких уголках родной Великобритании, — размышлял он бессвязно. — Мальчишки, доставляющие на велосипедах телеграммы в крохотные домики в долинах Уэльса, на заросших лесом проселочных дорогах Сёррея, в одинокие, дымящие торфяными печами домишки на Западных островах... Эти семьи никогда не узнают, что это он, Тиндэл, с такой преступной беспечностью погубил их мужей, братьев, сыновей...»

— Командир! — крикнул охрипшим голосом Тиндэл.

Вэллери подошел к адмиралу и встал около него, кашля от проникшего в нос, горло и воспаленные легкие холодного тумана. Болезнь Вэллери, не поддававшаяся лечению и причинявшая ему явные страдания, сильно беспокоила адмирала.

— А-а, вы здесь, командир. Этот немецкий крейсер надо уничтожить.

Соглашаясь, Вэллери устало кивнул головой:

— Да, сэр. Но как?

— Как? — На осунувшемся сером лице Тиндэла, обрамленном замерзшим бисером капелек на шерстяном капюшоне, появилось некое подобие улыбки. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Я предлагаю отозвать все корабли охранения, включая и наш, и раздолбать немца начисто. — Сжав губы, он уставился невидящим взглядом на перекатывавшиеся волны тумана. — Простое тактическое учение, пожалуй, даже в рамках моих полномочий...

Внезапно замолчав, он выглянул за борт и снова поспешно пригнулся: всего в нескольких ярдах от борта разорвался снаряд. На мостик обрушился огромный каскад холодных водяных брызг.

— Мы, «Стирлинг» и «Улисс», подойдем к нему с зюйда, — продолжал адмирал через несколько секунд, — и отвлечем на себя огонь и радиолокатор. Орт со своими эсминцами подойдет с норда. Они могут воспользоваться туманом и атаковать торпедами с минимальной дистанции. Условия и обстановка против этого одинокого разбойника, и шансов улизнуть у него немного.

— Все эскортные корабли? — решительно спросил Вэллери. — Вы предлагаете отозвать все корабли охранения?

— Совершенно верно, командир. Я предлагаю именно это.

— Но... господин адмирал, возможно, противник именно этого и добивается, — возразил Вэллери.

— Самоубийство? Славная смерть за родину? Уж не думаете ли вы, что они способны на это? — насмешливо спросил Тиндэл. — Так поступали только во времена Лангесдорфа и Миддлмана.

— Нет, сэр, — нетерпеливо возразил Вэллери, — он хочет отвлечь нас, чтобы конвой остался беззащитным.

— Ну и что же? — настаивал Тиндэл. — Кто сможет

пайти конвой в таком молоке? Если бы не туманные буи, даже наши корабли не отыскиали бы друг друга. Я уверен, что этого сделать никому не удастся.

— Не удастся? — энергично возразил Вэллери. — А что, если здесь болтается еще один немецкий крейсер, оснащенный радиолокатором? Или даже еще одна «волчья стая»? В том и другом случае с нашим «приятелем» за кормой наверняка поддерживается радиосвязь, и он может в любой момент сообщить им наш курс.

— Радиосвязь? Но я уверен, что наши радисты слушают его непрерывно.

— Да, сэр, они, конечно, слушают. Но мне говорили, что станцию, работающую на высокой частоте, перехватить не так-то просто.

Тиндэл пробормотал что-то себе под нос. Он почувствовал невероятную усталость и как-то обмяк: у него не было больше желания отстаивать свое мнение. Молчание нарушил Вэллери. Его хмурое лицо и глубокие морщины между бровями говорили о серьезной озабоченности.

— Почему же тогда немецкий крейсер упрямо идет за нами, разбазаривая свои снаряды? Ясно, что он хочет заставить нас отойти в определенном направлении. На таком курсе он на девяносто процентов уменьшает свои шансы добиться попадания в «Улисс», и половина его орудий — вне сектора обстрела.

— А может быть, он надеется, что логически мы будем рассуждать именно так и не иначе. — Тиндэл старался разгадать эту загадку, прорваться сквозь окутавшую его самую пелену, густую и непроницаемую, как и эти клубящиеся со всех сторон тяжелые, сырые и холодные волны тумана над водой. — Может быть, этот крейсер рассчитывает на то, что мы смалодушничаем и повернем на нрд, где он расставил для нас «волчью стаю»?

— Возможно, возможно, — согласился Вэллери. — Но не исключено, что противник пошел в своих рассуждениях еще дальше. Может быть, он считает нас достаточно умными, но хочет оказаться умнее нас... Возможно, он рассчитывает на логичность наших рассуждений, на то, что мы не смалодушничаем и не изменим курса, то есть поступим именно так, как он ожидает... Противник не так уж глуп, сэр, мы в этом убедились.

«Как говорил об этом Брукс Старру там, в Скапа-Флоу?.. — напряженно вспоминал Тиндэл. — Кажется, с

тех пор прошла целая вечность. Да, вот как! «...Это тяжелая мучительная борьба... Каждая ваша мозговая клетка напряжена до предела... Вы находитесь как бы на грани сумасшествия...» Просто удивительно, как хорошо Брукс представлял себе это состояние, как точно он описал его.

Да, Тиндэл понял теперь, что значит стоять на грани сумасшествия... Он смутно ощущал, что дошел до предела. Эта тупая боль в голове, одеревеневший лоб... Думать сейчас — процесс столь же мучительный, как слепому пробираться где-нибудь среди острых углов... Остатки разума подсказывали Тиндэлу, что это, должно быть, первый, а может быть, и последний симптом крайнего нервного расстройства. Одному богу известно, как много таких нервных расстройств произошло на «Улиссе» в последние месяцы... Но он был все еще адмиралом... Он должен как-то действовать, обязан что-то сказать.

— Гадание на кофейной гуще ни к чему не приведет, Дик, — сказал он, тяжело вздохнув. Вэллери с удивлением посмотрел на него: старина Тиндэл никогда раньше не называл его на мостике по имени. — Должны же мы что-то предпринять, — продолжал он. — Для успокоения совести оставим с конвоем «Вектру», и достаточно. — Он как-то болезненно улыбнулся. — Для выполнения этой тяжелой миссии нам нужно по меньшей мере два эсминца. Бентли! — крикнул он громко. — Запишите радиogramму: «Всем кораблям охранения и коммодору Флетчеру на «Кейп Хаттерасе»...

Через десять минут, просверлив толщу непроницаемой туманной стены, четыре корабля сократили дистанцию до противника наполовину. «Стирлинг», «Викинг» и «Сиррус» поддерживали непрерывную радиосвязь с «Улиссом». Они вынуждены были нарушить радиомолчание, потому что шли в тумане, как слепые, ничего не видя под самым форштевнем. «Улисс» был для них глазами и ушами.

«На мостике! Докладывает радиолокационный пост! — Взгляды всех автоматически приковываются к динамику. — Противник поворачивает на зюйд, увеличивает скорость!»

— Слишком поздно! — закричал хриплым голосом Тиндэл. Кулаки его были крепко сжаты, в глазах появились ликующие искорки. — Слишком поздно он спохватился!

Вэллери молчал. «Улисс» стремительно разрезал темную массу ледяного моря и плотные волны влажного хо-

лодного тумана. Из динамика внезапно послышался новый доклад:

«Противник развернулся на сто восемьдесят градусов. Идет на зюйд-ост. Скорость двадцать восемь узлов».

— Двадцать восемь узлов? Он хочет ускользнуть! — Тиндэл, казалось, воспрянул духом. — Командир! «Улису» и «Сиррусу» самым полным следовать на зюйд-ост, открыть огонь и задержать противника... Бентли! Радиogramму Орру... Командир! Курс противника?! — Не закончив распоряжения Орру, Тиндэл нетерпеливо ждал доклада о курсе противника.

«На мостике! Курс триста двенадцать. Не изменяется. Повторяю: не изменяется!» — послышалось из динамика.

— Не изменяется, — как эхо прокричал Тиндэл. — Командир! Открыть огонь! Управление с радиолокационного поста! Попался разбойник! — кричал он торжествующе. — Теперь ему не уйти, мы накроем его, командир!

Вэллери опять не проронил ни слова. Тиндэл посмотрел на него недоуменно и даже гневно:

— Вы что, не согласны?

— Не знаю, сэр, — Вэллери покачал головой и приподнял плечи. — Я не понимаю его действий. Почему он так долго ждал? Почему он не повернул и не начал отходить в тот момент, когда мы оставили конвой?

— Он чересчур уверен в себе, — проворчал Тиндэл.

— Или слишком уверен в чем-то еще, — вяло заметил Вэллери. — Может быть, он что-то замышляет и хочет убедиться, что мы обязательно пойдем за ним?

Тиндэл снова проворчал что-то, но тут же умолк: залп из первой башни потряс весь корабль. От взрыва кордита и горячих газов туман на полубаке на какой-то момент рассеялся, но уже через несколько секунд все снова окуталось белой пеленой.

Потом, словно по волшебству, опять прояснилось: тяжелая волна тумана прокатилась над мостиком и в прогалине между нею и быстро надвигавшейся следующей на траверзе показался «Сиррус», который, как разъяренный зверь, мчался на зюйд-ост со скоростью более тридцати четырех узлов. «Стирлинг» и «Викинг» остались где-то за кормой.

— «Сиррус» идет слишком близко, — заметил Тиндэл. — Почему Боуден не докладывает? Так мы не захватим противника в вилку. Передайте на «Сиррус»: «Курс три-

ста семнадцать, на пять минут». Командир! Нам тоже — пять градусов лево по компасу, потом на прежний курс!

Адмирал еще усаживался на свой высокий табурет, а «Улисс», словно окутанный белым саваном, слушаясь руля, еще только начинал катиться влево, когда в динамике послышался щелчок:

«На мостике! Докладывает радиорубка...»

В этот момент прогремел оглушительный залп из двух пятидюймовых орудий второй башни. Пламя и дым пронзили туман, как копье. Одновременно раздался оглушительный взрыв. Взрывная волна сверхъестественной силы подхватила людей и буквально прилепила их к костедробильному металлу, бросила их друг на друга, превратив в жуткое месиво из мяса, мозгов, костей и крови. Кое-кто пытался подняться, вырваться из хаоса. Эти люди были покалечены, оглушены и ослеплены, с лопнувшими барабанными перепонками. Едкий газ обжигал ноздри, бронхи и легкие, густой черный дым разъедал глаза. А из динамика по-прежнему раздавался металлический голос, неразборчиво повторявший запутанное донесение.

Постепенно дым рассеялся. Неуклюже, как пьяный, опираясь на оттяжку нактоуза, Тиндэл поднялся на ноги. Взрывная волна смела его с табурета и отбросила на середину компасной площадки. Ошеломленный, силясь понять, как же все это произошло, как бы стряхивая с себя что-то, он энергично потряс головой. Рвануло, видно, сильнее, чем он думал... Совершить такой полет... А что с кистью руки? Почему она как-то странно болтается? Да ведь это же его собственная кисть, дошло до него наконец... Удивительно: совсем не больно... А это — вдруг появившееся перед ним лицо Карпентера: повязку с него сорвало, глубокая рана, которую он получил ночью во время шторма, снова разошлась, и сочащаяся из нее кровь залила все лицо... «А как та девушка из Хенли, о которой он всегда рассказывал?.. — почему-то вспомнил вдруг Тиндэл. — Что она сказала бы, увидев его сейчас? И почему этот дьявольский голос не заткнется, почему он непрерывно долбит одно и то же?.. Боже мой!» — Не веря своим глазам, Тиндэл изумленно смотрел на торчавшие отовсюду деформированные листы палубного настила и на разбросанные осколки смолы под ногами.

Оттолкнувшись от нактоуза, за который он все еще держался, Тиндэл, шатаясь, пошел вперед, под козырек

мостика. Сделав несколько шагов, почувствовал, что вся компасная площадка наклонилась вперед градусов на пятнадцать.

— Что произошло, штурман? — прокричал он хриплым голосом, показавшимся странным даже ему самому. — Ради бога, что случилось? Взорвалась вторая башня?

— Нет, сэр, — подняв руку, Карпентер провел рукавом по своему лицу. Рукав капковой куртки тотчас же покрылся кровью. — Прямое попадание, сэр, ударило в надстройку.

— Правильно, сэр, — донесся голос Кэррингтона. Свесившись всем корпусом за ограждение мостика, он напряженно всматривался вниз. Даже в такой момент Тиндэл не мог не восхищаться спокойствием этого человека, его непостижимой способностью владеть собой. — Снаряд, видно, был не маленький: снес многоствольный автомат и разворотил борт под нами... Пробоина величиной с дверь... Да, туго пришлось там нашим ребятам.

Последние слова Кэррингтона Тиндэл уже не слышал. Встав на колени, он склонился над лежавшим на палубе Вэллери и попытался приподнять здоровой рукой его голову. Командира прижало к двери. Почти потеряв сознание, он едва дышал, захлебываясь собственной кровью. Лицо у него было белое как полотно.

— Крайслер, вызовите на мостик Брукса. Доктора сюда, живее! — закричал Тиндэл. — Быстро!

«Мостик, вызывает радиорубка! Мостик, вызывает радиорубка! Отвечайте! Отвечайте!..»

Голос в динамике утратил свое монотонное безразличие, стал встревоженным и настойчивым.

Не получив ответа, Крайслер поставил на место телефонную трубку и с беспокойством посмотрел на адмирала.

— Ну? — нетерпеливо рявкнул Тиндэл. — Доктора вызвали?

— Не отвечает, сэр, — запинаясь, ответил матрос, — телефон, наверное, вышел из строя.

— Тогда какого же черта ты торчишь здесь, — проорывал Тиндэл. — Беги и позови его! В командование кораблем вступить старшему помощнику! Слышите, Бентли! Вызовите на мостик старпома!

«На мостике! На мостике! — раздавался взволнованный голос в динамике. Тиндэл раздраженно посмотрел в

его сторону, но тут же неподвижно замер. Голос продолжал:

«Прямое попадание в корму. Командир дивизиона живучести докладывает: шифрпост разбит, шестой и седьмой радиолокационные посты разбиты, корабельная лавочка разрушена, кормовой командно-дальномерный пост сильно поврежден».

«Кормовой командно-дальномерный пост, — повторил про себя Тиндэл. Он выругался и, морщась от боли в сломанной руке, снял свои меховые перчатки. Осторожно приподняв голову Вэллери, он подsunул под нее перчатки, потом медленно поднялся на ноги. — Кормовой командно-дальномерный!.. Тэрнер был, наверное, там. Боже, неужели он убит?..» — продолжал размышлять Тиндэл.

Спотыкаясь на каждом шагу, адмирал стал пробираться в кормовую часть полубака. Подойдя к трапу и ухватившись здоровой рукой за поручень, он с тревогой начал всматриваться туда, где должна была быть кормовая надстройка.

Некоторое время он не мог увидеть впереди себя ничего, даже кормовой трубы и грот-мачты. Серые, медленно клубящиеся волны тумана были слишком плотными, совершенно непроницаемыми. Потом неожиданно на какое-то мгновение порыв ледяного ветра рассеял туманную пелену и сместил в сторону крутившуюся над кормой спираль черного дыма. Тиндэл конвульсивно сжал поручень, суставы на пальцах побелели.

Кормовой надстройки не было. На ее месте адмирал увидел беспорядочную грудку обломков и искореженного металла. Позади возвышалась третья башня, которая раньше с полубака не просматривалась. Ее, по-видимому, не повредило. Все же остальное — как ветром сдуло: радиолокационные рубки, шифрпост, помещение корабельной полиции, корабельную лавочку, большую часть кормового камбуза. Все, что находилось в этих помещениях, уничтожено, все расписанные по ним люди, наверное, убиты. Чудом уцелевшая грот-мачта осталась на месте. Позади нее в каком-то ужасно нелепом положении, почти на боку, на обломках лежал кормовой командно-дальномерный пост с оторванным дальномером. Тэрнер должен был находиться в нем...

И снова эта дьявольская боль в голове. Тиндэл сильно покачнулся и чуть было не упал на крутые ступеньки

высокого трапа. Он встряхнул головой, как бы желая избавиться от давящего на мозги тумана... Особенно неприятной была тупая боль где-то у темени... Ему казалось, что туман разливается по голове именно отсюда, ото лба... Кто-то называл «Улисс» счастливым кораблем. Двадцать месяцев в самых опасных переходах, в самых бурных и холодных водах Ледовитого океана — и ни одной царапины!.. Но Тиндэл всегда считал, что когда-то и где-то фортуна отвернется от «Улисса».

Услышав дробный стук сапог поспешно поднимавшегося по трапу человека, Тиндэл напряг зрение. Из тумана вынырнуло узкое, худое лицо. Адмирал сразу же узнал старшего сигнальщика Дэвиса с флагманского мостика. Белый, как полотно, он дышал тяжело и прерывисто. Открыв было рот в попытке сказать что-то, замер как вкопанный и изумленно уставился на руку Тиндэла, который все еще держался за поручень.

— Ваша рука, сэр! — Он перевел испуганный взгляд с руки на лицо адмирала. — Ваша рука! Вы же без перчаток, сэр!

— Без перчаток? — Тиндэл посмотрел вниз, словно удивляясь тому, что у него была рука. — Да, перчаток и правда нет... Спасибо, мальчик.

Он резко отдернул руку от промерзшего стального поручня и равнодушно посмотрел на окровавленные пальцы и ладонь: кожа осталась на поручне.

— Ну, это неважно, Дэвис... Что вы хотели сказать?

— Центральный артиллерийский пост, сэр! — Глаза Дэвиса потемнели от ошеломляющего ужаса, который он только что видел. — Снаряд разорвался прямо в посту. В нем... от него ничего не осталось, сэр. И центральный прокладочный пост, наверху... тоже, сэр...

Он не успел закончить фразу, так как голос его заглушил грохот залпа из первой башни. Казалось странным, что главная артиллерия корабля в этот момент все еще действовала.

— Я только что был в центральном артиллерийском и прокладочном постах, сэр, — продолжал Дэвис, теперь уже спокойнее. — Там... знаете, там... все убиты.

— И капитан третьего ранга Уэстклифф? — спросил Тиндэл, но тут же понял бессмысленность своего вопроса.

— Не знаю, сэр. Там всех разорвало на куски. Никого не узнаешь... Если он был там...

— Конечно там, — прервал его Тиндэл. — По боевой тревоге он всегда на своем месте... Не докончив фразы, адмирал конвульсивно сжал пальцы раненых рук: пронзительный вой и лающие хлопки взрывов бризантных снарядов слились в какую-то дребезжащую какофонию. Казалось, что снаряды рвутся у самых ушей.

— Боже мой! — прошептал Тиндэл после оглушительного взрыва. — Это где-то совсем рядом, Дэвис... Какого дьявола...

Остальное произошло в какие-то доли секунды. Что-то с ужасной силой ударило Тиндэла в живот, так, что у него перехватило дыхание. Вместо слов из его рта вырвалось какое-то невероятное крикание. Теряя сознание, хватаясь руками за воздух, он глухо шмякнулся спиной на палубу. Ему показалось, что он проваливается в пропасть.

Тиндэл не заметил, как за секунду до этого стоявший на трапе Дэвис, не говоря ни слова, ухватился обеими руками за поручни и, отчаянно оттолкнувшись ногами, в акробатическом прыжке подбросил себя через три верхние ступеньки и всей тяжестью своего тела ударил адмирала в живот. Теперь он лежал неподвижно поперек ног адмирала.

Постепенно легкие Тиндэла обрели силу, с трудом он начал дышать и почувствовал, что сознание возвращается к нему. Ничего еще не видя и не соображая, он инстинктивно попытался приподняться, но сломанная рука не держала веса тела, и он снова рухнул на палубу. Попытка шевельнуть ногами тоже ни к чему не привела: ноги почему-то даже не сдвинулись с места. Создавалось впечатление, что все тело ниже талии парализовано. Тумана уже не было. На фоне темнеющего неба то тут, то там вспыхивали ослепительно яркие цветные огоньки: красные, зеленые, белые...

«Что это, осветительные снаряды? — пронеслось в голове Тиндэла. — Немцы применяют новые осветительные снаряды?»

Лишь огромным напряжением ума Тиндэл постиг ту истину, что между ослепительными вспышками и мучительной болью во лбу существует какая-то связь... Он поднес правую руку к лицу: глаза ничего не видели... В голове опять все закружилось, и он начал снова куда-то проваливаться.

— Как вы себя чувствуете, сэр? Не шевелитесь. Мы сейчас унесем вас отсюда, — произнес кто-то повелительным тоном над самой головой адмирала.

Тиндэл вздрогнул, открыл глаза и, оцепенев от ужаса, снова зажмурился. Опять галлюцинация? Это был голос Тэрнера, но ведь он убит! А может быть, убит вовсе не Тэрнер, а он, Тиндэл? Может быть, мертвому так и должно все представляться?.. Кругом темнота, и в то же время эти ослепительные вспышки... Дикая боль в голове, во всем теле... и такая слабость... А эти голоса мертвецов...

Внезапно, помимо его желания, веки задрожали и разомкнулись. На расстоянии какого-нибудь фута от себя Тиндэл увидел худое, резко очерченное лицо склонившегося над ним старшего помощника.

— Тэрнер, Тэрнер, — не веря глазам своим, радостно и удивленно бормотал Тиндэл. Забыв о боли в руке, он сжимал ее локоть старпома, как бы желая убедиться, что это действительно он, а не привидение. — Тэрнер, это вы? А я думал...

— Кормовой пост? — Тэрнер широко улыбнулся. — Нет, меня там не было. Я шел в это время сюда. Как раз поднимался на полубак, когда взорвался этот первый снаряд. Меня отбросило назад, на главную палубу... А как вы, сэр?

— Слава богу! Слава богу! Я не знаю как... Вот что-то с ногами... О боже! А это что?

Над головой Тэрнера, уходя концами куда-то в нос корабля и в корму, висела тяжелая стальная громада мачты. До нее можно было дотянуться рукой.

— Это фок-мачта, сэр, — пояснил Тэрнер. — Ее срезало последним снарядом чуть повыше нижней реи, а взрывной волной отбросило сюда. Падая, она, кажется, зацепила пост управления зенитным огнем и придавила носовой командно-дальномерный пост. Боюсь, что бедняга Котни погиб... Дэвис видел, как она падала, и я был в этот момент позади него. Он увидел и быстро...

— Дэвис! — ошеломленный Тиндэл совершенно забыл о нем. — Ну конечно же, это Дэвис!

Тиндэл понял, что, жертвуя собой, Дэвис оттолкнул его в сторону от падающей мачты. Это, должно быть, он лежал теперь на его ногах... Тиндэл с усилием приподнял голову и увидел у своих ног распростертое тело Дэвиса. Тяжелая мачта придавила ему спину.

— Старпом, ради бога, вытащите его из-под мачты!

— Лежите спокойно, сэр, пока не подойдет Брукс.
С Дэвисом все в порядке...

— Все в порядке? Как это все в порядке? — почти завизжал Тиндэл. — Вы с ума сошли, Тэрнер? Бедняга, на-верное, умирает!

Тиндэл порывался подняться. Несколько рук осторожно, но властно удерживали его, не давая даже шевельнуться.

— С Дэвисом все в порядке, сэр. — Голос Тэрнера был удивительно мягким. — В самом деле, сэр, с ним все в порядке... Ему уже не больно. Он теперь все равно ничего не чувствует...

Только теперь Тиндэл все понял. Закрыв глаза, он опустил голову на палубу.

Когда появился Брукс, адмирал все еще лежал с закрытыми глазами. Через несколько секунд проворные и умелые руки доктора сделали все необходимое, чтобы поднять его на ноги. Потрясенный, изрядно помятый, он остался тем не менее невредим. Упрямо не повинувшись Бруксу, адмирал потребовал, чтобы ему помогли дойти до ходового мостика. В глазах его заиграли искорки радости, когда он увидел, что, прижав ко рту белое полотенце, Вэллери хотя и не очень твердо, но все же стоял на ногах. Но Тиндэл не проронил ни слова. Наклонив голову и болезненно морщась, адмирал взобрался на свой табурет.

«Мостик, вызывает радиорубка! Отвечайте. Мостик, вызывает радиорубка! Отвечайте...»

— Этот проклятый идиот все еще твякает, — проворчал Тиндэл. — Почему никто не...

— Но вас же не было здесь всего несколько минут, сэр, — осмелился заметить Карпентер.

— Несколько минут? — удивленно повторил Тиндэл и молча уставился на него. Потом он посмотрел на Брукса, старательно забинтовывавшего его правую руку. — Вам что, доктор, больше делать нечего? — грубо спросил он его.

— Да, нечего, — резко ответил Брукс. — Когда снаряды разрываются в помещениях, работы для доктора почти не бывает... Разве только подписывать свидетельства о смерти.

Вэллери и Тэрнер обменялись многозначительными взглядами.

«Представляет ли себе Брукс, — подумал Вэллери, — насколько адмирал переутомлен?»

«Мостик, вызывает радиорубка! Мостик, вызывает радиорубка! «Вектра» запрашивает указаний. «Вектра» просит срочных указаний».

Взглянув на адмирала и убедившись, что тот никак не реагирует, Вэллери крикнул сигнальщику:

— Крайслер, любым путем проберитесь в радиорубку и скажите, чтобы повторили первое донесение.

Вэллери еще раз посмотрел на Тэрнера, а потом вниз на палубу, куда с ужасом смотрел адмирал, и сразу же почувствовал приступ тошноты. Матрос-артиллерист, такой же молодой парень, как и Крайслер, должно быть, находился во время обстрела на нижнем барбете. Увидев падающую мачту и, наверное, опасаясь, что она зацепит его, он попытался отскочить в сторону, но едва успел подняться со своего сиденья, как на него всей своей тяжестью обрушилась пролетавшая мимо мостика огромная металлическая решетка радиолокационной антенны. Она со страшной силой придавила его к двум стволам «эрликона» и раздробила тело на куски. От человека осталось только буро-красное мокрое пятно.

Вэллери с тревогой осмотрел мостик.

«До чего же точен огонь противника! Интересно, попал ли в цель хоть один снаряд «Улисса»? — размышлял Вэллери. — Наверное, нет, а теперь это и вовсе невозможно. Невозможно потому, что «Улисс», все еще мчавшийся в тумане на зюйд-ост, был совершенно слепым: оба радиолокатора вышли из строя. И что еще хуже — все посты управления огнем бездействуют и ввести их в строй невозможно. Если так пойдет и дальше, — подумал он с усмешкой, — то нам понадобится только набор кошек и абордажные сабли. В современном морском бою, даже если главный калибр действует, корабль в таком положении по существу не боеспособен».

Обмен залпами прекратился. На мостике воцарилась мертвая тишина. Слышен был только глухой рокот бурлящей за бортом воды, гул котельных воздуходувок, монотонный раздражающий писк гидролокатора. Но все эти звуки только подчеркивали наступившую тишину.

Вэллери заметил, что все выжидающе смотрят на адмирала. Старина Тиндэл бормотал что-то себе под нос. Его посеревшее, изможденное, покрывшееся пятнами лицо

было все еще обращено туда, где лежали куски тела раздавленного артиллериста. Казалось, это зрелище загнип-тизировало Тиндэла. А может быть, он думал об иска-ленной радиолокационной антенне?.. Дошло ли до его сознания, что означали для «Улисса» потеря радиолока-тора и выход из строя центральных постов управления огнем? Вэллери долго разглядывал лицо адмирала и на-конец понял: дошло.

«Мостик, вызывает радиорубка. Мостик, вызывает ра-диорубка...»

Все встрепенулись и, повернувшись к динамику, напря-женно прислушались... Все, кроме Тиндэла. Он по-преж-нему сидел неподвижно, с печально устремленными вниз, но ничего не видящими глазами.

«Донесение с «Вектры». Первое донесение. Получено в ноль девять пятьдесят две...»

Вэллери посмотрел на свои часы: «Всего шесть минут назад! Удивительно!»

«...Текст донесения: «Контакты. Контакты. Три. Пов-торяю: три. Исправляю — пять. Много подводных лодок впереди и на траверзе. Атакую».

Все снова перевели взгляд на Тиндэла. Было ясно, что это он, Тиндэл, и только он несет ответственность за решение — принятое им вопреки советам старшего офи-цера — оставить конвой беззащитным. Внутренне Вэллери даже восхищался действиями противника, искусно постав-ленной им приманкой, выбором подходящего момента для нажатия на спусковой механизм капкана. Как будет вести себя старина Тиндэл в этот кульминационный момент, увенчавший целую серию просчетов?.. Просчетов, за ко-торые обвинять его было бы несправедливо... Тем не ме-нее с него спросят за это. Металлический голос динамика прервал размышления Вэллери:

«Текст второго донесения: «Атакую подводные лодки противника глубинными бомбами. Одно судно торпеди-ровано, тонет. Танкер торпедирован, поврежден, на плаву, управляем. Прошу указаний. Прошу поддержки. Срочно. Срочно».

Щелчок. Динамик выключили. Вновь на мостике во-царилась неестественно напряженная тишина. Прошло пять секунд, десять, двадцать... Все замерли. Каждый смотрел куда-то в сторону, избегая взгляда других.

Неуклюже, медленно Тиндэл спустился со своего вы-

сокого табурета. Его движения были вялыми, нерешительными, движениями очень пожилого и очень уставшего человека. Сильно прихрамывая, он направился к двери. Правой рукой, забинтованной бросающимся в глаза белоснежным бинтом, он поддерживал свою сломанную в запястье левую руку. Весь его облик являл собой какое-то странное неправдоподобное величие. На его ничего не выражающем лице появилось очень отдаленное подобие слабой улыбки. Он заговорил, но не громче, чем если бы разговаривал вслух с самим собой:

— Я плохо себя чувствую, — пробормотал он. — Пойду вниз.

Крайслер, не такой уж ребенок, чтобы не понять трагедии адмирала, поспешно открыл дверь и поддержал Тиндэла, когда тот споткнулся у комингса. Обернувшись, адмирал бросил через плечо быстрый умоляющий взгляд на Вэллери и виновато улыбнулся, когда заметил, как тот сострадательно кивнул ему в ответ. Подойдя к трапу, адмирал и матрос осторожно спустились с мостика.

Развороченный, искореженный взрывной волной мостик как-то сразу опустел: старина Тиндэл, когда-то бодрый, жизнерадостный, не поддававшийся никаким печалям, ушел. Оставшихся на мостике угнетала в этот момент не столько быстрота и степень поражения, сколько сознание того, что они теперь одиноки и беззащитны.

Молчание, как и всегда, первым нарушил Брукс. Медленно покачав головой и словно вспомнив что-то, он сказал:

— Пойду вниз, посмотрю, что можно предпринять.

Проводив его взглядом, Вэллери резко повернулся к Бентли. Осунувшееся, заросшее седеющей бородой лицо командира, казалось, ничего не выражало.

— Старшина, запишите три радиогаммы! Первая: «Командиру «Вектры». Курс триста шестьдесят градусов. Не рассредоточивайтесь. Повторяю, не рассредоточивайтесь. Иду к вам для оказания поддержки». — Подумав несколько секунд, Вэллери продолжал:

— Подпись: «Адмирал». Записали?.. Хорошо. Шифровать некогда. Передать клером. Пусть кто-нибудь отнесет в радиорубку. Бегом!.. Вторая: «Командирам «Стерлинга», «Сирруса» и «Викинга». Немедленно прекратите преследование. Курс норд-ост. Самый полный».

Тоже клером. Как ваша голова, штурман? Работать можете? — спросил Вэллери, обращаясь к Карпентеру.

— Конечно, сэр.

— Спасибо, штурман. Слышали мои приказания? Через несколько минут, примерно в десять пятнадцать, конвой повернет на норд. Скорость шесть узлов. Рассчитайте наш курс на присоединение в кратчайший срок!

Бентли, третья радиограмма: «Командирам «Стерлинга», «Сирруса» и «Викинга». Радиолокатор вышел из строя. Ваших мест не имею. Поставьте туманные буи. Сирена через каждые две минуты». Эту радиограмму зашифровать. О получении квитанций немедленно докладывать! Старпом!

— Есть, сэр, — подскочил к нему Тэрнер.

— Боевая готовность номер два! Полагаю, что к нашему прибытию подводные лодки отойдут. Какая вахта будет свободной?

— Одному богу известно, — откровенно признался Тэрнер. — Ну, скажем, четные.

— Хорошо, пусть четные, — Вэллери слабо улыбнулся. — Назначьте две партии. Первую — для расчистки и уборки всех обломков. Все выбросить за борт. Ничего не жалейте. Вам понадобятся кузнецы и слесари. Пусть Додсон выделит людей с кислородно-ацетиленовыми горелками. Эту партию возглавьте сами. Вторая партия — похоронная, под руководством Николаса. Тела убитых перенести в корабельную лавочку, после того как ее расчистят... Если сможете, доложите мне через час, сколько у нас убитых и раненых и какие повреждения.

— Я сделаю это значительно быстрее, сэр... Можно вас на минутку?.. Несколько слов по секрету?

Они направились в кормовую часть мостика и вошли в командирскую рубку. Когда за ними закрылась дверь. Вэллери с любопытством посмотрел на Тэрнера:

— Что, опять бунт, старпом?

— Нет, сэр. — Тэрнер торопливо расстегнул свою куртку, вытянул из нагрудного кармана флягу и, посмотрев ее на свет, с облегчением заметил: — Слава богу, цела. Боялся, не треснула ли она, когда я упал... Ром, сэр. Неразбавленный! Знаю, что вы ненавидите его, но ничего, пейте. Вам сейчас это совершенно необходимо.

Вэллери нахмурился.

— Ром? Слушайте-ка, старпом, а вы...

— К черту королевские указы и приказы адмиралтейства! — резко прервал его Тэрнер. — Вам обязательно нужно выпить. Вы ранены, потеряли черт знает сколько крови и продрогли до костей. — Он отвернул пробку и сунул бутылку сопротивлявшемуся Вэллери. — Поймите же наконец: вы нужны всем нам сейчас больше, чем когда-либо, а ведь вы — прямо-таки живой труп. Да, да, живой труп, — повторил он гневно. — Эта жидкость поможет вам продержаться еще несколько часов.

— Вы очень любезны, Тэрнер, — проворчал Вэллери. — Ну, хорошо. Послушаюсь вас, вопреки всем инструкциям...

Он нерешительно поднес бутылку ко рту и отпил несколько глотков.

— Вы подали мне хорошую идею, старпом. Скажите боцману, пусть выдаст команде по двойной порции рома. Им тоже нужно подкрепиться. Особенно похоронной партии, — добавил он, сердито нахмутив брови.

Глава десятая

ПЯТНИЦА. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Щелкнул выключатель. Яркий флуоресцирующий свет моментально разлился по всем уголкам приемного отделения корабельного лазарета. Николас проснулся, будто ужаленный. Заслоняя рукой сонные, покрасневшие в последнее время от переутомления глаза, сощутив веки в узенькие щелочки, посмотрел на часы. Уже четыре! Неужели он так долго спал? Боже, до чего же холодно!

Оттолкнувшись от спинки зубного кресла, на котором спал сидя, Николас посмотрел через плечо назад: у входной двери, спиной к ней, стоял Брукс. Запорошенный снегом капюшон красиво обрамлял его седеющую шевелюру. Непослушные, заочневшие от холода пальцы отказывались вытянуть сигарету из только что открытой пачки. Справившись наконец с этой нелегкой задачей, Брукс лукаво посмотрел на Николаса через пламя зажженной спички.

— Привет, Джонни! Сожалею, что пришлось разбудить тебя, но иного выхода нет: тебя хочет видеть командир. Впрочем, время у тебя еще есть, можешь не торопиться.

Брукс окунул кончик сигареты в угасавшее пламя спички, сделал глубокую затяжку и, выпуская дым, снова посмотрел на Николаса.

«У него очень болезненный вид, — с неожиданным состраданием подумал Брукс. — Он чертовски устал и нуждается в отдыхе, но говорить об этом бесполезно».

— Как чувствуешь себя? Впрочем, не говори — знаю. Я сам при последнем издыхании... У тебя осталось еще что-нибудь от этих бодрящих снадобий?

— Наркотиков? Вы, наверное, опять ошиблись в диагнозе. Я дал адмиралу все, что необходимо.

— Ну, ну! Опять эта юношеская нетерпимость! Я говорю всего-навсего об этой бутылке самогона с острова Молл...

— Колл, а не Молл, — поправил его Николас. — Но дело не в этом. Вы же опорожнили ее до дна, — добавил он с укоризной, но увидев опечаленное лицо Брукса, подобрел. — Правда, у нас еще осталась бутылка Талискера.

Николас подошел к шкафчику, в котором хранились наркотики, взял бутылку с надписью: «Лизол» — и открыл пробку. Когда он наполнял поднесенные Бруксом стаканы, руки того сильно дрожали.

Осушив стакан и почувствовав, как согревающая жидкость растекается по всему телу, Брукс блаженно вздохнул:

— Спасибо, мальчик, спасибо. Ты подаешь надежды стать первоклассным эскулапом.

— Вы так полагаете, сэр? Не думаю. Особенно после того, что было сегодня. — Он содрогнулся, вспомнив пережитое. — Сорок четыре трупа, сэр, один за другим — за борт в течение каких-нибудь десяти минут, как... как мешки с мусором.

— Сорок четыре? — удивился Брукс. — Так много убитых, Джонни?

— Не совсем так, сэр. Это число погибших. Ознаных было около тридцати, а сколько кусков и кусочков, одному богу известно... В центральном артиллерийском посту пришлось сгребать лопатой... — Он печально улыбнулся. — Я сегодня ничего не ел, да и всех остальных из похоронной партии вывернуло наизнанку... Пожалуй, надо закрыть этот иллюминатор.

Николас резко повернулся и подошел к незатемненному иллюминатору. Сквозь медленно оседающие сне-

жинки у самого горизонта виднелась мерцающая вечерняя звезда. Это означало, что туман рассеялся, туман, который спас конвой, который скрыл их от подводных лодок. А вот вдали видна «Вектра». Николас заметил, что стеллажи для глубинных бомб на ней пустые. Значит, все запасы израсходованы... Несколько ближе к «Улиссу» идет «Витура» — поврежденный танкер. Вода подобралась уже почти к срезу его низкого борта... А вот в другой части горизонта маячат четыре судна типа «Виктори», огромные, мощные и, на первый взгляд, даже грозные корабли. Николас знал, что внешность их обманчива. На самом деле это совершенно беспомощные цели для подводных лодок и самолетов противника.

Николас захлопнул тяжелую крышку иллюминатора, закрутил до отказа все барашки и круто повернулся к Бруксу:

— Почему мы не поворачиваем назад?! — раздраженно воскликнул он. — Кого наш старик надувает, нас или немцев? Ни воздушного прикрытия, ни радиолокатора, ни малейшей надежды на какую-нибудь поддержку! Немцы и так уже прижали нас к самой стене. Чем дальше мы идем, тем легче им будет разделаться с нами! А ведь нам нужно пройти еще тысячу миль! — Голос его повышался с каждой новой фразой. — Шныряющие вокруг немецкие корабли, лодки и самолеты аппетитно облизываются, выжидая удобного момента, чтобы схарчить нас всех до одного! — Он отчаянно тряхнул головой и продолжал еще громче: — Я готов рисковать где угодно и с кем угодно, вы это знаете. Но ведь это же явное самоубийство...

— Но, Джонни, вы же не...

— Почему он не поворачивает назад? — не обращая внимания на возражения, продолжал Николас. — Все зависит от него. Чего он добивается? Славной смерти? Бесмертной славы ценой моей жизни, наших жизней? Пожалуй, Райли был прав, — продолжал он с горькой усмешкой. — Кричащие заголовки: «Капитан первого ранга Ричард Вэллери, кавалер ордена «За боевые заслуги», награжден посмертно...»

— Замолчи! — как ударом хлыста, остановил его Брукс. Взгляд его был леденящим. — Как ты смеешь говорить так о нашем командире! — добавил он уже спокойнее. — Ты бесчестишь имя самого благородного человека...

Остановившись на полуслове, Брукс укоризненно покачал головой. Не сводя глаз с побледневшего, напряженного лица Николаса, тщательно подбирая слова, он продолжал:

— Наш командир — замечательный офицер, лейтенант Николас. Может быть, даже великий... Но дело не в этом, черт возьми! Дело в том, что он в высшей степени порядочный человек, джентльмен... Такого человека я ни разу не встречал на этой поганой, развращенной планете. Он — это не вы и не я. Его нельзя сравнить ни с кем. Он идет вперед один, но никогда не бывает одиноким, ибо всегда окружен уважающими его людьми. — Брукс улыбнулся. — Не правда ли, смешно слышать все это от такого подлеца, как я? Даже ты, наверное, назовешь это богохульством... Но дело в том, мой дорогой, что правда никогда не может быть богохульством. А я утверждаю, что это чистейшая правда.

Николас стоял молча. Лицо его будто окаменело.

— Смерть. Слава. Бессмертие, — продолжал Брукс все так же гневно. — Кажется, об этом ты изволил говорить? Смерть? — Он улыбнулся и снова покачал головой. — Для Ричарда Вэллери смерть не существует. Слава? Конечно, он жаждет славы... Все мы, так или иначе, хотим прославиться... Но никакие лондонские газеты и букингемские дворцы не дадут ему той славы, которой он достоин. Капитан первого ранга Вэллери уже не ребенок, ему не нужны никакие побрякушки... А что касается бессмертия... — Положив руку на плечо Николаса, он засмеялся, теперь уже добродушно. — Скажи мне, Джонни, зачем ему добиваться того, что он уже имеет?

Николас молчал. Наступила напряженная тишина, и от этого гул вентиляционной системы с каждой секундой становился, казалось, все более громким. Наконец Брукс кашлянул и многозначительно посмотрел на бутылку с «лизолом».

Николас снова налил стаканы. Глаза их встретились. Брукс долго смотрел на измученное лицо Николаса, и опять его внезапно охватило чувство глубокого сострадания к этому молодому человеку.

«Как сказал об этом Каннингхэм во время вторжения немцев на Крит? — вспомнил Брукс. — Существует предел выносимости людей. Лучше до такого предела не доходить. Банально, но справедливо, — подумал Брукс. — Справедливо даже для таких людей, как Николас. Можно

понять этого юношу, если представить себе, что пришлось ему пережить сегодня утром, когда он извлекал из обломков разорванные на куски тела, которые только что были живыми, говорящими и двигающимися людьми! Как врач, он должен был освидетельствовать каждого, осмотреть все куски, чтобы опознать убитых...»

— Еще шаг, и я, наверное, сойду с ума, сэр, — почти шепотом произнес Николас. — Я не знаю, что со мной происходит и что сказать вам... Извините меня, сэр.

— Я тоже, Джонни, — сказал Брукс искренне. — Но довольно болтать чепуху. — Он поднял стакан и, нежно посмотрев на него, произнес: — За наших противников, Джонни! За то, чтоб им, чертям, тошно стало! И не забудь адмирала Старра.

Он залпом осушил стакан, поставил его на столик и долго не сводил глаз с Николаса.

— Думаю, что тебе, Джонни, надо сказать вот о чем. Ты ведь знаешь, почему Вэллери не поворачивает назад. — На лице его появилась кривая усмешка. — Вовсе не потому, что позади нас так же много этих проклятых немецких подводных лодок, как, несомненно, и впереди... — Закурив новую сигарету, Брукс продолжал: — Утром командир послал шифровку в Лондон. Он заявил в ней, что конвой эф-эр-семьдесят семь будет разгромлен, или, говоря его словами, истреблен, задолго до того, как он дойдет до мыса Нордкап. Вэллери испросил разрешения хотя бы отвернуть на север и пройти как можно мористее Нордкапа... Жаль, что сегодня не было заката, — добавил Брукс с насмешкой. — Хотелось посмотреть на солнце.

— Ну и что же, сэр? — нетерпеливо спросил Николас. — Какой ответ?

— Командир думал, что ответ придет немедленно. — Брукс пожал плечами. — Но пришлось ждать целых четыре часа! — Он улыбнулся. Но только губами. Глаза его оставались печальными. — Так вот, происходит что-то очень важное. Где-то сосредоточиваются крупные силы. Не иначе как готовится вторжение крупного масштаба... Но это — между нами, Джонни! Секрет!

— Да, да, конечно, сэр!

— Что именно происходит в действительности, я не знаю. Может быть, даже намереваются открыть долгожданный второй фронт. Так или иначе, но поддержка силами флота метрополии, кажется, считается в этом деле

абсолютно необходимой для достижения успеха. Но флот метрополии связан по рукам и ногам «Тирпицем», поэтому отдан приказ: покончить с «Тирпицем», уничтожить его любой ценой. — На лице Брукса опять появилась ледяная улыбка. — Мы играем в этом деле очень важную роль, Джонни. — Мы — это самая большая, самая жирная приманка из всех когда-либо приносившихся в жертву во имя достижения самых больших, самых важных целей... Я только опасаюсь, что ловушка немного заржавела в петлях. Ответ пришел от первого морского лорда и Старра. Решение принято на уровне военного кабинета. Нам приказано продолжать идти на восток.

— Мы, стало быть, и есть та самая «любая цена», — сказал Николас решительно. — Иначе говоря, мы — не что иное, как пушечное мясо.

— Да, мы — пушечное мясо, — согласился Брукс.

В динамике на подволоке раздался щелчок. Брукс тяжело вздохнул:

— Ну вот, опять начинается.

Прозвучал сигнал повышения боевой готовности на период сумерек. Николас зашпешил было к выходу, но Брукс преградил ему путь:

— Тебе еще рано, Джонни. Я же сказал, что командир приказал тебе явиться на мостик через десять минут после сигнала о повышении готовности.

— Что? На мостик? За каким еще чертом?

— Ты неуважительно разговариваешь со старшим по званию, Джонни, — важным тоном произнес Брукс. — А как сегодня матросы? — вдруг переменял он тему разговора. — Ты работал с ними все утро. Как они, в обычном настроении?

Николас несколько смутился, но тут же овладел собой:

— Пожалуй, в обычном. — Подумав, продолжал: — Странно, ведь всего пару дней назад они чувствовали себя намного лучше, а теперь... Теперь они такие же, как были в Скапа-Флоу. Ходячие тени. Только вот ходить-то разучились. — Николас удрученно покачал головой. — Пять, или нет, даже шесть человек пришлось уложить на носилки. За все задевают, спотыкаются и падают, как мешки с сеном. Спят на ходу. Ничего не видят. Слишком устали, чтобы смотреть под ноги.

— Знаю, знаю, Джонни, — согласился Брукс. — Видел все это сам.

— Никаких симптомов бунтарства, ничего угрожающего в их поведении я не вижу, — продолжал Николас. — Думаю, что для бунта у них не осталось ни сил, ни воли, ни желания. Но дело не в этом. Когда мы расчищали центральный артиллерийский пост, некоторые, убирая тела убитых, бормотали себе под нос: «Вот посчастливилось людям! Отдали концы без мучений», или что-нибудь в этом же роде. А помешательство старины Тиндэла?.. Он все время трясет головой. И уж никаких признаков бывшего юмора. Никаких! Даже сквернословить перестал... — Николас сокрушенно покачал головой. — Не знаю, как все это назвать, сэр. Апатия, безразличие, отчаяние... Называйте как хотите. Я бы лично сказал, что люди надломались.

Брукс долго и сосредоточенно смотрел на Николаса. Потом заговорил снова:

— Теперь пора Джонни... — А затем, подумав немного, добавил: — Знаешь, я думаю, ты прав. Во всяком случае... Впрочем, время вышло, иди-ка на мостик. Командир собирается сделать обход корабля.

— Что?! — воскликнул Николас. — Он собирается оставить мостик во время боевой тревоги?!

— Да, он намерен поступить именно так.

— Но... Ведь это же невозможно, сэр. Это... это беспрецедентно!

— Таков наш командир, Джонни. Как раз это я и пытался втолковать тебе вчера вечером.

— Но он же свалится с ног, он угробит себя! — с искренней тревогой воскликнул Николас.

— Я говорил ему об этом. Он постепенно умирает. Он уже должен был бы скончаться. Какими силами он держится до сих пор на ногах — одному богу известно. Но я уверен, что это не лекарства и не наркотики... Иногда, Джонни, приходится признать слабость медицины. Так или иначе, но я уговорил его взять с собой тебя. Иди, не заставляй его ждать.

Командир обходил и осматривал корабль в течение двух часов. Даже для лейтенанта Николаса эти два часа были часами невероятных пыток и мучений. Два часа непрерывной ходьбы и перелезаний через высокие комингсы и нагромождения исковерканной, скрученной стали; два часа тяжелых подъемов и спусков по сотням крутых

или отвесных трапов и пролезаний в невообразимо узкие люки и горловины; два часа изнурительного пребывания то в душных помещениях с очень высокой температурой, то на бесчисленных внешних постах, где леденящий ветер пронизывает вас до самых костей. Это были два часа, которые Николас никогда не забудет, воспоминания о которых будут всегда вызывать у него чувство благодарности и преклонение перед мужеством и волей человека, которого он не знал... Да, не знал, несмотря на то что так долго находился с ним рядом.

Обход начали с юта. Командира сопровождали Николас и главный старшина Хартли. На этот раз Вэллери не взял с собой никого из представителей корабельной полиции — неперменных участников подобных обходов в прошлом. Вездесущий, неутомимый здоровяк Хартли оказался незаменимым. Он работал в этот вечер, как троянец: открывал и закрывал десятки водонепроницаемых дверей, поднимал и опускал бесчисленное множество тяжелых крышек люков и горловин, отворачивал и заворачивал тысячи задраек, удерживавших эти двери, люки и горловины. Поняв с первых же минут, что командиру очень тяжело, он, несмотря на его протесты, всегда успевал подставить свою сильную руку и поддержать Вэллери, когда тот поднимался или спускался по крутому трапу.

Они спустились по длинному вертикальному скоб-трапу в снарядный погреб четвертой башни — мрачную темницу, тускло освещаемую лишь несколькими миниатюрными лампочками боевой электросети. Здесь находились корабельные коки, мясники, хлебопеки — люди весьма мирных специальностей. Почти все они призваны на службу во время войны. Эти люди выполняли трудную, грязную и неблагодарную работу, несправедливо непочитаемую — несправедливо потому, что все они находятся под постоянной угрозой взлететь на воздух. Каземат из четырехдюймовой брони защитит их от восьмидюймового бронебойного снаряда или от торпеды не больше, чем лист газетной бумаги...

Из-за низкой температуры и конденсации влаги стены погреба, снаряды и зарядные гильзы отпотевали, и с них непрерывно стекали тонкие струйки ледяной воды. Матросы, посиневшие, съежившиеся, дрожащие от холода, или стояли, прислонившись к снарядным стеллажам, или лежали на них. Другие, ссутулившись, вобрав голову в

плечи, засунув руки в карманы, спотыкаясь от усталости, но не останавливаясь ни на секунду, ходили по бесконечному пути вокруг элеватора. Каждый их шаг — звонкий шлепок сапога по лужам воды на палубе, каждый выдох — клуб пара в холодном воздухе.

«Ходячие тени, — подумал Николас. — Почему они не прилягут?»

Заметив, что в погребе появился командир корабля, ходившие вокруг элеватора застыли на месте, а лежавшие нехотя, с трудом поднялись на ноги. Усталые лица и покрасневшие от недосыпания глаза не выражали ни удивления, ни любопытства.

— Вольно, вольно, — торопливо сказал Вэллери. — Кто здесь старший?

— Я, сэр, — ответил коренастый матрос и, медленно выйдя вперед, вытянулся перед командиром по стойке «смирно».

— А-а, хорошо. Кажется, Гарднер? — Махнув рукой в сторону матросов, стоявших вокруг элеватора, Вэллери добавил: — К чему эта бесконечная ходьба, Гарднер?

— Лед, — односложно ответил он и тут же пояснил: — Воду приходится все время шевелить, сэр, иначе она моментально замерзает. А лед на палубе в погребке — это никуда не годится...

— О, да, да, конечно, не годится... А почему же вы не используете помпы... осушительную систему?

— Замерзает, сэр!

— Но... неужели все время приходится вот так ходить?

— В такую погоду все время, сэр.

— Ну и ну. — Вэллери покачал головой.

Шлепая по лужам, он подошел к группе матросов, столпившихся у элеватора. Один из них, с хрупкой мальчишеской фигурой, приглушенно кашлял, прикрыв рот концом огромного бело-зеленого шарфа. Мягко коснувшись рукой вздрагивающих плеч матроса, Вэллери спросил:

— Тебе нездоровится, сынок?

— О нет, сэр. Все в порядке, — поспешил ответить он и, подняв от шарфа тонкое, бледное, искаженное болью лицо, добавил с ноткой обиды: — Что вы, я совсем здоров.

— Как твоя фамилия?

— Макуотер, сэр.

— А должность?

— Младший кок, сэр.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, сэр.

«Боже милосердный, — с горечью подумал Вэллери, — я команду не крейсером, а каким-то детским садом».

— Из Глазго, наверное? — спросил он с улыбкой.

— Да, сэр, — радостно ответил матрос.

— Молодец!..

Вэллери перевел взгляд с лица Макуотера на его ноги и ботинки, наполовину скрытые водой.

— А почему на тебе не резиновые сапоги?

— Нам их не выдали, сэр.

— А как же ноги? Ведь ты же, наверное, промок насквозь?

— Не знаю, сэр... Наверное... Они все равно у меня ничего не чувствуют, ноги-то, — с удивительным безразличием ответил Макуотер.

— Скажи мне честно, сынок, здорово ты устал?

— Да, сэр.

— Я тоже, — признался Вэллери. — Но скажи, можешь потерпеть еще немного?

Вэллери почувствовал, как хрупкие плечи под его рукой приподнялись и распрямились:

— Конечно, могу, сэр. Раз нужно, значит, можно, — обиженным, почти сердитым тоном ответил Макуотер.

Вэллери обвел внимательным взглядом лица матросов. Глаза его радостно засверкали, когда он услышал приглушенный хор одобрительных возгласов. Он хотел сказать что-то, но помешал сильный приступ кашля, такой, что ему пришлось нагнуться. Когда он снова поднял голову, на лицах матросов появилось неподдельное чувство сострадания и тревоги. Вэллери резко повернулся и, шлепая по лужам, торопливо зашагал к менее освещенному углу погреба, к тому месту, где кончался скоб-трап, по которому они только что спустились.

— Мы не забудем вас, друзья, — бормотал он на ходу. — Обещаю вам, не забудем.

Десятью минутами позднее они вышли из четвертой башни. На безоблачном ночном небе мерцали яркие звезды. Мороз пробирал до костей. Вэллери непроизвольно задрожал сразу же, как только за ними закрылась дверь в башню.

— Хартли?

— Есть, сэр.

— В башне пахнет ромом.

— Да, сэр. Я тоже почувствовал, — весело и невозмутимо ответил Хартли, — пахнет ромом. Но вы не беспокойтесь, сэр. Половина людей на корабле собирает свои порции рома и приберегает их для часов боевой вахты.

— Абсолютно запрещено уставом, старшина, и вы знаете это не хуже меня.

— Знаю, сэр. Но это никому не вредит. Ром согревает их, а если он еще и прибавляет храбрости, то тем лучше. Помните, как тогда носовая многостволка сбила двух «юнкерсов»?

— Конечно помню.

— Ребята были здорово выпивши. А иначе, черта с два сбили бы... А теперь, сэр, бывает так, что им совершенно необходимо выпить...

— Может быть, вы и правы, старшина. Я особенно-то и не осуждаю их. И не думайте, что мне стало известно это только теперь, — добавил он, весело засмеявшись. — Я знаю об этом давно. Однако в этой башне пахнет, как в заправском баре...

Они побывали в третьей башне, потом в снаряжном погребе под ней. Куда бы ни заходил Вэллери, люди, после того как он задавал им несколько вопросов или говорил несколько ободряющих слов, чувствовали себя лучше, их настроение заметно поднималось. Личное общение с этим человеком оказывало на людей какое-то необъяснимое воздействие. Медленно, но неотвратимо уныние, апатия и безнадёжность уступали место бодрости и решимости, пусть даже отчаянной решимости. Эта непостижимая метаморфоза поражала Николаса все больше и больше. Он был абсолютно уверен, что и физически и морально люди давно уже переступили красную черту...

— Николас, что с вами? — раздался встревоженный голос Вэллери.

— О, есть, есть, сэр, — отозвался Николас, энергично тряхнув головой, как бы отмахиваясь от нахлынувших мыслей. — Просто витаю в облаках. Теперь куда, сэр?

Они побывали в котельных и машинных отделениях, в главном посту живучести, на постах аварийных партий, в коммутаторном отделении, в отделении низковольтных агрегатов и во многих других помещениях и постах, не пропуская даже самых отдаленных и самых труднодоступ-

ных уголков, если Вэллери был уверен, что по боевой тревоге в них находится хотя бы один человек.

Во время спуска в машинные и котельные отделения они подвергались неприятному воздействию большого перепада давления и температуры: звенело в ушах, ломило барабанные перепонки, а раскаленный воздух ударял в лицо с такой силой, что захватывало дыхание. Во время пребывания в первом котельном отделении Николас настаивал на том, чтобы Вэллери отдохнул хотя бы несколько минут. Его посеревшее лицо и учащенное дыхание говорили о том, что он очень болен и невыносимо устал.

Через некоторое время Николас заметил, что Хартли шептался с кем-то в дальнем углу котельной. Потом увидел смуглого кочегара-крепыща с синяками на щеках и еще не опавшей опухолью под глазом, который твердой походкой подошел к Вэллери сзади и поставил перед ним стул-раскладушку.

— Присядьте, сэр, — громовым голосом предложил он.

— Спасибо, спасибо, — смущенно пробормотал Вэллери и опустился на стул. Подняв глаза, он застыл от удивления: — Райли? — И перевел взгляд на главного старшину котельных машинистов Хендри: — Что, он все-таки выполняет свои обязанности, а?

— Его никто не заставляет, он сам, — ответил Хендри, смутившись.

— Большое спасибо, Райли, — искренне поблагодарил Вэллери.

Он еще раз с любопытством посмотрел на Райли, потом снова перевел взгляд на Хендри и вопросительно поднял брови.

Хендри покачал головой.

— Просто не знаю, что вам сказать, сэр. Он человек со странностями, всегда выкинет какой-нибудь номер. Он может не моргнув глазом свернуть кому-нибудь шею и в то же время нежно ухаживает за котятками и хромыми собаками. Если у кого-то окажется птичка с подбитым крылом, Райли как раз тот человек, который возьмет на себя заботу о ней. Но он очень плохого мнения о своих братьях, сэр.

Не говоря ни слова, Вэллери вяло кивнул головой, откинулся на спинку стула и устало закрыл глаза. Николас наклонился к нему и тихо, но настойчиво предложил:

— Сэр, почему бы не прекратить этот обход? Вы же

убиваете себя. Неужели нельзя закончить его позднее?

— Боюсь, что нельзя, мой мальчик, — ответил Вэллери. — Это трудно понять, но «позднее» может оказаться слишком поздно. — Повернувшись к Хендри, он спросил его: — Итак, старшина, вы полагаете, что все будет в порядке?

— О нас не беспокойтесь, сэр, — ответил Хендри. Его голос был одновременно и сердитым и нежным. — Вы бы лучше позаботились о себе, сэр, а кочегары вас не подведут.

Вэллери с трудом поднялся с низкого стула и нарочито бодро обратился к Хендри:

— Знаете, старшина, никогда не думал, что вы... Хартли, вы готовы? — резко прервал он начатую фразу, когда увидел здорового, закутанного в шарф и капюшон парня, стоявшего у нижней ступеньки трапа.

— Кто это? — спросил Вэллери, вглядываясь в темное и угрюмое лицо. — А-а, узнал, узнал. Вот уж никогда не поверил бы, что кочегарам так холодно, — добавил он, улыбаясь.

— Да, сэр, это Петерсен, — заметил виноватым тоном Хартли. — Он пойдет с нами.

— Кто это сказал! И... почему вдруг Петерсен? Разве не он?..

— Да, сэр, он. Так же, как и Райли... В этом деле лейтенанта, в Скапа... Приказание майора Брукса. Петерсен поможет нам...

— Нам? Мне — вы хотите сказать. — В голосе Вэллери не было ни возмущения, ни горечи. — А мы ничем не рискуем, беря его с собой? — полушутя добавил Вэллери.

— Он, скорее, убьет того, кто косо посмотрит на вас, сэр, — сухо заявил Хартли. — Он хороший человек, простой и хороший.

У трапа Петерсен с готовностью посторонился, чтобы пропустить их вперед, но Вэллери остановился. Подняв голову — Петерсен был выше дюймов на шесть, — Вэллери увидел печальные голубые глаза и свисавшую на них золотистую шевелюру.

— Здравствуйте, Петерсен. Хартли говорит, что вы отправляетесь с нами. Это правда? Вы действительно имеете такое желание?

— Пожалуйста, сэр, — медленно, но четко начал Петерсен. — Лицо его выражало глубокую печаль. — Я очень сожалею о происшедшем...

— Да нет, нет, я совсем не об этом, — поспешил разъяснить Вэллери. — Вы неправильно меня поняли. Там, наверху, ужасно холодно. Но я буду очень рад, если вы пойдете. Вы согласны?

Несколько секунд угрюмое лицо Петерсена выражало только удивление, но вот на нем появилась широкая, радостная улыбка. Не успел Вэллери коснуться ногой первой ступеньки трапа, а его уже подхватила сильная рука кочегара. Позднее Вэллери говорил, что, поднимаясь по трапу, он чувствовал себя, как в лифте.

Отсюда, теперь уже вчетвером, они направились на командный пост командира электромеханической части капитана 3 ранга Додсона. Это был бодрый, жизнерадостный и очень эрудированный человек, инженер до мозга костей, целиком посвятивший себя гигантским корабельным агрегатам и механизмам. Потом снова в корму, в машинное отделение, оттуда по крутому трапу между разбитой лавочкой и помещением корабельной полиции опять на верхнюю палубу; после невыносимой жары в котельных отделениях — снова на лютый мороз на наружных постах.

А вот и торпедный аппарат правого борта — единственный приведенный в боевую готовность. Обслуживающий его боевой расчет собрался под укрытием того, что осталось от боцманской кладовки, разбитой снарядами с «Блю Рейнджера». Матросов легко было обнаружить в темноте по непрерывному топанию замерзших ног и по лязганью зубов.

Вэллери напряженно вглядывался в темноту.

— Старший торпедный электрик здесь?

— Есть, сэр. — Голос удивленный и даже сомневающийся.

— Как у вас дела, старшина?

— Хорошо, сэр. Только вот Смит, кажется, совсем отморозил ногу.

— Сейчас же пошлите его вниз. Разбейте свою команду на две смены для поочередной вахты по десять минут: одна — здесь у телефона, другая — греется внизу, в машинном отделении. Поняли? Исполняйте! — быстро проговорил Вэллери и поспешил отойти прочь, видимо, для того, чтобы не слышать благодарных голосов матросов.

Пройдя через минно-торпедную кладовую, в которой хранились запасные торпеды и баллоны со сжатым воздухом, они поднялись по трапу на шлюпочную палубу. Здесь Вэллери остановился, чтобы справиться с сильным приступом кашля. Держась одной рукой за лебедку, другой он поднес ко рту окровавленный и уже почти затвердевший на морозе конец шарфа.

На траверзах по обоим бортам «Улисса» маячили едва заметные в темноте тени огромных судов. Их мачты медленно раскачивались на фоне звездного неба — верный признак того, что на море начиналось волнение. Откашлявшись, Вэллери закутался шарфом поплотнее и, опираясь на руку Петерсена, двинулся дальше в сторону носа. Оставляя свежие следы на мягком снежном покрове палубы, они медленно приблизились к артиллерийской установке «эрликон». На сиденье стрелка-наводчика виднелась скрытая под капюшоном, склонившаяся вперед фигура матроса артиллерийской части. Мягко, почти нежно, Вэллери коснулся рукой его плеча:

— Как дела, зенитчик?

Молчание. Казалось, что человек слегка шевельнулся, наклонился вперед еще больше и снова застыл в безмолвии.

— Я спрашиваю: как дела? — повысив голос, повторил Вэллери и, не дожидаясь ответа, повернулся к Хартли: — Он же спит, старшина! Сон на боевом посту? Я знаю, что все устали и очень хотят спать, но ведь от него зависят люди внизу. Этого нельзя простить, запишите его фамилию!

«Запишите его фамилию, — с горечью повторил про себя Николас, склонившийся над артиллеристом. — Ему не следовало бы говорить этих слов, но что поделаешь... Записать фамилию! Зачем? Чтобы сообщить родственникам? Ведь этот человек — покойник...»

Опять пошел снег. Снова закружились подгоняемые ветром, невидимые в темноте, но ошутимо липнущие к щекам холодные мокрые снежинки. Над головой послышалось разноголосое завывание гуляющего по снастям ветра.

— Сердце не бьется, — доложил Хартли, отнимая руку от груди скрюченной фигуры матроса. — К сиденьям «эрликонов» привернуты электрогрелки, сэр, — объяснил он командиру. — Зенитчики прижимаются к ним и так сидят всю вахту, по четыре часа... А здесь, наверное, пере-

горел предохранитель. Тысячу раз говорил им, сэр, чтобы проверили...

— О боже! Боже! — сокрушенно покачал головой Вэллери. — Какая никчемная, бесполезная смерть! Прикажите перенести его в лавочку, Хартли.

— Нет, лучше не надо, сэр, — возразил Николас, поднимаясь от скрюченной фигуры артиллериста. — Лучше подождать... Возможно, здесь трупное окоченение, надо подождать...

Вэллери в знак согласия закивал головой и тяжелой походкой пошел дальше. Холодную вечернюю тишину неожиданно потряс хриплый металлический голос из расположенного около лебедки динамика радиотрансляционной сети:

«На боевых постах! На боевых постах! Где командир? Передайте командиру корабля: срочно связаться с мостиком!»

После трехкратного повторения просьбы динамик выключили. Повернувшись к Хартли, Вэллери спросил:

— Где ближайший телефон, старшина?

— Вот здесь, сэр, — Хартли подбежал к «эрликону» и снял головной телефон и микрофон с мертвого артиллериста. — Если есть кто-нибудь на зенитном командном посту, то можно связаться отсюда.

— Но ведь зенитный пост разбит... — пробормотал Вэллери.

— Зенитный пост? — крикнул в микрофон Хартли. — Соедините меня с мостиком. Здесь командир корабля, соедините его с мостиком. — Он передал наушники и микрофон Вэллери. — Вот, пожалуйста, сэр.

— Спасибо, старшина. Мостик? Да, да, командир... Да, да... Хорошо. Пошлите «Сиррус»... Нет, старпом, больше ничего не придумай... Просто удерживайте место в строю, и все. — Он снял наушники и вернул их Хартли.

— У «Викинга» контакт с лодкой, — сообщил он, — на левом траверзе. — Он повернулся, всмотрелся в непроницаемую темноту с левого борта и, оценив бесполезность каких-либо действий, пожал плечами: — Я послал «Сиррус»... Пошли дальше.

Обход шлюпочной палубы завершился осмотром многоствольного зенитного автомата в средней части корабля, позади первой трубы. Как и на других наружных постах, здесь было очень холодно. Расчет этой установки коман-

довал бородатый Дойл. Под аккомпанемент его сдержанных, хотя и гневных ругательств по поводу отвратительной погоды они спустились по трапу на главную палубу.

К этому времени Вэллери настолько ослаб, что совсем уже не противился помощи и поддержке, оказываемой ему Петерсеном. Его глубоко тронула и искренность, с которой этот рослый норвежец ухаживал за ним, как за маленьким ребенком, и дальновидность Брукса, назначившего этих людей сопровождать его в трудном обходе корабля. Вэллери не мог удержаться от благодарной улыбки, наблюдая, как этот сообразительный парень деликатно отводил свои сильные руки в сторону, когда они приближались к матросам или когда проходили поблизости от них.

Ожидая, пока Петерсен и Хартли отвернут прижимные барашки на крышке люка, ведущего в кубрик кочегаров, Вэллери и Николас услышали глухой раскат взрывов четырех глубинных бомб. После первого взрыва Вэллери замер в ожидании и напряженно прислушался. Однако за взрывами ничего не последовало. Пожав плечами, Вэллери перешагнул через комингс и начал спускаться вниз.

На палубе, в центре кубрика, был еще один люк с более массивной крышкой, ее тоже открыли. Через люк по трапу все спустились в пост управления рулем, который, как и на всех современных кораблях, находился не на мостике, а в нижнем помещении корабля, под защитой броневых плит. Здесь Вэллери поговорил несколько минут со старшиной рулевой группы, а Петерсен тем временем открывал расположенный в этом помещении люк, ведущий в самые нижние помещения «Улисса» — в центральный пост управления огнем и второе отделение низковольтных агрегатов. Стальная крышка этого люка весила около двухсот килограммов, поэтому для облегчения подъема к ней через шкив был прикреплен специальный груз-противовес.

На постороннего человека агрегатное отделение производит ошеломляющее впечатление. Буквально каждый дюйм переборки занят многочисленными рубильниками, переключателями, реостатами, измерительными приборами, длинными рядами предохранителей и многими другими замысловатыми устройствами. Со всех сторон вас как бы охватывает раздражающее своим невообразимым диссонансом завывание нескольких десятков генераторов тока

низкого напряжения. На Николаса этот душераздирающий вой подействовал удручающе.

«Нисколько не удивлюсь, — подумал он, соскакивая с последней ступеньки трапа, — если нервы находящихся здесь людей не выдержат этой убийственной какофонии и они лишатся рассудка».

В агрегатной находились только два человека: старшина-электрик и его помощник. Склонившись над сложными механизмами гирокомпаса «Сперри», они пытались произвести необходимую регулировку, чтобы обеспечить исправную работу прибора в высоких широтах. Сказав, вернее, прокричав им всего несколько слов, потому что нормальный разговор в этом бедламе звуков невозможен, Вэллери направился к двери, ведущей в центральный пост управления огнем.

Он уже нажал было на массивную рукоятку двери, но в этот момент раздался взрыв еще одной серии бомб, теперь уже совсем близко, на расстоянии каких-нибудь двух-трех кабельтовых от «Улисса». Вэллери понял, что это взрыв глубинных бомб, потому что знал о преследовании «Сиррусом» подводной лодки противника. Другие же обитатели нижних, защищенных броней помещений «Улисса» всякий такой взрыв вблизи корабля воспринимали, как сильнейший удар огромного стального молота по стальному борту, при этом каждый раз казалось, что борт не выдержал и разошелся по швам.

За первыми взрывами глубинных бомб последовало еще два мощных взрыва, и «Улисс» еще содрогался от последнего из них, когда Вэллери открыл дверь и вошел в центральный пост. Петерсен переступил высокий комингс последним и закрыл за собой дверь, разноголосый вой моторов сразу же оборвался, и от этого тишина в центральном посту показалась еще более странной.

Центральный пост управления огнем — это мозг и сердце корабля. Здесь, как и в соседнем агрегатном отделении, переборки пестрели плотными рядами щитков с предохранителями и измерительными приборами. На палубе, занимая почти половину помещения, стояли две огромные, похожие на столы, электронные счетные машины. Они служили важнейшими связующими звеньями между командно-дальномерными постами и артиллерийскими башнями. Обычно во время боевой тревоги расписанные здесь люди решали сложнейшие задачи управления огнем,

но теперь, после того как в утреннем бою командно-дальномерные посты были почти полностью выведены из строя, эти люди и обслуживаемая ими техника оказались совершенно бесполезными. В помещении стояла непривычная тишина. Сейчас людей здесь было намного меньше, чем положено: всего восемь рядовых и старшин и один офицер.

Обычно в центральном посту не курили: курение здесь не разрешалось. Об этом красноречиво говорили и висевшие на переборках таблички с надписью: «Не курить». Но сейчас находящиеся здесь люди были едва видны сквозь плотное облако табачного дыма, висевшее под низким подволоком и непрерывно пополнявшееся из струек, тянувшихся от кончиков горящих сигарет. Напряженная тишина и неестественная неподвижность людей были настолько необычными, что дымящиеся сигареты действовали на Николаса как-то даже успокаивающе: это был единственный признак того, что люди здесь живые.

Николас с профессиональным любопытством посмотрел на одного из сидевших у стола матросов. Это был худощавый, темноволосый юноша. Он сидел, опираясь локтем на стол и положив голову на руку так, что зажатая между пальцев дымящаяся сигарета находилась рядом с полукруглым ртом. Голубая струйка дыма, извиваясь, медленно поднималась вверх, скользя по окаменевшему лицу и широко открытым, но ничего не видящим и не выражающим глазам. Матрос сидел неподвижно, не чувствуя ни разъедающего глаза дыма, ни того, что сигарета почти вся уже истлела, а длинный стерженек серого пепла упал на стол.

«Долго ли просидел он вот так, не шевелясь и не двигая ни одним мускулом, и почему?» — подумал про себя Николас.

Ожидание, конечно. Да, несомненно, это было непрерывное, напряженное ожидание. Ожидание чего? Николас впервые подумал о том, что все это: и могильная тишина, и неподвижность, и устремленные в пространство, ничего не выражающие и ничего не видящие взгляды — результат напряженного ожидания момента, когда удар торпеды повергнет все в небытие. Впервые Николас понял, почему эти люди, не унывавшие в другом положении или в другом месте, никогда не шутили и не улыбались в центральном посту управления огнем. Если вы находитесь в западне, из которой нет выхода и где вас ожидает верная смерть,

вам не до шуток. Центральный пост находился на двадцать футов ниже ватерлинии. Впереди него расположен снарядный погреб второй носовой башни; позади — первое котельное отделение; по обоим бортам — топливные цистерны; внизу — незащищенное днище, самое уязвимое место корабля для поражения акустическими минами или торпедами. Центральный пост был опоясан, окружен со всех сторон несущими смерть элементами, для взрыва которых нужна была всего только одна небольшая искорка... Даже если люди останутся живы — у них для этого один шанс из тысячи — и захотят воспользоваться верхними люками, это может не принести спасения: тяжелые крышки люков легко заклиниваются от взрыва или сотрясения. Кроме того, в случае получения кораблем повреждений и затопления нижних помещений крышки люков должны оставаться задраенными, и люди в центральном посту знали это.

— Добрый вечер! Как у вас дела? — Голос Вэллери, необычно тихий и спокойный, прозвучал здесь неестественно громко.

Все, как по команде, сразу же повернули бледные, напряженные лица в сторону двери: в широко открытых глазах отражалось удивление и даже испуг. Николас понял, что из-за раскатов взрывов глубинных бомб никто не слышал никаких других звуков, и их вторжение оказалось совершенно неожиданным.

— Не волнуйтесь по поводу этих взрывов, — продолжал Вэллери успокаивающим тоном. — Это «Сиррус» охотится за немецкой подводной лодкой. Благодарите судьбу за то, что вы здесь, а не в отсеках этой лодки.

Никто не проронил ни слова. Николас заметил, что матросы и старшины в замешательстве быстро переводили взгляд с лица Вэллери на дымящиеся сигареты и обратно; они были явно смущены и растеряны: командир корабля застал их на месте преступления.

— Поступают ли какие-нибудь донесения из носового командно-дальномерного поста, Брайэрли? — спросил Вэллери находившегося здесь офицера.

— Нет, сэр. Ничего не поступает. Наверху все спокойно.

— Прекрасно! — весело заметил* Вэллери. — Отсутствие новостей — это все равно что хорошие новости. — Он достал из кармана портсигар и предложил Брайэрли: —

Курите? А вы, Николас? — Взяв сигарету, он сунул портсигар обратно в карман и потянулся рукой к коробку спичек, лежавшему на столе перед одним из матросов. Если Вэллери и заметил крайнее удивление на лице матроса, едва заметную улыбку на его губах и медленное оседание усталых плеч в глубоком вздохе облегчения, то никак не показал этого.

Гулкий раскат взрывов новой серии глубинных бомб и лязг сильнейших металлических ударов по борту корабля заглушили и дребезжание неплотно прикрытой двери и громкий конвульсивный кашель Вэллери, вызванный первой затяжкой табачного дыма. Его кашля никто не слышал, но зато все заметили, как поднесенное ко рту влажное полотенце покрылось свежими пятнами крови. Как только замер гул последнего взрыва, Вэллери с тревогой вскинул глаза кверху и, не выдавая своих действительных переживаний, полушутливо обратился к Брайэрли:

— Боже, боже! Неужели здесь всегда так ужасно гремит?

— Да, более или менее так, сэр. Но чаще, пожалуй, более, — слабо улыбаясь, ответил Брайэрли.

Медленно обведя всех внимательным взглядом, Вэллери кивнул в сторону носовой переборки:

— А там — погреб второй башни, да?

— Так точно, сэр.

— А вокруг эти чертовски большие топливные цистерны, не правда ли?

В ответ Брайэрли только кивнул головой. Все с неослабевающим интересом смотрели на командира.

— Так, так... — медленно продолжал Вэллери. — Откровенно говоря, моя работа нравится мне больше, и я не хотел бы оказаться на вашем месте. Николас, я думаю, мы посидим здесь несколько минут и покурим в этом укромном уголке. А кроме того, — на его лице появилась широкая улыбка, — подумайте, насколько мы будем усерднее благодарить бога, когда выберемся отсюда живыми!

Тихо разговаривая с Брайэрли и его подчиненными, Вэллери задержался в центральном посту еще на пять минут. Наконец он погасил окурок, пожелал всем удачи и направился к двери.

— Сэр! — услышал он, когда уже подходил к двери. Это говорил тот худощавый матрос, у которого Вэллери брал со стола спички.

— Да, в чем дело?

— Может быть, вы, сэр, возьмете это? — смущенно спросил матрос, протянув руку с чистым белым полотенцем. — Ваше, сэр, гм... Я хочу сказать, что ваше...

— Спасибо, — не дал ему договорить Вэллери и, не раздумывая, принял полотенце. — Большое спасибо.

Несмотря на заботливую помощь Петерсена, утомительный подъем по нескольким трапам на верхнюю палубу доконал Вэллери окончательно: он еле передвигал ноги.

— Сэр! Это самое настоящее безумие, — выпалил отчаявшийся Николас. — Простите, я хотел сказать другое, но... Нет, дальше так продолжаться не может. Сейчас же пойдете к Бруксу. Прошу вас, сэр. Ради бога!

— Да, да. Хорошо, — прошептал, соглашаясь, Вэллери. — Во всяком случае, Брукс — это наш следующий порт назначения.

До двери в лазарет оставалось сделать всего несколько шагов. Вэллери настоял на том, что он поговорит с Бруксом наедине. Когда через некоторое время Вэллери вышел на палубу, он выглядел намного лучше, шаги его стали более легкими. И он, и шедший за ним Брукс широко улыбались. Подойдя к Бруксу, Николас тихо попросил:

— Дайте ему чего-нибудь, сэр. Он, ей-богу, убивает себя!

— Я уже дал ему немного, — ответил Брукс, улыбаясь. — Я понимаю, что он убивает себя. И он это понимает. Но и он, и я знаем, почему это происходит, и он знает, что мне известно, почему так происходит. Так или иначе, но ему сейчас лучше, не беспокойся, Джонни.

Николас стоял на верхней площадке трапа и ждал, пока командир и другие поднимутся вверх. Когда Вэллери переступил последнюю ступеньку, Николас отошел было в сторону, но командир взял его под руку и, пройдя немного вперед мимо торпедной кладовой, кивнул в сторону стоявшего неподалеку Карслейка. По боевой тревоге он возглавлял аварийную партию. Его лицо, все еще перевязанное бинтами, выражало дикую злобу, а пристальный взгляд помутневших глаз был совершенно неузнаваем. Вэллери покачал головой, вяло улыбнулся и, обращаясь к Николасу, спросил:

— Что, у Карслейка секретное совещание, а? Ничего, ничего, Николас, не беспокойтесь. Если кто-нибудь и должен беспокоиться, так это я.

— В самом деле, сэр? Но почему?

Вэллери снова покачал головой:

— О, причин много: ром в артиллерийских башнях, сигареты в центральном посту и вот теперь прекрасное старое виски в бутылке с надписью: «Лизол». Я, грешным делом, подумал, что доктор Брукс собирается отравить меня... Славная смерть была бы, а? Чудесное виски, Николас. Тысячу извинений за то, что Брукс потревожил ваши личные запасы.

Николас густо покраснел; заикаясь, начал просить извинения, но Вэллери резко остановил его:

— Забудем это, мальчик, забудем. Страшного ничего не произошло. Интересно только, что мы обнаружим еще: опиумный притон на шпилевой палубе или, может быть, танцующих красавиц во второй башне?

Но ни в этих, ни в других местах они не нашли ничего, кроме холода, страданий и истощения от недоедания. Тем не менее везде, где побывал Вэллери, люди становились бодрее и даже как-то согревались. Зато сам Вэллери да и все сопровождавшие его устали до предела. Николас чувствовал, что ноги его стали как резиновые и сами собой подкашивались. Он непрерывно дрожал и от холода, и от усталости. Как Вэллери находил в себе силы продолжать этот убийственный обход — для Николаса было неразрешимой загадкой. Даже здоровяк Петерсен начал сдавать, не столько от того, что помогал командиру, сколько от бесконечного откручивания и закручивания замерзших задраек и болтов на дверях и люках.

Поднявшись из снарядного погреба первой носовой башни, Николас прислонился к переборке и, тяжело дыша, умоляющими глазами смотрел на командира. Вэллери заметил этот взгляд, понял его и, улыбаясь, закивал головой.

— Сейчас закончим, мальчик. Осталась только шпилевая палуба. Там, наверное, никого нет, но надо все-таки взглянуть.

Они медленно обошли вокруг шпилевой машины и двигателей, направились дальше в нос, через аккумуляторное отделение, шкиперскую, мастерскую электриков, мимо карцера и подошли наконец к закрытой на замок малярной

кладовой — самому переднему помещению в носовой части корабля.

Вэллери вытянул руку, символически коснулся ею двери малярки, устало улыбнулся и, повернувшись кругом, начал обратный путь. Проходя мимо карцера, Вэллери скорее механически, чем с каким-либо намерением, заглянул внутрь через слегка приоткрытый смотровой иллюминатор. По инерции он уже сделал следующий шаг, но вдруг остановился как вкопанный, повернулся назад и открыл смотровой иллюминатор настежь.

— Что это такое? — изумленно воскликнул он. — Ралстон! Какого черта вы здесь?

Ралстон улыбнулся. Даже через толстое стекло иллюминатора чувствовалось, что это была вовсе не радостная улыбка: взгляд его голубых глаз говорил совсем о другом. Ралстон указал рукой на закрытую решетку и дал понять, что ничего не слышит.

Вэллери нетерпеливо повернул ручку и открыл решетку:

— Что вы здесь делаете, Ралстон? — снова спросил Вэллери, сердито нахмутив брови. — По боевой тревоге — в карцере! Отвечайте, Ралстон, в чем дело?

Николас впервые видел командира таким гневным и невольно подумал, что не хотел бы оказаться на месте виновного.

— Просто меня заперли здесь, и все, сэр, — спокойно ответил Ралстон. Однако выражение его лица и тон как бы говорили: — «Что за глупый вопрос?»

Вэллери даже слегка покраснел.

— Когда?

— Сегодня утром, в десять тридцать, сэр.

— И кто же это сделал, скажите мне, Ралстон?

— Старшина корабельной полиции, сэр.

— По чьему приказанию? — гневно спросил Вэллери.

Не говоря ни слова, Ралстон долго, с нескрываемой усмешкой смотрел прямо в лицо Вэллери. Наконец он ответил:

— По вашему приказанию, сэр.

— По моему? — недоверчиво воскликнул Вэллери. — Я никогда не приказывал старшине запирать вас.

— Но вы никогда и не запрещали ему этого, сэр, — констатировал Ралстон.

— Где ваше место по боевой тревоге? — резко спросил Вэллери.

— Торпедный аппарат левого борта, сэр.

«Вот почему на левом торпедном аппарате не было людей», — подумал Вэллери.

— Но почему... Почему вас оставили здесь по боевой тревоге? Разве вы не знаете, что это противоречит всем уставам и наставлениям?

На лице Ралстона снова появилась неприветливая улыбка:

— Я-то знаю, сэр, но вот знает ли об этом старшина? — Помолчав секунду, он снова улыбнулся и добавил: — Или, может быть, он просто забыл?..

— Хартли! — голос Вэллери был снова спокойным и ровным. — Немедленно позовите сюда старшину полиции и скажите, чтобы взял с собой ключ от карцера!

Вэллери опять глухо закашлял. На белом полотенце заалело свежее пятно крови. Откашлявшись, он повернулся к Ралстону:

— Искренне сожалею, мальчик, что так случилось.

— А как танкер? — неожиданно поинтересовался Ралстон.

— Что? Что вы сказали, Ралстон? — удивленно переспросил Вэллери. — Какой танкер?

— Тот, который повредили утром, сэр.

— А-а... Он все еще идет с нами, — не переставая удивляться, отвечал Вэллери. — Идет с нами, но его осадка здорово увеличилась. А почему вас интересует этот танкер, Ралстон?

— Да так, сэр, — ответил Ралстон и теперь уже просто, искренне улыбнулся. — Видите ли...

Слова Ралстона заглушил раскат сильнейшего взрыва и лязгающий скрежет металла... «Улисс» резко накренился на левый борт. Потеряв равновесие, Вэллери пошатнулся и непременно упал, если бы его не поддержала сильная рука Петерсена. Лицо Вэллери стало озабоченным и встревоженным: он слишком хорошо понимал, что на этот раз взорвалась не глубинная бомба, а торпеда. Николас тоже все понял. Он с ужасом думал о том, что на плечи этого умирающего человека обрушилась еще одна тяжелая глыба...

Наступившую после взрыва тишину прорвал встревоженный, неестественно громкий голос из динамика радио-

трансляционной сети: «Внимание на всех постах! Внимание на всех постах! Командира срочно на мостик! Командира срочно на мостик! Командира срочно на мостик!»

Глава одиннадцатая ПЯТНИЦА. ВЕЧЕР

Поднимаясь на полубак по трапу левого борта, Вэллери внезапно остановился. Ухватившись руками за поручень, он сильно наклонился вперед и, напряженно всматриваясь в темноту ночи, пытался увидеть суда конвоя. Несколько минут его глаза, привыкшие к яркому свету внутренних помещений, ничего не различали. Но вот наконец перед ним обозначился силуэт глубоко осевшего в воду торпедированного танкера. Из нависшего над танкером густого клуба черного дыма вверх, на высоту нескольких сот футов, вырывалось пламя. Танкер горел. Вэллери с тревогой вглядывался в окружающую темноту.

— Сэр, вы хотели подняться на мостик, — слегка коснувшись его руки, робко напомнил Петерсен.

— Да, да, Петерсен. Одну минутку...

Его ум напряженно работал, натренированные сорокалетней службой на море глаза ощупывали едва различимый горизонт.

«Странно, — подумал он, — танкер почти не виден, вероятно потому, что он закрыт клубом дыма, а вот другие суда конвоя, белые, как призраки, резко выделяются на фоне сине-фиолетового неба».

— Это танкер, сэр? — раздался голос Николаса. — Не лучше ли нам пройти под укрытие? Помните, что произошло с тем, другим танкером?

— С каким другим? — рассеянно отозвался Вэллери.

— С «Кочеллой». Несколько дней назад. О нет, нет. Извините, сэр, это же было сегодня утром!

— Когда танкеры взрываются, то они взрываются, Николас. — Казалось, что Вэллери думал в этот момент о чем-то очень далеком. — А если они просто горят, то могут продержаться очень долго. Танкеры очень живучи, мой мальчик, очень... Они держатся на плаву намного дольше других судов.

— Но у него ведь огромная пробоина в борту, сэр, величиной с дом, — возразил Николас.

— Это не имеет никакого значения, — ответил Вэллери. Он продолжал что-то внимательно рассматривать и, казалось, чего-то ждал. — Эти суда имеют огромный запас плавучести. На танкере может быть двадцать семь герметических цистерн, не говоря уже о коффердамах, насосных станциях, машинных отделениях... Вы, наверное, никогда не слышали, Николас, как Нельсон сумел удержать поврежденный танкер на плаву, нагнетая в его цистерны сжатый воздух? А о капитане первого ранга Мэйсоне и «Огайо» слышали что-нибудь? А о... — Вэллери внезапно остановился на полуслове и после короткой паузы продолжал уже совсем иным тоном: — Так я и думал! Я так и знал! «Витура» все еще на ходу и не потеряла управления! Боже, она, наверное, все еще идет пятнадцатизуловой скоростью! Быстро на мостик!

Вэллери почувствовал, как Петерсен обхватил его своими сильными руками и, поднявшись на мостик, поставил, как ребенка, перед изумленным старшим помощником.

— Все в порядке, старпом, — улыбнулся Вэллери. — Брукс решил, что необходимо приставить ко мне Пятницу. Это кочего Петерсен. Он обращается со мной чуть ли не как с ребенком. Тем не менее без него мне было бы очень трудно... Но довольно обо мне. — Он кивнул в сторону танкера, который пылал теперь еще ярче. — Что делать с ним, старпом?

— Да, этот факел — прекрасный маяк для любого немецкого корабля или самолета, которые ищут нас, — проворчал Тэрнер. — В Тронхейме, наверное, уже читают донесение с нашими координатами...

— Вот именно, — согласился Вэллери. — Кроме того, он прекрасно освещает новые цели для лодки, атаковавшей «Витуру». Да, этот горящий спутник слишком опасен для нас... Неплохая работа, старпом, а? Надо отдать должное фрицам, ведь атаковали почти в полной темноте!

— Возможно, кто-нибудь забыл затемнить иллюминатор, сэр. Плохо, что у нас не хватает кораблей для проверки затемнения. Но противник тоже попался, сэр. «Викинг» находится над лодкой и поддерживает акустический контакт с ней... Я послал его туда сразу после взрыва.

— Это хорошо, — одобрительно пробормотал Вэллери. Он еще раз посмотрел на горящий танкер, затем снова повернулся к Тэрнеру. — Придется потопить его, старпом.

— Да, придется, — глухо повторил Тэрнер.

- Это ведь «Витура»? Да?
- Да, это «Витура», сэр. Танкер, который был поврежден еще утром.
- Как фамилия капитана?
- Не имею представления, сэр, — признался Тэрнер. — Штурман, где список судов конвоя и экипажей?
- Не знаю, сэр, — неуверенно ответил Карпендер. — Кажется, он был у адмирала... Да, да, он был у него. Но теперь этот документ, наверное, уничтожен...
- Почему вы так думаете?
- Сегодня утром вестовой адмирала Спайсер чуть не задохнулся от дыма, — пояснил Карпендер. — Адмирал разжег в ванной целый костер, чтобы уничтожить в нем, как он сказал, «важные документы, которые не должны попасть в руки противнику». Это были большей частью старые газеты. Но я думаю, что и список судов попал туда же... Больше ему быть негде.
- Додумался же, старый! — Тэрнер вовремя спохватился — ведь речь шла об адмирале — и остановился на полуслове. С сожалением покачав головой, он обратился к Вэллери: — Разрешите запросить семафором у Флетчера на «Кейп Хаттерасе»?
- Не надо, — нетерпеливо ответил Вэллери. — У нас нет времени. Бентли! Капитану «Витуры»: «Немедленно покидайте корабль. Танкер необходимо потопить».
- Внезапно Вэллери всей тяжестью своего тела налег на руку Тэрнера.
- Извините, старпом, мои ноги, кажется, меня уже не держат... Они как ватные... — Он криво улыбнулся. — Это, пожалуй, уже конец... Если взбунтовались ноги, то притворяться дальше нет никакого смысла... О боже, неужели конец?!
- А чему тут удивляться! — заворчал Тэрнер. — Вы же сами довели себя до такого состояния! Сядьте на адмиральский стул, он свободен...
- Вэллери попытался было возражать, но, почувствовав, что не устоит на ногах, покорно согласился и разрешил усадить себя на табурет. Откинувшись на переборку, он глубоко и с облегчением вздохнул. Послышался скрип двери и приглушенный гул голосов. Затем к Вэллери подошел Тэрнер:
- Старшина корабельной полиции, сэр. Вы вызывали его?

— Да, вызывал, — мрачно, с раздражением сказал Вэллери. — Подойдите сюда, Хастингс!

Старшина встал перед ним по стойке «смирно».

— Слушайте внимательно, Хастингс. — Рокот бушующего на танкере пламени заставил Вэллери говорить громко, и все заметили, что это стоило ему немалых усилий. — У меня сейчас нет времени вести с вами длинный разговор. Мы поговорим утром. А теперь идите и немедленно освободите старшего матроса Ралстона. После этого передайте свои обязанности, документы и ключи старшине корабельной полиции Перрату. Теперь вы уже дважды превысили свои права. Это наглость, и ее можно было бы еще как-то простить. Но ведь вы, кроме того, держали в карцере человека во время боевой тревоги. Арестованный мог бы умереть, как мышь в ловушке. Вы, Хастингс, больше уже не являетесь главным старшиной корабельной полиции крейсера «Улисс». Все. Можете идти.

Несколько секунд Хастингс стоял неподвижно и не проронил ни единого слова. Но потом его словно толкнул кто-то.

— Передать свои обязанности? Вы предлагаете мне передать обязанности? Но, сэр, вы не имеете права! Вы не...

Почувствовав железную руку Тэрнера на своем плече, Хастингс замолчал так же внезапно, как и начал.

— Не смей возражать командиру! — зло прошипел у него над ухом Тэрнер. — Слышал, что тебе приказано? Вон с мостика!

Хастингс юркнул вниз, как побитая собака.

Наступившее напряжение разрядил Кэррингтон.

— С «Витуры» что-то семафорят красным фонарем! — доложил он громко.

Все снова устремили свои взоры на танкер, на то место на нем позади столба пламени, откуда сыпался бисер красных тире и точек. Но вот мерцание фонаря внезапно прекратилось.

— Что передали, Бентли? — с нетерпением спросил Вэллери.

Странно и как-то виновато кашлянув, Бентли прочитал:

— «Пошли вы ко всем чертям. Только попробуйте — тараню вас. Машины работают. Можем продолжать движение».

Вэллери закрыл глаза. Он, кажется, начал понимать, каково было старине Тиндэлу. Через несколько секунд, приняв решение, он крикнул:

— Семафор на «Витуру»! «Вы ставите под удар весь конвой. Немедленно покиньте корабль. Повторяю: немедленно». — Повернувшись к Тэрнеру, он добавил: — Препрокланяюсь перед ним! Боже, как нелепо угрожать такому капитану!

— Да, сэр, понимаю, как это тяжело... А что там делает «Викинг»? Пора бы получить от него донесение...

— Да, да, запросите его. Пусть сообщит, как дела. А где минер? Где Маршалл?

— Маршалл? — удивленно переспросил Тэрнер. — Он же в лазарете, сэр... Ранен... Разве вы не помните, ему выбило четыре ребра?

— О да, конечно, конечно! — Вэллери устало покачал головой, видимо сгущая на свою память. — А главный старшина-минер Нойз? Он убит вчера? А Виккерс?

— Он был в центральном артиллерийском посту, сэр, — ответил Тэрнер.

— В центральном артиллерийском... — медленно повторил Вэллери.

Он удивлялся, почему его сердце до сих пор не оставалось. Организм давно уже должен был бы сдать, а кровь свернуться... Все тело было как кусок льда... Никогда он не представлял себе, что может быть так холодно...

«Странно, — подумал он, — почему же я больше не дрожу?..»

— Я сделаю это сам, — прервал его размышления Тэрнер. — Переведу управление торпедной стрельбой на мостик и проведу атаку отсюда. Думаю, что я еще не забыл, как это делается. — Он слабо улыбнулся.

— Спасибо, старпом. Действуйте.

— Придется атаковать его правым бортом, сэр, — вспомнил Тэрнер. — Управление торпедной стрельбой левого борта выведено из строя... Пойду вниз, проверю расчеты... Боже мой! Смотрите! — внезапно с ужасом зашептал Тэрнер, показывая на дверь. — Адмирал, сэр! Он идет на мостик!

Не веря ушам своим, Вэллери повернулся к двери. Старпом не ошибся: перешагнув через высокий комингс, Тиндэл шел к своему табурету, на котором сидел Вэлле-

ри. Плотная тень, отбрасываемая ограждением мостика, почти скрывала фигуру адмирала. Под накинутым на голову прозрачным дождевиком в свете бушующего на танкере пламени были видны только спутанные клочья седых волос, сморщенное старческое лицо да ссутулившиеся плечи. Тиндэл молча пересек мостик и остановился около Вэллери в ожидающей позе. Опираясь на подставленную Тэрнером руку, Вэллери медленно слез с табурета. Проводив Вэллери отсутствующим взглядом и поблагодарив его кивком головы, Тиндэл взобрался на свое место. Он взял висевший на переборке бинокль и начал медленно осматривать горизонт.

Первым нарушил молчание Тэрнер:

— Сэр! Вы без перчаток, сэр!

— Что? Что вы сказали? — Тиндэл положил бинокль и с удивлением посмотрел на свои забинтованные руки. — Гм... А ведь я знал, что что-то забыл. Это уже второй раз... Спасибо, старпом. — Он благодарно улыбнулся, опять взял бинокль и начал снова осматривать горизонт.

Несколько секунд Тэрнер стоял в замешательстве, потом быстро повернулся к Карпентеру:

— Штурман! У вас в рубке, кажется, висят рукавицы?

— Да, сэр, я сейчас принесу их, — откликнулся Карпентер и выбежал с мостика.

Тэрнер снова посмотрел на адмирала.

— У вас голова, сэр... не покрыта. Пожалуйста, наденьте шапку или капюшон, сэр.

— Капюшон? — удивленно переспросил Тиндэл. — За каким чертом? Мне вовсе не холодно... Извините, старпом, я занят. — Он навел бинокль на пылающий танкер.

Тэрнер посмотрел еще раз на адмирала, перевел взгляд на Вэллери, постоял несколько секунд в нерешительности и затем быстро направился на корму.

Карпентер уже возвращался на мостик с рукавицами, но в этот момент щелкнул динамик трансляционной сети и из него донеслось: «На мостике, докладывает радиорубка! На мостике, докладывает радиорубка! «Викинг» доносит: «Контакт потерян. Продолжаю поиск».

— Контакт потерян! — с отчаянием повторил Вэллери.

«Это самое плохое, что могло случиться, — подумал он. — Лодке сейчас никто не мешает, а конвой освещен, как на параде. Повторной атаки надо ждать в любой момент...»

Забыв о том, что еле держится на ногах, Вэллери круто повернулся и упал бы, если бы не успел ухватиться за нактоуз.

— Бентли! От «Витуры» ответа еще нет?

— Нет, сэр. — Бентли ждал этого ответа с таким же нетерпением, как и командир, ибо хорошо понимал, как важна быстрота действий. — Может быть, у него вышли из строя фонари? — размышлял он вслух, напряженно отыскивая глазами красные проблесковые сигналы. — Впрочем, нет, нет, сэр! Вот он начинает отвечать...

На мостике снова появился Тэрнер:

— Правый торпедный аппарат вышел из строя, сэр. Не разворачивается.

— Не разворачивается, — раздраженно повторил Вэллери. — Это не удивительно: замерзший снег, лед... Конечно, не будет разворачиваться! Отогрейте его! Полейте горячей водой, возьмите паяльные лампы, придумайте что-нибудь...

— Извините, сэр, но дело не в этом, — сокрушенно покачал головой Тэрнер. — Погнут поворотный стол. Должно быть, от взрыва снаряда — или в боцманской кладовой, или в третьем агрегатном отделении, под самым аппаратом. Так или иначе, сэр, но аппарат не действует.

— Ну ладно, — нетерпеливо сказал Вэллери, — тогда давайте левым бортом.

— Управление стрельбой с мостика невозможно, — возразил Тэрнер — Если только наводить прямо с аппарата?

— А почему бы и нет? — решительно отрезал Вэллери. — В конце концов, расчет аппарата тренировался в решении таких задач, не правда ли? Соединитесь с левым торпедным аппаратом, телефонная связь ведь имеется? Прикажите приготовить аппарат для стрельбы!

— Есть, сэр.

— И потом, Тэрнер...

— Да, сэр?

— Извините, — устало улыбнулся Вэллери. — Я сварливый старый грубиян, как говорит о себе старина Тиндэл. Вы уж извините меня...

Тэрнер одобрительно улыбнулся, затем лицо его внезапно стало серьезным, и, кивая головой в сторону адмирала, он спросил:

— Ну, как он, сэр?

Вместо ответа Вэллери многозначительно посмотрел на Тэрнера и едва заметно покачал головой. Тэрнер понял, в чем дело, и быстро сошел с мостика.

— Ну, Бентли? Что он семафорит?

— Что-то непонятно, сэр, — виновато ответил Бентли. — Я не все разобрал... Кажется, говорит, что выйдет из конвоя и пойдет самостоятельно... Что-то в этом роде...

«Пойдет самостоятельно... Это не выход, — быстро ображал Вэллери. — Они не справятся с пожаром еще несколько часов, даже если пойдут другим курсом. Самостоятельно! Неохраняемый, поврежденный, горящий танкер... А до Мурманска еще тысяча миль! Самая тяжелая тысяча миль! — Вэллери закрыл глаза. Он почувствовал невероятную усталость и слабость во всем теле. — Такой мужественный капитан и такой замечательный корабль!.. И все же придется в них стрелять...»

Неожиданно раздался властный голос Тиндэла:

— Лево руля, тридцать градусов по компасу!

Вэллери буквально застыл от ужаса: повернув на тридцать градусов влево, «Улисс» пошел бы прямо на «Витиру».

Прошло две секунды жуткого молчания. Затем вахтенный офицер Кэррингтон наклонился к переговорной трубе и отретировал:

— Лево руля, тридцать градусов по компасу!

Вэллери рванулся было к нему, но сразу же остановился, как только увидел, что Кэррингтон успокоительно машет ему рукой. Вэллери понял, что помощник, прежде чем передать команду, заткнул переговорную трубу рукавицей.

— Прямо руль!

— Есть, прямо руль, сэр.

— Так держать! Командир!

— Есть, сэр.

— Этот свет от пожара режет мне глаза, — пожаловался Тиндэл. — Нельзя его убрать?

— Сейчас мы попытаемся, сэр. — Вэллери подошел к Тиндэлу и мягко заметил: — Вы устали, сэр. Не хотите ли спуститься вниз?

— Что? Спуститься вниз?!

— Да, сэр. Если нужно будет, я пошлю за вами, — добавил Вэллери виноватым тоном.

Поразмыслив несколько секунд, Тиндэл решительно замотал головой.

— Нет, не выйдет, Дик. Это нечестно с вашей стороны... — пробормотал он затихающим голосом, так что последние слова Вэллери не расслышал.

— Простите, сэр, я не понял, — извинился Вэллери.

— Ничего не поняли?! — отрывисто воскликнул Тиндэл.

В этот момент с танкера взметнулся ввысь ослепительный огненный столб, заставивший всех прикрыть глаза рукой. Почти одновременно раздался оглушительный взрыв, и все почувствовали, как до мостика докатилась горячая взрывная волна. Танкер получил еще одно попадание торпедой в кормовую часть, рядом с машинным отделением. Теперь он горел в двух местах. Только мостик в средней части судна каким-то чудом остался не охваченным пламенем и дымом. Сначала Вэллери подумал, что танкер долго уже не продержится и пойдет ко дну, но тут же понял, что просто обманывает себя, пытается оттянуть тот неизбежный момент, когда потребуете принять роковое решение. Танкеры, как он объяснял Николасу, очень живучи и сопротивляются долго.

Вэллери подошел к левой бортовой двери на мостике. Тэрнер гневно кричал в телефон:

— Делайте, черт вас возьми, то, что вам приказывают! Слышите? Идите за ними сейчас же! Немедленно! Да, да, я говорю: немедленно!

— В чем дело, старпом? — поинтересовался Вэллери, мягко коснувшись рукой плеча Тэрнера.

— Подумайте, какая наглость, командир! Он учит меня, что делать!

— Кто?

— Старший торпедист! Ваш друг, Ралстон! — гневно ответил Тэрнер.

— Ралстон? Ах, да, да, — припомнил Вэллери. — Он сказал мне, что его вахта ночью. А что случилось? В чем дело?

— Что случилось? Говорит, что не может выполнить приказание, не желает, не хочет, вот что! Открытое неповиновение! — возмущался Тэрнер.

— Неужели Ралстон? Вы уверены, старпом?! — удивился Вэллери. — Впрочем, конечно... Интересно... У этого парня тяжелые личные переживания, Тэрнер. Думаете, что...

— Я не знаю даже, что и думать! — Тэрнер снова взял телефонную трубку. — Торпедный пост? Ага, наконец-то!.. Что? Что вы сказали?.. Почему не из орудий? При чем здесь орудия? — Он гневно поставил на место трубку и резко повернулся к Вэллери. — Умоляет меня потопить танкер снарядами, а не торпедами! Он, наверное, сошел с ума! Сошел он или не сошел, но я пойду вниз и постараюсь как-нибудь вправить ему мозги! (Вэллери никогда не видел Тэрнера таким разгневанным.) Прикажите, сэр, Кэррингтону встать здесь у телефона, а я спущусь вниз.

— Да, да, старпом, идите, — одобрил Вэллери, рассердившись теперь уже и сам. — Каковы бы ни были его личные переживания, сейчас не до них. Приведите его в чувство... Может быть, я был с ним слишком мягок, слишком заботлив... Он, пожалуй, считает, что мы в долгу перед ним по причине гнусного с ним обращения... Хорошо, хорошо, старпом! — Возраставшее нетерпение Тэрнера было слишком очевидным. — Идите, идите. Атака через три-четыре минуты.

Вэллери круто повернулся и направился к компасной площадке.

— Бентли!

— Есть, сэр!

— Последний семафор...

— Посмотрите на танкер, сэр, — вмешался Кэррингтон, — он начал отставать.

Вэллери подошел к борту и начал наблюдать за танкером, пылавшим, как гигантский костер. Танкер заметно снизил скорость хода и быстро отставал.

— Отваливает шлюпбалки, сэр! — доложил возбужденно Карпентер. — Да, да! Спускает катер, сэр!

— Слава богу! — облегченно прошептал Вэллери. Затем, после нескольких секунд внутренней борьбы, он спокойно приказал: — Шифровку на «Сиррус»: «Перейти на корму. Подобрать людей со спасательного катера «Витурь». — Встретив изумленный взгляд Кэррингтона, Вэллери пожал плечами: — Риска в этом нисколько не больше, помощник, поэтому к черту приказы адмиралтейства! Пусть они сами попробуют оказаться в спасательном катере в Баренцевом море! И чтоб их никто не подбирал! — Повернувшись, он увидел стоявших на мостике Николаса и Петерсена. — Вы все еще здесь, Николас? Не лучше ли вам спуститься вниз?

— Как прикажете, сэр. — Николас кивнул головой в сторону Тиндэла. — Я думаю, что...

— Да, вы, пожалуй, правы, — смущенно сказал Вэллери. — Посмотрим, что будет дальше... Подождите немного. Штурман! — крикнул он.

— Есть, сэр!

— Обе на малый вперед!

— Есть, обе на малый вперед!

Сначала медленно, едва заметно, затем все быстрее и быстрее «Улисс» начал отставать. Вскоре даже замыкающие суда конвоя ушли далеко вперед. Конвой по-прежнему прокладывал свой путь на норд-ост. Снег пошел теперь сильнее, но огромное зарево от горящего танкера все еще предательски освещало беззащитные суда.

Кипя от негодования, Тэрнер быстро примчался к левому торпедному аппарату. На высоком незащищенном сиденье наводчика, расположенном над средней трубой аппарата, сидел Ралстон.

— Ралстон! — властно окликнул его Тэрнер. — Подите сюда!

Ралстон быстро повернулся, поднялся и соскочил на палубу. Встав перед Тэрнером, он встревоженно смотрел ему в лицо.

— Что же это такое, Ралстон? — раздраженно спросил Тэрнер. — Вы что, отказываетесь выполнять приказание?

— Нет, сэр, — ответил каким-то дребезжащим, напряженным голосом Ралстон. — Это неправда.

— Неправда?! — едва сдерживая себя, воскликнул Тэрнер. — Тогда какого же черта вы разыгрываете всю эту комедию? Почему вы не выполняете боевой приказ? Вы что, хотите переплюнуть кочегара Райли? Вы соображаете, что вы делаете?

Ралстон молчал.

Это молчание окончательно взбесило Тэрнера. Он схватил Ралстона за грудки и рывком подтянул его к себе. Их лица почти касались друг друга.

— Я задаю вам вопросы, Ралстон, — процедил он сквозь зубы, — но не слышу никакого ответа. Я жду. Что все это значит, черт возьми?

— Ничего, сэр. — В глазах Ралстона можно было заметить страдание, но не страх... — Я... я просто не хочу,

сэр, не могу стрелять в свое судно! — Теперь в его голосе слышались мольба и отчаяние. — Почему этот танкер нужно топить?! — истерично воскликнул он. — Почему? Почему?

Ни мольба, ни отчаяние, казалось, не действовали на Тэрнера.

— Это вовсе не вашего ума дело, Ралстон! Но, если хотите знать, танкер ставит под удар весь конвой! — Тэрнер все еще крепко держал Ралстона за грудки. — Вам положено делать свое дело и выполнять приказания, — тряс его, продолжал Тэрнер. — Садитесь на свое место и делайте то, что вам приказывают! Ну! — угрожающе толкнул Ралстона Тэрнер, чувствуя, что он все еще колеблется. — Живо на свое место!

Ралстон не двигался.

— Ведь есть же другие торпедисты, сэр! Разве нельзя приказать им, а не мне? — взмолился Ралстон.

Отчаяние Ралстона тронуло Тэрнера, хотя в нем еще бушевал гнев.

— Ага, значит, поручить это грязное дело кому-то другому? — с презрением спросил Тэрнер. — Заставить других делать, что господину Ралстону, видите ли, не нравится делать? Где телефон? Дайте мне трубку, я свяжусь с мостиком!

Передав Тэрнеру телефон, Ралстон медленно взобрался на аппарат и занял место торпедиста-наводчика.

— Алло! Кэррингтон? Говорит старпом. У нас все готово. Командир там?

— Да, сэр. Я позову его сейчас, одну секунду. — Кэррингтон положил трубку и побежал на ходовой мостик за командиром.

— Господин капитан первого ранга, вас просит к телефону...

— Минутку! — прервал его жестом руки Вэллери. — Посмотрите туда, помощник. Что там происходит? — Вэллери показал пальцем в сторону горящего танкера, на фоне которого маячила ярко освещенная фигура адмирала. Тиндэл сидел склонив голову на грудь и бормотал что-то себе под нос.

Кэррингтон перевел взгляд на танкер. Сквозь падавший снег можно было с трудом рассмотреть переполненный людьми спасательный катер, который, отдав тали и фалинь, начал быстро отставать от танкера. Кэррингтон повернулся к Вэллери и взволнованно произнес:

— Танкер набирает скорость, сэр! Он все еще на ходу и управляется... Что же с ним делать?

— О боже! У меня нет никакого выбора! Ни «Викинг» ни «Сиррус» ничего не доносят... Наш гидролокатор бездействует, а лодка все еще там... Передайте Тэрнеру, что происходит. Бентли!

— Есть, сэр!

— Сигнал на «Витуру», — с отчаянием в голосе приказывал Вэллери. — «Немедленно покидайте корабль. Атакую торпедами через три минуты. Последнее предупреждение». Штурман! Лево руля двадцать градусов!

— Есть, лево руля двадцать градусов, сэр, — как эхо повторил Карпентер.

«Улисс» медленно описал циркуляцию и, подойдя к танкеру с кормы, лег почти на параллельный с ним курс, на норд.

— Средний вперед, штурман!

— Есть, средний вперед, сэр!

— Штурман!

— Есть, сэр!

— Что говорит адмирал Тиндэл? Вы не можете разобратъ?

Карпентер наклонился вперед, послушал и отрицательно покачал головой, с его капюшона посыпался снег.

— Нет, сэр, разобратъ, к сожалению, невозможно... Мешает шум пожара на «Витуре»... По-моему, адмирал что-то напевает.

Вэллери нетерпеливо следил за танкером. На нем замигали красные проблески сигнального фонаря. Командир попытался читать знаки Морзе сам, однако передавали слишком быстро. Внезапно мигание фонаря прекратилось.

— Семафор с «Витуры», сэр, — послышался торопливый доклад Бентли.

Вэллери еще крепче ухватился за нактоуз.

— Текст семафора, — продолжал Бентли. — «Почему вы не идете ко всем чертям? Привет военно-морскому флоту! Мои наилучшие пожелания командиру».

Бентли умолк. Слышался только рокот бушующего на танкере пламени да отдаленный писк гидролокатора.

«Наилучшие пожелания командиру... — размышлял Вэллери с молчаливым восхищением. — Наилучшие пожелания! Он, должно быть, с ума сошел... Наилучшие пожелания командиру! И все же мне придется потопить его».

— Помощник! — крикнул он громко.

— Есть, сэр!

— Передайте старпому: «Аппарат товсь!»

Повторив поступившее с мостика приказание, Тэрнер повернулся к Ралстону:

— Аппарат товсь, старшина!

Посмотрев за борт, Тэрнер заметил, что танкер находится все еще несколько впереди «Улисса», который заканчивал поворот, чтобы занять исходную позицию для торпедной атаки.

— Остается около двух минут, — добавил он, обращаясь к торпедисту.

Тэрнер почувствовал, как корабль завибрировал, — это служило верным признаком того, что командир сбавил ход. Следовало ожидать, что через несколько секунд «Улисс» начнет отворачивать вправо. В телефоне снова послышался щелчок, едва слышимый в шуме пожара, бушевавшего на танкере. Тэрнер прислушался, посмотрел вверх.

— Есть первая и вторая трубы. Установки средние. Скорость цели одиннадцать узлов. Сколько осталось?

— Сколько осталось, сэр? — повторил на мостике Кэррингтон.

— Девяносто секунд, — ответил Вэллери охрипшим голосом. — Штурман, право руля десять градусов!

В этот момент раздался звонкий стук упавшего биннокля. Вэллери перевел взгляд с танкера на адмирала и увидел, что тот вдруг резко подался вперед и уткнулся лицом в ветрозащитное стекло, руки его безжизненно опустились.

— Штурман!

Но Карпентер уже подбежал к Тиндэлу. Он обхватил его рукой под грудь и поднял голову с острого барьера ограждения мостика.

— Что с вами, сэр? Что случилось?

Тиндэл слегка пошевелинулся и неестественно покачал головой.

— Холодно, холодно, холодно, — нараспев пробормотал он ослабшим голосом.

— Что? Что вы говорите, сэр? — допытывался Карпентер.

— Холодно. Я замерз. Мне ужасно холодно! Ноги! Мои ноги! — как в бреду, пробормотал Тиндэл и с гро-

хотом свалился в угол мостика. На его обращенное кверху лицо медленно падали мокрые снежинки.

Склонившийся было над ним Карпентер вдруг резко поднялся с искаженным от ужаса лицом.

— На нем нет одежды, сэр! У него босые ноги! Они отморожены! Твердые как лед!

— Босые ноги? — спросил Вэллери, не веря своим ушам. — Не может быть!

— И в пижаме, сэр. На нем только одна пижама!

Шатаясь, Вэллери подошел к адмиралу и снял рукавицы. Склонившись над ним, он коснулся пальцами его ледяных ног и сразу же почувствовал острый приступ тошноты.

«Босой! В пижаме, — с отчаянием подумал Вэллери, — вот почему он прошел по мостику совершенно бесшумно!»

Вэллери с тревогой вспомнил, что последнее показание термометра было двадцать пять градусов мороза, а Тиндэл просидел на мостике почти пять минут! Неожиданно Вэллери почувствовал, что его кто-то подхватил под мышки и осторожно поставил на ноги.

«Петерсен, — подумал он, — это мог быть только Петерсен».

Позади кочегара стоял Николас.

— Я сделаю все, что нужно, сэр. Петерсен снесет его вниз, — сказал Николас.

Его бодрый и уверенный голос сразу же вернул Вэллери к действительности. Он прислушался к четким и отрывистым командам, которые помощник передавал по телефону на торпедный аппарат, сообщая курс, скорость, пеленг на цель. «Витура» находилась уже на курсовом пятьдесят градусов левого борта и медленно, но неотвратимо перемещалась на траверз. Даже на таком расстоянии жар от бушующего на нем огня был едва терпим. «Каково же людям на мостике танкера?» — с горечью подумал Вэллери.

— Боевой курс, помощник! — приказал он громко. — Управление стрельбой с аппарата!

— Боевой курс. Управление стрельбой с аппарата, — повторил в телефон Кэррингтон, словно он находился на учениях мирного времени.

— Есть, управление с аппарата, — повторил Тэрнер. Он поставил на место телефонную трубку и оглянулся кругом. — Действуйте самостоятельно, Ралстон, — добавил он мягко, обращаясь к торпедисту.

Ответа не последовало. Наклонившаяся вперед фигура на сиденье командира аппарата оставалась абсолютно неподвижной: никакого признака, что Ралстон услышал приказание.

— Осталось тридцать секунд! — резко крикнул Тэрнер. — У вас все установлено?

— Да, сэр, — слегка повернувшись, ответил Ралстон. — Все установлено. — Внезапно он круто повернулся назад и в отчаянии прокричал: — Господи, неужели нет другого?!

— Двадцать секунд! — зло, с угрозой сказал Тэрнер. — Вы хотите, Ралстон, чтобы из-за вашей трусости погибли тысячи людей? Если вы промажете...

Ралстон медленно повернулся к танкеру. На какой-то миг его лицо ярко осветилось пламенем пожара, и Тэрнер увидел, что по лицу торпедиста текут слезы. Затем зашевелились его губы:

— Не беспокойтесь, сэр. Я не промахнусь.

Совершенно не понимая, что происходит с торпедистом, скорее ошеломленный, чем злой, Тэрнер увидел, как он левой рукой смахнул с глаз мешающие слезы, а правой решительно ухватился за рукоятку спускового рычага первой трубы торпедного аппарата.

Неожиданно, настолько неожиданно, что Тэрнер даже вздрогнул, Ралстон резко дернул рукоятку на себя. Послышался щелчок курка машинного крана торпеды, приглушенный рокот во взрывной камере, шипение сжатого воздуха. Торпеда, сначала как бы нехотя, а затем все быстрее и быстрее, вышла из трубы, зловеще блеснула своим гладко отшлифованным корпусом и стремительно нырнула в воду у самого борта «Улисса». Почти в тот же момент торпедный аппарат содрогнулся еще раз, и в воду плюхнулась вторая торпеда.

В течение пяти — десяти секунд Тэрнер напряженно следил за тем, как на освещенной поверхности воды от «Улисса» по направлению к танкеру обозначались два клинообразных следа из воздушных пузырьков от шедших под водой торпед, в боевых зарядных отделениях которых было более шестисот восьмидесяти килограммов аматола...

«Бедные люди — те, кто остались на мостике «Витурь», — с горечью подумал Тэрнер.

Его мысли прервал щелчок в динамике: «Внимание на наружных постах! Внимание на наружных постах! Всем немедленно под укрытие! Немедленно под укрытие!»

Тэрнер встrepенулcя, оторвал глаза от моря и, взглянув наверх, заметил, что Ралстон все еще сидел, согнувшись, на торпедном аппарате.

— Слезайте сейчас же вниз! — крикнул он встревоженно. — Хотите, чтобы вас изрешетило, когда взорвется «Витура»? Вы слышите меня, Ралстон?

Молчание. Ни слова, ни малейшего движения. Только гул беснующегося на танкере пламени.

— Ралстон!

— Есть, сэр! У меня все в порядке, — глухо ответил он, не поворачивая головы.

Тэрнер выругался, взобрался на аппарат, стащил Ралстона с сиденья и столкнул его на палубу. Затем, прыгнув с аппарата, потащил торпедиста в укрытие. Ралстон не оказывал никакого сопротивления, — видно, ему все было абсолютно безразлично.

Обе торпеды попали в цель. Танкер затонул удивительно быстро. На «Улиссе» все приготовились к оглушительному взрыву, но его почему-то не было. Разломившись на две части, многострадальное судно опрокинулось через борт и быстро скрылось под водой.

Через три минуты Тэрнер открыл дверь в командирскую рубку на мостике и втокнул Ралстона.

— Вот он, сэр, — с раздражением произнес Тэрнер. — Я подумал, что вы захотите увидеть молодчика, который отказывается выполнять боевой приказ!

— Да, да, конечно. — Вэллери отложил в сторону вахтенный журнал и испытующе осмотрел торпедиста с ног до головы. — Это была хорошая работа, Ралстон, но она ни в какой мере не смягчает вины за ваше поведение. Одну минутку, старпом. — Вэллери повернулся к Карпентеру, чтобы закончить разговор с ним. — Да, да, так будет хорошо, штурман. Их сиятельства в адмиралтействе прочитают это с интересом, — сказал он со злой иронией. — Танкер, который не могли доконать немцы, мы доконали сами... Не забудьте запросить утром «Хаттерас», пусть сообщат нам фамилию капитана «Витуры».

— Он погиб... Вам нечего беспокоиться! — неожиданно ввязался в разговор Ралстон.

Бросив на торпедиста гневный взгляд, Тэрнер с размаху звонко ударил его по лицу.

— Вот тебе за наглость, салага! Как ты смеешь разговаривать так с командиром?

Ралстон медленно поднял руку и ощупал покрасневшую от удара щеку.

— Вы не поняли меня, сэр, — произнес он еле слышно, без всякой обиды, каким-то слабым шепотом. — Я могу сообщить вам фамилию капитана «Витуры». Его фамилия Ралстон, капитан торгового флота Майкл Ралстон. Это был мой отец.

Глава двенадцатая

СУББОТА

Всему приходит конец. После каждой ночи, даже самой долгой, наступает рассвет. Наступил рассвет и для конвоя «FR-77». Он застал его приблизительно в трехстах пятидесяти милях к северу от Полярного круга, конвой шел на восток по семьдесят второй параллели, это было на полпути между островом Ян-Майен и мысом Нордкап. Карпентер считал, что корабли находятся на меридиане восемь градусов сорок пять минут восточной долготы, но он не был уверен в точности места: при таком снегопаде и сплошной облачности приходилось полагаться лишь на счисление пути, ибо автопрокладчик вышел из строя, после того как снарядом разворотило центральный артиллерийский пост. Так или иначе, но оставалось пройти еще приблизительно шестьсот миль, или, другими словами, сорок часов. Через сорок часов конвой, вернее, то, что от него останется к тому времени, войдет в Кольский залив на севере России, и корабли направятся в Полярное и Мурманск... Сорок часов.

Рассвет застал конвой, а точнее, оставшиеся от него четырнадцать кораблей рассредоточенными на трех квадратных милях штормового моря. Корабли с трудом прокладывали себе путь, разрезая волны, катившиеся с севера и становившиеся с каждым часом все круче и круче. Да, теперь их осталось только четырнадцать, ибо глубокой ночью с поверхности исчезло еще одно судно. Может быть, оно наскочило на мину, а может быть, было торпедировано. Этому никто не знал и никогда не узнает. Целый час «Сиррус» вел поиск в районе гибели судна, освещая поверхность воды затемненными сигнальными прожекторами, но так ничего и не обнаружил.

Рассвет наступил после ночи, которая для всех была бессонной, после ночи непрерывных тревог, акустических контактов с подводными лодками и бесчисленных атак глубинными бомбами, не давших никаких результатов. Никаких результатов, выгодных для эскортных кораблей. Противник же достиг две цели: он всю ночь держал людей на кораблях конвоя в постоянном напряжении на боевых постах и, что еще хуже, заставил корабли израсходовать последние запасы глубинных бомб. На кораблях не осталось ни одной бомбы. Теперь оставалось только ждать, когда немецкие подводные лодки поймут, что могут атаковать конвой, не опасаясь никакого возмездия...

С рассветом, как положено, на кораблях прозвучал сигнал повысить боевую готовность на постах, но его можно было бы и не давать, потому что люди и так уже находились на постах пятнадцать часов подряд. Пятнадцать мучительно долгих часов на пронизывающем до костей морозе. Пятнадцать часов, в течение которых моряки на «Улиссе» получили только по кружке какао и по одному черствому бутерброду с тонким слоем мясных консервов, потому что времени на выпечку свежего хлеба не было.

Полдень. Медленно переваливаясь с борта на борт, корабли и суда конвоя, перестроившись теперь в менее рассредоточенный походный порядок, продолжали идти на восток, преодолевая плотные снежные заряды. После боевой тревоги, объявленной на рассвете с целью повышения боевой готовности на постах, первая половина дня прошла сравнительно спокойно: противник не появлялся и новых тревог не было. Конвою осталось идти тридцать шесть часов. Только тридцать шесть часов! Если удержится такая погода — сильный ветер и плотные снежные заряды, то можно надеяться, что самолеты на вылет не отважатся, а почти нулевая видимость и высокая волна воспрепятствуют атакам подводных лодок... В самом деле, почему бы фортуне не повернуться теперь лицом к конвою «FR-77»? Осталось всего только тридцать шесть часов.

Отмороженные ноги адмирала Тиндэла пришлось ампутировать. Николас провел у операционного стола почти всю ночь. Напрасно. Адмирал Джон Тиндэл умер спустя несколько минут после полудня. Брукс, сидевший все время подле него, сделал официальную запись в журнале: «Скончался в результате обморожения и послеоперацион-

ного шока». В действительности Тиндэл умер потому, что не хотел больше жить. Его доброе имя было опорочено, авторитет флотоводца подорван, от былой уверенности в себе не осталось и следа, постоянные угрызения совести за гибель сотен людей не давали ему покоя. Жизнь, которую он так любил, к которой так привык за свои сорок пять лет службы на флоте, эта жизнь, да еще без обеих ног, была больше абсолютно невозможна. Тиндэл уходил из жизни без малейшего сожаления. В полдень, перед самой смертью, он пришел в сознание. Увидев около себя Брукса и Вэллери, адмирал слабо улыбнулся. Выражение глаз и лица Тиндэла свидетельствовали о том, что от помешательства не осталось никакого следа. Его улыбка была весьма слабым напоминанием о том веселом, жизнерадостном смехе, который прежде отличал адмирала Тиндэла. Потом он закрыл глаза и пробормотал что-то о семье. Брукс знал, что семьи у Тиндэла нет. Через несколько секунд Тиндэл снова открыл глаза и посмотрел на Вэллери так, как будто увидел его впервые. После этого, отыскав взглядом вестового Спайсера, адмирал четко произнес:

— Стул для командира, сынок.

И сразу же умер.

Его похоронили в два часа дня, в самый разгар снежной бури. Слов командира, читавшего заупокойную молитву, никто не слышал: их относил в сторону ветер. По парусиновому мешку с телом адмирала глухо хлопал государственный флаг Соединенного Королевства. Заиграл горн — это была последняя почеть адмиралу. Однако ветер относил в сторону его звуки, и они получились нестройные, зыбкие. Когда тело покойного скользнуло за борт, люди — их было не меньше двухсот человек — молча повернулись и устало потащились в свои холодные, как погреб, кубрики.

Минут через тридцать после похорон снежная буря прекратилась так же внезапно, как и началась. Ветер тоже ослаб. И хотя небо еще было покрыто облаками и шел снег, а волнение на море было достаточно сильным, чтобы раскачивать пятнадцатитысячетонный корабль и класть его по пятнадцать градусов на каждый борт, всем было ясно, что погода начинает улучшаться. На мостике, в башнях, в кубриках люди молчали и старались не смотреть друг другу в глаза.

Около пятнадцати часов эсминец «Вектра» установил акустический контакт с подводной лодкой. Получив донесение об этом, Вэллери долго обдумывал решение. Если послать «Вектру» обследовать район и если эсминец определит местонахождение лодки с достаточной точностью и начнет после этого маневрировать над ней — а он должен поступить именно так, — то о причинах, по которым эсминец не атакует подводную лодку противника глубинными бомбами, командир лодки догадается буквально через несколько минут. Затем, по истечении еще какого-то времени командир лодки несомненно придет к выводу, что он может совершенно безнаказанно всплыть на поверхность и дать радиогамму. После этого все подводные лодки противника, находящиеся севернее Полярного круга, будут знать, что конвой «FR-77» можно атаковать, не опасаясь противодействия. Однако торпедная атака противника в таких метеорологических условиях была маловероятной. Высокая волна не только затруднила бы пользование перископом, но и вряд ли позволила произвести успешный залп с такой неустойчивой платформы, как подводная лодка. Волновое движение происходит не только на поверхности моря, но и на глубинах до тридцати, сорока, пятидесяти футов, а в отдельных случаях чувствуется даже на глубине до ста футов. Тем не менее командир немецкой подводной лодки может понадеяться на счастье и попытается все-таки атаковать. Вэллери приказал «Вектре» обследовать район.

Но Вэллери опоздал. Впрочем, его приказ не достиг бы цели даже в том случае, если бы он принял его, не раздумывая ни секунды. «Вектра» еще продолжала запрашивать сигнальным фонарем указания и не успела еще развернуться для выхода на цель, как на «Улиссе» услышали глухие раскаты взрыва. Все сразу же начали внимательно осматривать горизонт, пытаясь определить, кого лодка избрала на этот раз своей жертвой. В первый момент никто не обнаружил вокруг «Улисса» ни малейших изменений. Но уже через полминуты кто-то заметил, что «Электра», головное судно в левой колонне, замедлило ход, а затем и вовсе остановилось, погружаясь в воду на ровном киле, не имея ни малейшего дифферента ни на нос, ни на корму. Можно было с уверенностью предположить, что торпеда пробила борт в районе машинного отделения.

· На «Сиррусе» замигал сигнальный фонарь Олдиса. Прочитав переданный им семафор, Бентли повернулся к Вэллери:

— Капитан третьего ранга Орт просит разрешения подойти к поврежденному судну с левого борта для снятия людей.

— С левого борта? — покачивая головой, медленно, как бы размышляя вслух, произнес Тэрнер. — Да, левый борт безопасен от атаки с лодки, и он смог бы это сделать, сэр... если бы не такая крутая волна... — Тэрнер перевел взгляд на «Сиррус», тяжело переваливавшийся с борта на борт на волне с траверза, и пожал плечами. — Боюсь, что его основательно поцарапает.

— Какой груз на «Электре»? — спросил Вэллери. — Знает кто-нибудь? Боеприпасы? — Он обвел всех вопрошительным взглядом и, увидев, что все отрицательно качали головой, повернулся к Бентли: — Запросите «Электру»: «Имеете ли взрывоопасный груз?»

Фонарь Олдиса в руках Бентли быстро застрекотал, и из него полетели почти сливающиеся друг с другом световые точки и тире. Потом наступила напряженная тишина. Через полминуты стало ясно, что ответа с «Электры» не будет.

— Наверное, на мостике нет тока или разбило Олдис, — высказал предположение Карпентер. — А что, если передать ему: «Один флаг — значит взрывоопасный груз, два — значит нет?»

Вэллери одобрительно кивнул головой.

— Слышали, Бентли?

Пока Бентли передавал семафор на «Электру», Вэллери внимательно следил за эсминцем «Вектра», находившимся теперь на правой раковине «Улисса», на расстоянии десяти кабельтовых. Описывая крутую циркуляцию, он переваливался то с борта на борт, то с носа на корму. Эсминец нащупал подводную лодку, но глубинных бомб в его стеллажах не имелось.

Вэллери повернулся назад и посмотрел на «Электру». Никакого ответа еще не было... Но вот к ноку реи поползли развеваемые ветром два флага.

— Бентли, семафор на «Сиррус», — приказал он. — «Подходите. Будьте осторожны».

Неожиданно плеча Вэллери коснулась чья-то рука. Это был Тэрнер.

— Вы слышите? — спросил он.

— Что? — удивился Вэллери.

— Бог его знает. Это «Вектра». Посмотрите на нее.

Вэллери посмотрел в том направлении, куда показывал Тэрнер. Сначала он ничего не увидел, но потом неожиданно заметил небольшие гейзеры воды, поднимавшиеся за кормой «Вектры». Они так же быстро исчезали за высокими волнами, как и появлялись. Потом напряженный слух Вэллери уловил отдаленный, едва слышимый гул подводных взрывов, относимых ветром.

— Что это он, черт возьми, делает? — спросил Вэллери удивленно. — Что он там сбрасывает?

— Похоже, что сбрасывает какие-то заряды, — проворчал Тэрнер. — А вы как думаете, помощник?

— Наверное, это двадцатипятифунтовые подрывные заряды, — быстро отозвался Кэррингтон.

— Пожалуй, он прав, — согласился Тэрнер. — Ну да, конечно, это подрывные заряды! Неужели он думает, что справится ими с подводной лодкой?

Старший помощник ошибся. Хотя подрывной заряд более чем в десять раз слабее глубинной бомбы, но если он угодит на боевую рубку лодки или взорвется около ее горизонтальных рулей, ей придется туго. Не успел Тэрнер произнести последние слова, как немецкая подводная лодка, будто пробка, выскочила на поверхность. Это была первая подводная лодка, которую «Улисс» в последние шесть месяцев видел в надводном положении. Она пробыла на поверхности всего две-три секунды и снова ушла под воду на ровном киле, неуклюже покачиваясь во впадинах между волнами.

Неожиданное появление лодки застало все корабли, в том числе и эсминец «Вектра», врасплох. С него без промедления открыли огонь из многоствольного автомата, но от этой установки, не отличавшейся точностью боя даже в идеальных условиях, трудно было ожидать поражения цели теперь, когда корабль описывал крутую циркуляцию, а его палуба беспорядочно наклонялась то в одну, то в другую сторону. В боевую рубку лодки попали два небольших снаряда из «эрликона», а по ее корпусу прочертили очереди из спаренных пулеметов льюиса, но все это не причинило ей никакого вреда. К тому же моменту, когда «Вектра» закончила поворот и навела свои главные орудия, подводная лодка медленно скрылась под водой.

Тем не менее стадвацимиллиметровки «Вектры» все же открыли огонь и начали яростно обстреливать то место на поверхности моря, где только что была лодка и откуда она ушла под воду. Впрочем, огонь пришлось тут же прекратить, потому что два снаряда один за другим рикошетировали от воды и со свистом пронеслись над судами конвоя. Эсминец лег на курс и устремился к месту погружения подводной лодки. Те, кто следили за этими действиями с мостика «Улисса» через бинокль, заметили, как фигуры в капюшонах на юте «Вектры» сбросили за борт еще несколько подрывных зарядов. Затем эсминец круто развернулся и стал снова отходить на зюйд, переведя орудия на левый борт и поставив их на максимальный угол снижения.

Подводная лодка, должно быть, получила теперь еще более серьезные повреждения — или от разрыва снарядов, или от подрывных зарядов. Она снова выскочила на поверхность, рассекая кипящий водоворот пены, даже более стремительно, чем в первый раз. И снова «Вектра» оказалась в невыгодном положении: лодка всплыла слева по носу от нее на расстоянии каких-нибудь трех кабельтовых.

Все указывало на то, что теперь лодка останется в надводном положении. Да, в недостатке отваги и мужества команду лодки вместе с ее командиром обвинить было бы несправедливо. Открылся рубочный люк, и из него один за другим начали выскакивать люди. Невзирая на опасность быть смытыми волной за борт, они, не мешкая ни секунды, быстро спускались к палубному орудью, пользуясь скоб-трапом на ограждении боевой рубки.

Первые два человека до орудия не добрались. Прокатившаяся по палубе и разбившаяся о боевую рубку высокая волна отбросила их в сторону, как соринки. Но другие успели пробежать к орудью и, уцепившись руками за штурвалы, начали поспешно наводить его на приближавшийся эсминец. Невероятно, но, несмотря на перекачывавшиеся через палубу волны, которые грозили в любой момент сбросить этих смельчаков за борт, несмотря на сильную бортовую качку, первый снаряд, выстреленный прямой наводкой, ударил по мостику «Вектры». Это был первый и последний снаряд, ибо люди у орудия неожиданно как-то съжились и замертво повалились сначала на палубу, а потом, вместе с очередной волной, за борт.

Это было буквально избиение. На полубаке «Вектры» имелись две счетверенные гидравлические зенитно-пулеметные установки для ночной стрельбы. Они сразу же открыли ураганный огонь, выпуская по лодке около тридцати снарядов в секунду. Установки били точно. Каждый подводник, появившийся из люка и храбро пытавшийся пробраться под этим градом снарядов к орудию, оставался живым не более двух-трех секунд. К орудию не был подпущен ни один человек.

Позднее на «Улиссе» никто не мог припомнить, в какой момент стало вдруг ясно, что рассекающая высокие волны «Вектра» решила таранить немецкую подводную лодку. Возможно, что командир «Вектры» вовсе и не хотел делать этого. Возможно, он ожидал, что лодка погрузится, и рассчитывал срезать только ее боевую рубку и перископ, чтобы помешать ей снова уйти от преследования. Возможно, командир был убит снарядом, попавшим в мостик. Или, может быть, он изменил свое решение в самую последнюю секунду, но «Вектра», шедшая до этого прямо на боевую рубку лодки, неожиданно резко отвернула вправо.

На какое-то мгновение показалось, что эсминец успеет отвернуть и минует носовую часть подводной лодки, но только на мгновение. Высоко поднявшись на гребне очередной волны и стремительно соскальзывая с нее вниз, «Вектра» всей своей тяжестью с невероятной силой ударила лодку нижней частью форштевня и рассекла ее прочный корпус в районе носового отсека, как будто он был сделан из картона, а не из стали. Эсминец все еще продолжал скользить с гребня к подошве волны, все еще двигался вперед, когда прогремело два сильных взрыва, слившихся в один потрясающий громовой раскат. Оба корабля скрылись под высоким, похожим на гриб, огромным столбом бурлящей воды и скрученной стали. О причинах первого взрыва можно было только догадываться, но то, что произошло после него, было совершенно ясно. По какой-то случайности сработало взрывное устройство одной из торпед в носовых аппаратах подводной лодки, затем сдетонировали все остальные торпеды в аппаратах и на стеллажах, а возможно, даже и боезапас в носовом погребе эсминца.

Медленно, как бы нехотя, огромные водяные гейзеры опустились на поверхность моря, и на их месте неожидан-

но, как на киноэкране, появились эсминец и подводная лодка, вернее, то немногое, что осталось от них. Наблюдателям на «Улиссе» казалось непостижимым, что оба корабля еще держались на плаву. Глубоко освещая подводная лодка заканчивалась в носовой части непривычным для глаза отвесным срезом у оружейной площадки. Эсминец выглядел так, как будто кто-то гигантским ножом отрезал ему носовую часть в том месте, где на полубаке начиналась носовая надстройка. От носовой части «Вектры» не осталось никаких следов. Наблюдатели на всех кораблях и судах конвоя на поверили своим глазам, когда увидели, как искалеченный эсминец снова устремился к подводной лодке, зацепил ее своим разорванным корпусом, как бульдозером, и, навалившись на ее боевую рубку мостиком и мачтой, вместе с ней медленно скрылся под водой. Они пошли на дно вместе, сцепившись друг в друга мертвой хваткой.

Задние мателоты конвоя находились теперь уже в двух милях от места гибели «Вектры». Увидеть, остались ли на поверхности люди, при таком волнении моря и на таком расстоянии было невозможно. Да и вряд ли они остались. А если даже в этой ледяной воде и плавали, крича о помощи, люди, они наверняка уже были обессилены и не продержались бы до того момента, когда какой-нибудь корабль успел бы развернуться на обратный курс, не говоря уже о том времени, которое потребовалось бы кораблю на преодоление двухмильного расстояния. Не уклоняясь ни на градус, конвой продолжал свой путь на восток — все суда и корабли конвоя, за исключением двух: «Электры» и «Сирруса».

«Электра» стояла без движения, лагом к волне, медленно переваливаясь с борта на борт, при крене на левый борт около пятнадцати градусов. На палубах впереди и позади мостика стояли тесные ряды ожидавших моряков. От попытки покинуть корабль на спасательном катере они отказались, потому что увидели за кормой раскачивавшийся на волнах, но удерживавшийся на левой раковине «Сиррус». Катер висел у борта на вываленных шлюпбалках. При таком большом крене и сильной качке завалить его обратно оказалось невозможным. Он болтался теперь на значительном расстоянии от борта на высоте около двадцати футов от воды. Подходя к судну, Орт дважды передал на него гневные семафоры с просьбой

обрубить шлюпочные тали, но катер продолжал почему-то висеть и раскачивался, как огромный маятник, как раз там, куда должен был подойти «Сиррус». Возможно, это был результат паники, а скорее всего, заклинило тормозные колодки лебедки. Так или иначе, но медлить было нельзя через какие-нибудь десять минут «Электра» наверняка уйдет на дно.

«Сиррус» сделал два захода. Орт не собирался останавливаться у борта «Электры» — такая остановка грозила тем, что, опрокинувшись, пятнадцатитысячетонное судно навалилось бы на эсминец всей своей тяжестью и буквально вдавило бы его под воду. На первом заходе «Сиррус» прошел мимо «Электры» на пятиузловой скорости на расстоянии двадцати футов от борта — минимум, на который мог отважиться Орт, учитывая, что волны могли толкнуть корабли друг к другу в один и тот же момент.

Как только раскачивающийся форштевень эсминца прошел мимо мостика «Электры», ожидавшие нужного момента люди начали прыгать. Они прыгали в те секунды, когда полубак «Сирруса» вздымался до уровня палуб, на которых они стояли, прыгали с пятнадцатити- и двадцатифутовой высоты в те моменты, когда он стремительно проваливался вниз. Один моряк, державший в руках чемодан и дождевик, беспечно, как по трапу, перешагнул с борта на борт как раз в тот момент, когда они на какую-то долю секунды оказались сравнительно близкими друг другу и оставались неподвижными. Другие, прыгнув с большой высоты, тяжело шмякались на покрытую льдом палубу эсминца, разбивая себе лодыжки, ломая ноги и бедра, выворачивая суставы. Два человека прыгнули, не рассчитав расстояния, и промахнулись. Среди общего многоголосого шума раздался душераздирающий вопль одного из них, раздавленного сблизившимися бортами, и отчаянный крик о помощи другого, когда его потащило под работающие винты «Сирруса».

Как раз в этот момент произошло то неотвратимое, чего не смог избежать даже такой опытный командир, как Орт. Он управлял кораблем блестяще, но против этих двух, последовавших друг за другом, огромных, в два раза больших, чем другие, волн, даже его искусство оказалось бессильным. Первая волна метнула «Сиррус» вплотную к «Электре», затем, проходя под килем «Электры», высоко приподняла ее и круто накренила на левый

борт в тот момент, когда вторая волна сильно накренила «Сиррус» на правый борт. Корабли с огромной силой ударились друг о друга бортами. Верхние листы бортовой обшивки «Сирруса» на протяжении примерно ста пятидесяти футов оказались глубоко вмятыми и разошлись по швам. Одновременно болтавшийся на таях спасательный катер «Электры» с размаху ударил своей кормой по передней части мостика эсминца и разлетелся на тысячу осколков. Орт молниеносно перевел ручки машинного телеграфа. Вода под кормой «Сирруса» вспенилась, закипела, и именно в этот момент раздался отчаянный вопль упавшего в воду моряка, которого тащило под работавшие винты «Сирруса». Прошло несколько секунд, и эсминец отошел от борта «Электры».

Через пять минут, описав циркуляцию, «Сиррус» снова подходил к «Электре» с кормы. Это был типичный для Орта рассчитанный маневр. Уверенности и хладнокровию этого опытного моряка сопутствовала никогда не покидавшая его удача. На этот раз Орт решил пройти своим помывым правым бортом почти впритирку к значительно осевшему теперь борту «Электры». Орт уже не опасался того, что «Электра» навалится на эсминец, так как осадка поврежденного судна значительно увеличилась, но, чтобы пройти на достаточно близком к его борту расстоянии, надо было точно уловить момент спокойной воды между двумя очередными волнами. И Орт уловил такой момент. Матросы на палубе «Сирруса» проворно подхватывали прыгавших с «Электры» моряков, стараясь по возможности предотвратить их падение. Не прошло и тридцати секунд, а «Сиррус» уже спокойно отходил от «Электры», на палубах которой не осталось ни одного человека. Двумя минутами позднее тонущее судно потряс глухой раскат взрыва — взлетели его котлы. Затем оно медленно повалилось на борт, задержалось на несколько секунд в этом положении, словно показывая свои раны — развороченные торпедой днище и киль, — и быстро погрузилось в воду. В течение примерно минуты на поверхность моря с шумом выскакивали огромные воздушные пузыри. Постепенно их становилось все меньше и меньше. Потом все стихло.

«Сиррус» развил полный ход и взял курс на присоединение к конвою. К конвою номер «FR-77», о котором королевский флот никогда не хотел бы вспоминать. Три-

дцать шесть кораблей и судов вышли из Скапа-Флоу и Сент-Джонса. Теперь осталось двенадцать, только двенадцать. И еще почти тридцать два часа пути до Кольского залива...

Даже такой необычайно энергичный и жизнеспособный человек, как Тэрнер, погрузился в уныние. Угрюмо нахмурившись, он долго наблюдал за «Сиррусом», покачивавшимся за кормой. Затем он неожиданно повернулся и украдкой посмотрел на Вэллери. Перед ним был живой скелет, бог знает каким образом удерживающийся на ногах покойник. Тэрнер понял, что смерть, и даже просто надежда на нее, должно быть, является для Вэллери желанной мечтой. Он увидел на его сером, измученном лице глубокое разочарование, печаль и страдание. Почувствовав, что на него смотрят, Вэллери вопросительно вскинул на Тэрнера свои усталые, тусклые глаза. Тэрнер поспешно откашлялся.

— Сколько же на «Сиррусе» сейчас спасенных? — спросил он, чтобы нарушить напряженное молчание.

Вэллери ответил едва заметным пожатием уставших плеч и произнес:

— Не имею представления, старпом. Сотня, может быть, больше. А что?

— Сотня... — задумчиво повторил Тэрнер. — Вот тебе и «не подбирать тонущих»! Интересно, что скажет старина Орт адмиралу Старру, когда будет списывать с корабля эту сотню людей по возвращении в Скапа-Флоу?

Глава тринадцатая

СУББОТА. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

«Сиррус» находился еще примерно в десяти кабельтовых за кормой «Улисса», когда на его мостике начал мигать сигнальный фонарь. Бентли принял семафор и повернулся к Вэллери:

— Семафор с «Сирруса», сэр. «На борту около тридцати раненых. Три — очень тяжело, возможен смертельный исход. Срочно нужен доктор».

— Подтвердите получение семафора, Бентли, — отозвался Вэллери и задумался на несколько секунд. — Рассылный! Попросите лейтенанта Николаса подняться на

мостик, — продолжал он и, повернувшись к Тэрнеру, добавил, слабо улыбаясь: — Я как-то не представляю себе Брукса с его атлетической фигурой в спасательной люльке в такую погоду, как сегодня. Путешествие будет не из легких.

Тэрнер еще раз посмотрел на шедший за кормой «Сиррус». Размахи бортовой качки на нем достигали порой сорока градусов.

— Да, прогулка будет невеселой, — согласился он. — К тому же спасательные люльки не приспособлены к транспортировке таких почтенных персон, как наш старший доктор.

«Странно, — подумал Тэрнер, — насколько все очерствели и привыкли к гибели кораблей и людей: никто не обмолвился о «Вектре» с того момента, как она таранила лодку».

Скрипнула дверь: Вэллери медленно повернулся, ответил на неуверенное приветствие Николаса.

— «Сиррусу» срочно требуется врач, — сказал он без всякого вступления. — Как вам это нравится?

Николас занял более устойчивое положение на раскачивающейся палубе. «Уйти с «Улисса»... — внезапно подумал он, и это обидело даже разозлило его. И он сам удивился такой своей реакции на возможный свой уход с корабля. А ведь он, Джонни Николас, всегда испытывал откровенное чувство отвращения и нетерпимости ко всему, что связано с военным флотом. Почему же такая реакция? Неожиданно он вдруг понял, что все дело просто в его привязанности к этому кораблю. Странно, но это так. Вдруг он почувствовал, что на него устремлены взгляды окружающих. Николас смущенно посмотрел на море, на катящиеся друг за другом огромные волны.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил Вэллери.

— Мне это совсем не нравится, — откровенно выпалил Николас. — Но если надо, я, конечно, пойду. Когда? Сию минуту?

— Как только соеерете все, что вам потребуется там.

— Это значит сейчас, сэр. Собрать мне ничего не надо. Сумка с инструментами и медикаментами у меня наготове. — Николас еще раз бросил презрительный взгляд на море. — А как я должен попасть туда, сэр, перепрыгнуть по воздуху?

— Это не ваша забота, дорогой, — весело ответил ему Тэрнер, дружески похлопав его по плечу. — Не беспокойтесь, все будет в порядке. Не успеете и глазом моргнуть, как все будет сделано. Помните, вы то же самое говорили, когда удаляли мне коренной зуб и успокаивали меня? — Тэрнер передернулся от неприятного воспоминания. — В спасательной люльке вас доставят туда, как на такси.

— В спасательной люльке! — возмутился Николас, взглянув на море. — А вы что, не видите, что творится на море? Меня будет бросать то вверх, то вниз, как пробку!

— Я же сказал, что мы доставим вас, как в такси, Джонни, — повторил Тэрнер с ноткой раздражения. — Мы развернемся для этого на ветер, и все будет в порядке. Сейчас организуем это дело. — Тэрнер подошел к борту и, перегнувшись через него, крикнул: — Крайслер, бегом к главному старшине Хартли! Попросите его на мостик!

Крайслер даже не шевельнулся, как будто ничего не слышал. Руками в рукавицах он держался за паровой трубопровод, верхняя часть его лица была погружена в резиновый наглазник окуляра мощного бинокля, смонтированного заодно с устройством для управления поисковым прожектором правого борта. Время от времени правая рука Крайслера поднималась на несколько секунд и чуть-чуть подворачивала кремальеру горизонтального наведения. Потом снова абсолютная неподвижность.

— Крайслер! — громко рявкнул Тэрнер. — Вы что, оглохли, что ли?

Прошло три, четыре, пять и еще несколько секунд полной тишины, прежде чем Крайслер шевельнулся. Все устремили свой взгляд на него, когда он резко оторвался от окуляра, посмотрел вниз на указатель направления и круто повернулся кругом. Он был явно возбужден.

— Справа на траверзе! — крикнул он громко. — На курсовом сто градусов правого борта самолеты! У самого горизонта! — Он быстро повернулся и снова прижал глаза к биноклю. — Четыре, семь, нет, нет, десять! Десять самолетов!

— Справа сто градусов? — Тэрнер поднял свой бинокль к глазам. — Ничего подобного не вижу. Вы уверены, Крайслер?

— Да, сэр, я все еще вижу их. — В голосе сигнальщика прозвучала твердая уверенность.

Тэрнер сорвался с мостика и подскочил к Крайслеру.

— Дайте-ка я сам посмотрю. — Он прильнул к окуляру бинокля. Внимательно осмотрев горизонт, Тэрнер отошел от бинокля назад и сердито нахмурил брови. — Абсолютно ничего не вижу. Может, у вас галлюцинации, Крайслер?

— Он прав, — прервал его Кэррингтон спокойно. — Я тоже вижу их.

— И я вижу! — воскликнул Бентли.

Тэрнер опять посмотрел в бинокль на горизонт и оцепенел. Затем виновато посмотрел на Крайслера и уже на ходу, возвращаясь на мостик, крикнул ему:

— Напомните мне потом извиниться перед вами, Крайслер.

— Поднять сигнал! — торопливо скомандовал Вэллери, — «Походный ордер «эйч»! Помощник, обе машины полный вперед! Боцман, объявите по трансляции: «Все орудия и автоматы к бою!» Старпом!

— Есть, сэр!

— Самостоятельный поиск и огонь для всех зенитных орудий? Согласны? Башни тоже?

— Трудно сказать, сэр... Крайслер! Разобрали, какие?..

— «Кондоры», сэр! — ответил Крайслер, угадав его вопрос.

— «Кондоры»! Двенадцать «кондоров»! Вы уверены, Крайслер?.. Впрочем, «кондоры» так «кондоры»! — Тэрнер энергично потрянул головой и повернулся к Вэллери. — Куда девался мой проклятый шлем? Он говорит, «кондоры», сэр!

— Пусть будут «кондоры», — произнес Вэллери, и Тэрнер удивился его спокойствию. — Целеуказание с мостика, башни ведут огонь самостоятельно?

— Думаю, что так, сэр, — ответил Тэрнер, взглянув на двух матросов-телефонистов, занявших свои места в задней части мостика у телефонов для связи с носовыми и кормовыми башнями. — На телефонах, внимание! И не зевайте, когда услышите приказание! — Последние его слова относились к телефонистам.

Вэллери сделал знак рукой Николасу.

— Вам лучше вниз, доктор. Сожалею, но ваше путешествие придется пока отложить.

— А я нисколько не сожалею, — отрезал Николас.

— Нет? — улыбнулся Вэллери. — Что, испугались?

— Нет, сэр. Не испугался. И вы, я думаю, знаете, что я не испугался.

— Знаю, — заверил его Вэллери. — Знаю и благодарю вас.

Он проводил Николааса ласковым взглядом, затем, позвав к себе расслышного, повернулся к Карпентеру:

— Штурман, когда мы давали последнюю шифровку адмиралтейству? Посмотрите в вахтенном журнале.

— Вчера в полдень, сэр, — не задумываясь, ответил Карпентер.

— Прямо не знаю, что бы я делал без вас, — шутливо произнес Вэллери. — А где мы сейчас?

— Семьдесят два — двадцать северной и тринадцать сорок восточной!

— Спасибо, — поблагодарил его Вэллери и обратился к Тэрнеру: — Сохранять радиомолчание нет уже никакого смысла, старпом, не правда ли?

Тэрнер согласился кивком головы.

— Запишите шифровку, — приказал Вэллери рассыльному. — «Начальнику оперативного управления. Лондон...» Что делают самолеты, старпом? — обратился Вэллери к Тэрнеру.

— Заходят на корму, сэр. Полагаю, что, как всегда, будут пикировать с большой высоты, с кормовых курсовых углов, — сказал он мрачно. — Но облака над нами не выше тысячи футов, — добавил Тэрнер несколько более бодрым тоном.

Кивнув старпому, Вэллери продолжал диктовать:

— «... Эф-эр-семьдесят семь. Шестнадцать ноль-ноль. Семьдесят два — двадцать, тринадцать сорок. Курс девяносто. Ветер северный, пять баллов. Высокая волна. Положение критическое. Адмирал Тиндэл скончался сегодня в двенадцать ноль-ноль. Танкер «Витура» потопили сами ночью торпедами. «Вашингтон Стэйт» потоплен сегодня ноль-один сорок пять. «Вектра» затонула пятнадцать пятнадцать, столкновение с подводной лодкой противника. «Электра» потоплена пятнадцать тридцать. Меня атакуют двенадцать, минимум двенадцать «фокке-вульфов». Крайне необходимы поддержка, прикрытие с воздуха. Отвечайте немедленно». Быстро в радиорубку! — приказал он рассыльному сразу же, после того как закончил диктовать.

Дрожа от холода, Вэллери поднялся на ноги и осмотрел суда конвоя через бинокль. Корабли и суда перестра-

ивались в походный ордер «Н». Они, как казалось, беспорядочно разбрелись в стороны, нарушив строй двух колонн, при котором самолетам значительно легче было прицеливаться на заходе с кормовых курсовых углов. Теперь самолетам придется нацеливаться на каждое судно отдельно. Суда рассредоточились, но остались на достаточно близком расстоянии друг от друга, чтобы встретить противника согласованным зенитным огнем. Удовлетворенный действиями судов, Вэллери повернулся к корме и направил бинокль на запад.

Крайслер не ошибся. Это были «кондоры». Огромные четырехмоторные бомбардировщики уже зашли на корму и продолжали набирать высоту.

Внезапно Вэллери понял, что противнику, несомненно, были известны два факта. Во-первых, немецкое командование располагало точными данными о месте нахождения конвоя «FR-77». В противном случае оно не направило бы в Арктику тяжелые бомбардировщики. Немцам не потребовалось даже высылать разведывательные самолеты. Можно было с уверенностью предположить, что какая-то подводная лодка давно уже засекла конвой и сообщила его координаты, курс и скорость. Во-вторых, противник наверняка знал, что радиолокационные станции «Улисса» выведены из строя. «Фокке-вульфы» набирали высоту, чтобы скрыться за низкой облачностью, а потом неожиданно вынырнуть из нее всего за несколько секунд перед тем, как сбросить бомбы. Зенитный огонь «Улисса», управляемый с помощью радиолокационной станции, на такой дистанции был бы для них губительным. Но они знали, что такой маневр безопасен, и поэтому действовали уверенно.

Проследив, как за облаком скрылся последний самолет, и опустив бинокль, Вэллери громко окликнул главного старшину сигнальщиков:

— Бентли!

— Есть, сэр!

— Поднять сигнал: «Походный ордер «эр»! Быстро!

К ноку реи взвились трепыхающиеся на ветру сигнальные флаги.

Последовавшие пятнадцать — двадцать секунд ожидания показались Вэллери очень долгими. Он уже готов был разразиться ругательствами, но в этот момент все суда, как искусно управляемые марионетки, одновременно

начали отворачивать в стороны: находившиеся с левого борта от «Улисса» — на север, а с правого борта — на юг. Когда минуты через две бомбардировщики пробьются сквозь облака, рассчитывал Вэллери, они не увидят суда там, где им хотелось бы их увидеть. На их пути останутся только «Улисс» и «Стирлинг», которые прекрасно вооружены. Кроме того, самолеты противника окажутся под интенсивным перекрестным зенитным огнем с судов и эсминцев. Изменить курс на такой небольшой высоте, чтобы пройти над судами с носа на корму, самолеты уже не успеют. Вэллери даже улыбнулся, представив себе разочарование немецких летчиков. Большого с точки зрения обороны нельзя было сделать в создавшихся условиях.

Прошло девяносто секунд, сто, прошли две минуты, а самолеты не появлялись. Сотни глаз тревожно всматривались в облако за кормой — никаких изменений. Прошло две с половиной минуты. По-прежнему ни малейших перемен.

— Кто-нибудь видит что-нибудь? — с беспокойством спросил Вэллери, не сводя глаз с облака за кормой. — Ничего? Совсем ничего?

Молчание. Напряженное, никем и ничем не нарушаемое молчание. Прошло три минуты. Три с половиной. Четыре. Чтобы дать отдых глазам, Вэллери посмотрел в сторону и встретился взглядом с Тэрнером. Молча, в один и тот же момент они повернулись кругом и устремили взгляд на небо впереди конвоя.

— Да, да, старпом. Вы, пожалуй, правы, — быстро сказал Вэллери. Все вокруг повернулись теперь в сторону носа и так же, как и он, внимательно всматривались в небо впереди. — Они, должно быть, пролетели над нами и хотят атаковать нас с носа. Предупредить артиллеристов!

— Смотрите в оба! — рявкнул в микрофон Тэрнер. Напряженное ожидание удара несколько ослабло. К Тэрнеру вернулась его обычная энергия и чувство юмора. — Это касается каждого! Все мы в одной лодке! Две недели отпуска тому, кто первый увидит самолет! Я не шучу.

— С какого числа отпуск? — сухо спросил Карпентер.

Тэрнер улыбнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица, и он опять стал внимательно прислушиваться.

— Слышите? — спросил он почти шепотом, словно опасаясь, что противник услышит его. — Они здесь, на-

верху! Где-то здесь, над нами, но точно не определишь из-за этого проклятого ветра...

Суматоха и сухие хлопки выстрелов из «эрликона» на шлюпочной палубе заглушили последние слова Тэрнера. Он развернулся; как на пружинах, и бросился к микрофону радиотрансляционной сети. Но все равно было уже поздно. Первые три бомбардировщика уже прорвались через облако и стремительно приближались к «Улиссу» с кормы на высоте около пятисот футов. Скрывшись за облаками, самолеты противника, вероятно, описали полную циркуляцию и снова зашли на корму. Противник всех перехитрил...

Шесть секунд. Самолетам потребовалось всего шесть секунд, чтобы с воем пролететь менее полумили в глубоком пикировании на крейсер. Люди едва успели почувствовать досаду за свой просчет, как бомбардировщики уже оказались у них над головой.

К этому моменту почти сгустились сумерки — таинственные арктические сумерки, когда все вокруг погружено в какую-то прозрачную полутьму. На фоне темнеющего неба выделялись ярко светящиеся следы трассирующих снарядов, постепенно затухающие или резко обрывающиеся около самолетов. Однако орудия развернулись в сторону целей и вели по ним огонь всего какие-нибудь две секунды, а эти громадные «фокке-вульфы» были очень живучи. Ведущий самолет начал выходить из пике на высоте около трехсот футов. Его двухсотпятидесятикилограммовые бомбы сначала шли по горизонтали, параллельно полету, потом начали постепенно вычерчивать снижающуюся кривую по направлению к «Улиссу». Самолет же, задрав нос и оглушительно ревя своими четырьмя моторами, быстро набирал высоту, чтобы снова уйти за спасительное облако.

Бомбы в цель не попали. Они упали в воду и взорвались на расстоянии около тридцати футов от борта «Улисса», в районе носового мостика. Люди в центральном посту управления огнем, в машинных и котельных отделениях были совершенно ошеломлены последовавшими вслед за взрывом ударами по кораблю и его сотрясениями. С места взрывов вверх, намного выше куцых мачт, взлетели огромные, по двадцати футов в диаметре у основания, белые водяные столбы. На какой-то момент они остались в таком положении, но потом многочисленными каскадами обрушились на мостик, шлюпочную палубу и

ют, окатывая с ног до головы всех людей на наружных боевых постах. Температура воздуха в это время была около минус тридцати градусов.

Однако хуже всего было то, что водяные завесы совершенно скрыли от зенитчиков следовавшие за первой воздушные цели. Второму самолету противодействие оказывал только один «эрликон», установленный на барбете под левым крылом мостика, поэтому он вышел на цель почти без помех. Самолет шел точно по диаметральной плоскости корабля, но бомбардир, видимо, сбросил бомбы с небольшим запозданием. На этот раз их было три штуки. В первый момент показалось, что все они упадут в воду, минуя корабль, впереди него, но первая из них все-таки зацепила полубак. Она ударила между волноотводом и шпилем и взорвалась в помещении под полубаком, превратив палубу в груды исковерканной, фантастически скрученной и переплетенной стали. Даже после того как раскат взрыва стих, на мостике еще слышалось злое лязганье и дребезжание стали и железа. Взрыв, по-видимому, разбил шпиль, сместил стопор Блейка и разъединил якорную цепь: правый якорь и часть цепи с грохотом вырвались из клюза и, плюхнувшись в воду, устремились в арктические глубины.

Две другие бомбы упали в воду рядом с форштевнем. С мостика «Стирлинга», шедшего впереди на расстоянии десяти кабельтовых, казалось, что «Улисс» исчез под гигантским столбом воды. Но вода осела, а «Улисс», как и прежде, двигался вперед. Высокие носовые обводы крейсера скрывали полученную им рану. На полубаке не было ни дыма, ни пламени: обрушившиеся на полубак каскады воды проникли через зияющую пробойну в палубе и моментально захлестнули все очаги пожара внутри. «Улису» все еще везло...

Печально, но самый жестокий удар «Улисс» получил в результате своих действий. Огонь по пикирующим самолетам открыли и кормовые башни главного калибра. Пятидюймовые орудия стреляли по существу прямой наводкой, настолько была мала дистанция до целей. Первый же снаряд из орудий третьей башни начисто оторвал правое крыло приближавшегося третьего бомбардировщика. Кружась, как осенний лист, крыло медленно падало в море. Какую-то долю секунды «фокке-вульф» удерживался на курсе, но потом внезапно нырнул и стал падать вниз

почти по отвесной траектории. Он летел прямо на палубу «Улисса».

Ни уклониться, ни даже подумать о том, чтобы уклониться, времени не было. Часть сброшенных самолетом бомб упала в кипящую кильватерную струю за кормой «Улисса» — он шел в этот момент тридцатиузловой скоростью, — а две пробили палубу на юте и взорвались: одна — в кормовом матросском кубрике, другая — в кубрике морских пехотинцев. Секундой позднее в переднюю стенку четвертой башни с размаху врезался искалеченный «фокке-вульф»: раздался оглушительный взрыв, и вспыхнуло ослепительное пламя горящего бензина.

К счастью, это была последняя атака на «Улисс». К счастью, потому, что теперь крейсер был совершенно беззащитен против налета авиации с кормовых курсовых углов. Четвертая башня вышла из строя полностью. Третья башня, уцелевшая каким-то чудом, была наполовину завалена горящими обломками самолета, кругом нее бушевало пламя и клубился густой черный дым. «Эрликоны» на шлюпочной палубе смолкли. Зенитчики, чуть не захлебнувшиеся в каскадах воды минуту назад, пытались слезть со своих сидений. Это было делом нелегким, потому что мокрая одежда замерзла и затвердела; чтобы хоть немного шевельнуться, ее приходилось буквально размывать. Всех их быстро отправили в нижние помещения, к камбузным плитам, оттаивать. Процедура мучительная, но останься они на своих ледяных постах на палубе, смерть была бы неминуема.

Остальные самолеты, медленно набирая высоту, почему-то начали отклоняться влево. И хотя со всех сторон рвались зенитные снаряды, самолеты прошли сквозь них неповрежденными. Вскоре они, взяв курс на зюйд-ост, скрылись в облаках.

«Странно, — рассеянно подумал Вэллери, — они упускают такую благоприятную возможность использовать до конца преимущества внезапного удара и добить поврежденный крейсер... В чем-нибудь другом, а в трусости прекратить немецких летчиков пока не было оснований...»

Однако анализировать действия противника было некогда: надо было правильно воспользоваться передышкой...

В кормовой части крейсера возник большой пожар. Огонь бушевал в кубриках и на верхней палубе. Пожар в

кубриках представлял большую опасность для находившихся под ними снарядных погребов третьей и четвертой башен. На корму уже спешили десятки людей из аварийных партий. Спотыкаясь, скользя и падая на обледенелую палубу, они на ходу торопливо разворачивали непослушные, затвердевшие пожарные шланги. Другие, тоже падая и снова поднимаясь, с трудом тащили на плечах или в руках огромные пеногонные огнетушители. Матросу Ферри не повезло. Несмотря на строгий приказ, он только что выбежал из лазарета, где лежал с переломом руки, и присоединился к своим товарищам, пытаясь помочь им. Пробегая по палубе с левого борта мимо развороченной корабельной лавочки, он поскользнулся и упал около третьей башни. Бортовых лееров в этом месте не было: их срезало обломившимся и упавшим за борт крылом самолета. Ферри отчаянно пытался зацепиться здоровой рукой или ногами за что-нибудь на палубе, но безуспешно: он продолжал скользить по накренившейся палубе к борту. В последний момент Ферри ухватился было сломанной рукой за торчавший обломок леерной стойки, но удержаться не хватило сил — и он упал за борт. Послышался душераздирающий вопль, но почти в тот же момент матроса накрыла огромная волна. У борта, где он упал, с бешеной силой и скоростью вращался левый гребной винт.

Первыми борьбу с огнем начали люди, прибежавшие с пеногонными огнетушителями. Однако пользы от них было мало, потому что в некоторых баллонах не срабатывали пусковые устройства, а с теми, которые действовали, подойти близко к огню было невозможно из-за обжигающего жара.

Небольшие, тетрахлорметановые огнетушители, которыми пытались бороться с огнем в нижних помещениях, оказались совершенно непригодными. Раньше ими никогда не пользовались, а матросы давно уже знали, что жидкость, которой они заряжены, — прекрасный пятновыводитель. Рядовых матросов нетрудно убедить в смертельной опасности тока высокого напряжения, в риске, которому они подвергнутся, если зажгут спичку в снарядном погребе, но вы никогда не убедите их в том, что они совершают преступление, отливая из огнетушителя несколько капель тетрахлорметана... Несмотря на строгость периндических осмотров, большая часть огнетушителей оказа-

лась или совершенно пустой или заполненной лишь частично.

С пожарными шлангами дело обстояло не лучше. Два из них присоединили к магистрали правого борта и открыли клапаны... но вода не шла. Магистраль замерзла. Не удивительно для трубопроводов с пресной водой, но здесь же была забортная, соленая! Третий шланг подключили к магистрали левого борта, но здесь, несмотря на все усилия, не отворачивался вентиль. Пришлось применить молоток и ломик. Вентиль хрустнул и отскочил прочь: под влиянием низкой температуры в металле, видимо, произошли какие-то молекулярные изменения и прочность его понизилась. Хлынувшая под большим давлением забортная вода окатила всех с головы до ног. Спайсер, вестовой покойного адмирала, отбросил молоток и даже заплакал от обиды. Еще один клапан на магистрали левого борта открылся, но, казалось, прошла целая вечность, пока вода попала себе путь через сплюснутый замерзший шланг.

Постепенно огонь на палубе стих, но не в результате усилий людей, а просто потому, что самолет и бензин сгорели, и на палубе не осталось ничего, что могло бы гореть. Воду из шланга и пену из огнетушителей направили теперь в зияющие рваные пробоины на палубе, чтобы сбить пламя, бушевавшее в кубриках. Через накаленные докрасна, беспорядочно наваленные, еще дымящиеся обломки карабкались две фигуры в асбестовых, жаростойких костюмах. Это были Николас и старший радиотелеграфист Браун, специалист по аварийным и спасательным работам.

Браун прибыл сюда первым. Осторожно пробравшись по обломкам, он поднялся к входной двери в четвертую башню. Те, кто стояли на палубе, видели, как он остановился там, чтобы закрепить тяжелую броневую дверь, потому что она то распахивалась настежь, то с грохотом вновь захлопывалась, когда корабль накренился то на один, то на другой борт. Потом он шагнул внутрь башни. Менее чем через десять секунд он снова появился у двери, но уже ползком, на коленях, отчаянно хватаясь руками за края, чтобы удержаться. Все его тело конвульсивно скрючилось, а кислородная маска наполнилась слювиной.

Николас видел это, все понял и не стал терять времени ни на четвертую башню, ни на обуглившиеся скелеты,

все еще торчавшие в испепеленном фюзеляже самолета. Он быстро поднялся по скоб-трапу на площадку третьей башни, обошел ее вокруг и попытался открыть броневую дверь. Зажимные рукоятки не поворачивались то ли из-за мороза, то ли из-за перекоса двери в результате взрыва. Николас осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь рычага и увидел приближающегося Дойла, в тлеющей куртке, с кувалдой в руках. Десяток сильных, хорошо направленных ударов — и дверь открылась. Дойл закрепил ее и шагнул в сторону, уступая дорогу Николасу.

Николас влез в башню. Напрасно они так торопились открыть дверь. В башне все были мертвы. Старшина Эванс сидел на своем месте прямо, суровый и настороженный, каким Николас привык его видеть и в жизни. Около него лежал Фостер, энергичный и вспыльчивый капитан морской пехоты. Все остальные сидели или лежали на своих боевых постах, без каких-либо видимых травм, за исключением едва заметных струек крови из ушей и рта, свернувшейся под влиянием низкой температуры. Благодаря высокой скорости хода «Улисса» пламя с третьей башни было сбито на корму сразу же после взрыва. Контузия, должно быть, была на редкость сильной: смерть наступила мгновенно. Тяжело вздохнув, Николас наклонился к мертвому телефонисту, осторожно снял с него головной телефон и вызвал мостик.

К телефону подошел Вэллери. Выслушав Николаса, он повернулся к Тэрнеру. Вид у него был очень болезненный, подавленный.

— Это докладывал Николас, — сообщил он. Лицо его выражало глубокую скорбь. — Четвертая башня выведена из строя, все люди погибли. Третья, кажется, цела, но люди в ней тоже мертвы. Говорит, сильнейшая контузия. Пожар в кормовых кубриках все еще не ликвидирован... В чем дело? — Этот вопрос он задал с недоумением оглядывавшемуся по сторонам телефонисту.

— Погреб четвертой башни, сэр, — неуверенно проговорил телефонист. — Из него хотят переговорить с главным артиллеристом.

— Скажите им, что его нет на мостике, — ответил Вэллери отрывисто. — У нас нет времени на... — Он остановился на полуслове и испытующе посмотрел на телефониста: — Четвертой башни, вы сказали? Ну-ка дайте мне трубку.

Вэллери взял трубку и, откинув назад капюшон, быстро заговорил:

— В погреб! Говорит командир. В чем дело?.. Что? Говорите громче, я не слышу вас... Фу ты черт! — Он резко повернулся к старшине связистов: — Можете вы переключить этот телефон на усилитель трансляционной сети? Я не могу разобрать ни... Ага! Вот теперь лучше.

Щелкнул динамик над штурманской рубкой. Из него послышался сухой, сиплый, охрипший голос. Разобрать что-нибудь было тем более трудно, что говорили с сильным Глазговским акцентом.

— Слышите меня теперь? — раздалось из динамика.

— Да, я слышу вас, — ответил Вэллери. Его слова, как эхо, громко прозвучали в динамике. — Это Макуотер?

— Да, да, сэр, это я. А как вы узнали, сэр? — Чувствовалось, что Макуотер очень удивлен.

— Это неважно, Макуотер. Кто там сейчас старший у вас, Гарднер, да?

— Так точно, сэр, Гарднер.

— Позовите его к телефону.

Наступила пауза.

— Я не могу, сэр. Гарднер мертвый.

— Мертвый?! — с недоверием спросил Вэллери. — Вы сказали — мертвый?

— Да, сэр. И не только он. — Голос Макуотера звучал грубо, но Вэллери уловил в нем дрожащую нотку. — Меня тоже сбило с ног и здорово ударило, но ничего, сейчас я могу двигаться.

Вэллери выждал, пока Макуотер хрипло и надрывно откашливался, потом с тревогой спросил:

— А что случилось, Макуотер? Что у вас там произошло?

— Не знаю, сэр. Ума не приложу, что это такое... Был какой-то дьявольский удар, а потом... я не знаю, что произошло. У Гарднера изо рта идет кровь...

— А сколько... Сколько вас там осталось в живых?

— Только Баркер, Вильямсон и я... Больше никого. Нас только трое.

— А как они, Макуотер? Двигаются?

— О, они ничего, сэр. Но Баркер, кажется, умирает... Он говорит, что ему очень плохо... Он, наверное, того... свихнулся...

— Он что?..

— Сошел с ума, сэр, — объяснял Макуотер терпеливо. — Рехнулся. Несет какую-то чепуху о том, что пойдет на свидание с самим создателем, и всякую другую чертовщину... Рассказывает, как надувал нас и воровал деньги... (Вэллери вспомнил, что Баркер заведовал корабельной лавочкой.) Вильямсон укладывает пороховые заряды обратно на стеллажи. Тут у нас на палубе творится бог знает что...

— Макуотер! — в голосе Вэллери появились строгие нотки.

— Да, да. Извините, сэр. Я совсем забыл... Так что же нам делать?

— Где делать? — не понял Вэллери.

— Да, здесь, сэр, в погребе. Что наверху, пожар, что ли? У нас здесь почему-то жарко как в печке!

— Что? Что вы сказали, Макуотер? — прокричал Вэллери. — Говорите, там жарко? Как жарко? Очень? Да отвечайте же быстрее!

— До кормовой переборки нельзя дотронуться, — ответил Макуотер без всякого волнения. — Я уже обжег себе пальцы.

— А орошение? Почему вы не включите орошение? — прокричал Вэллери. — Разве система не работает? О боже! Макуотер, ведь погреб может в любую минуту взорваться!

— Да-а? — врасстяжку пробормотал Макуотер. — А я и не подумал об этом. Но орошение все равно не работает... Я уже пробовал. Ничего не получается... А температура уже на двадцать градусов выше нормальной, сэр.

— Но надо что-то сделать, Макуотер! Не сидите там сложа руки! — в отчаянии прокричал Вэллери. — Откройте орошение вручную! Вода в системе не может замерзнуть, раз там жарко. Быстрее, Макуотер! Если взорвется погреб — «Улисс» конец! Ради бога, торопитесь!

— Но я уже пробовал, сэр, — мягко ответил Макуотер. — Не открывается. Что-то заело...

— Ну тогда стукните чем-нибудь по крану! Там где-нибудь должен быть ломик. Ударьте им по вентилю и пустите воду! Быстрее!

— Это правильно, сэр. Но... но если я собью вентиль, как же потом закрыть его? — В голосе Макуотера появились нотки отчаяния.

— Да, тогда вы его не закроете... Это правильно... Но ничего, не думайте об этом, Макуотер, — возбужденно продолжал Вэллери. — Потом мы откачаем воду насосами... Действуйте быстрее, Макуотер!

Наступила короткая пауза, потом в динамике послышался заглушенный крик и падение тяжелого тела. Затем раздался лязгающий звук ряда быстрых ударов металлом по металлу. Макуотер, по-видимому, сбивал вентиль на магистрали орошения. Внезапно все звуки стихли.

Вэллери подождал, когда телефонную трубку снова взяли, и с беспокойством спросил:

— Ну как? Вода идет?

— Идет, как проливной дождь, сэр. — Голос Макуотера прозвучал гордо, с ноткой удовлетворения. — Я только что стукнул Баркера ломиком, сэр, — добавил он весело.

— Что, что? — изумился Вэллери.

— Трахнул Баркера по голове, — четко произнес Макуотер. — Этот сумасшедший хотел остановить меня... А спринклеры работают отлично, сэр! Я никогда не видел раньше, как они действуют... Вода уже по лодыжки! А от кормовой, переборки валит пар!

— Ну этого достаточно, Макуотер, — тревожно прокричал Вэллери. — Теперь быстро выбирайтесь оттуда, да только не оставляйте там Баркера!

— Я видел один раз кино в Глазго, в «Пэрэмаунте», кажется. Там тоже было так... — Как ни в чем не бывало пустился в воспоминания Макуотер. Вэллери посмотрел на Тэрнера и убедился, что тот тоже не верит своим ушам. — Но там дождь был куда меньше! — продолжал Макуотер. — Да и пара столько не было!

— Макуотер! — нетерпеливо крикнул Вэллери. — Вы слышите меня? Я говорю: уходите оттуда немедленно! Бегом! Слышите?

— Уже по колени! — кричал Макуотер. — А пар такой, что ничего не видно!.. Вы что-нибудь говорите, сэр?

— Я говорю: уходите оттуда сейчас же! — проревел Вэллери. — Вон оттуда!

— А-а, теперь понимаю. Уходить? Вы сказали — уходите, сэр? Да, но это не так просто! Это невозможно... Люк перекошен, а крышку на нем заклинило так, что ее не стронуть с места, сэр.

Вэллери с отчаянием опустил телефонную трубку и обвел всех уставшим взглядом. Тэрнер, Кэррингтон, Карпен-

тер, Бентли, Крайслер и другие напряженно и выжидающе смотрели на него. Вэллери плотно закрыл глаза, потом тряхнул головой и снова поднял трубку.

— Макуотер! Макуотер! Вы все еще там?

— Конечно здесь! — В голосе Макуотера слышалось раздражение. — Где же еще, черт...

— Вы уверены, что люк заклинило? — прервал его Вэллери с отчаянием. — А ломом вы не пробовали что-нибудь сделать?

— Тут не только ломом, а и динамитом ничего не сделаешь, — отвечал Макуотер. — Да и что толку, люк уже накалился докрасна. Как раз над ним, наверное, сильный пожар...

— Подождите у трубки! — крикнул Вэллери Макуотеру и повернулся к Тэрнеру: — Старпом, прикажите Додсону послать трюмного машиниста к главному клапану кормовой магистрали затопления погребов: пусть приготовится перекрыть магистраль!

— Быстро подойдя к телефонисту, Вэллери спросил его:

— Вы разговариваете с ютом? Хорошо! Дайте мне трубку... Алло, говорит командир. Алло! Это вы, Хартли? Доложите мне, как дела в кормовых кубриках? Огонь все еще сильный? Это очень важно, Хартли: в снаряжном погребе четвертой башни люди, включена система орошения, но крышку люка заклинило, и они не могут выйти... Да, да, я буду ждать.

Вэллери ждал ответа, нетерпеливо постукивая пальцами по верхней стороне телефонной коробки. Он смотрел за борт, на суда конвоя, постепенно занимавшие свои места в походном порядке. Неожиданно он снова выпрямился и неподвижно замер.

— Да, да, командир... Да... Да... Полчаса, а может быть, и целый час?.. О боже, неужели так долго?.. Вы уверены? Нет, нет, все.

Он положил трубку и медленно отошел в сторону.

— В матросском кубрике пожар в основном ликвидирован, — сказал он вяло. — В кубрике морской пехоты — чертово пекло... как раз над снаряжным погребом четвертой башни. Хартли говорит, что для ликвидации огня потребуется еще не менее часа... Помощник, вам, пожалуй, лучше пойти туда.

Прошла целая минута тягостного молчания. Слышался только писк гидролокатора и монотонный, шуршащий шум рассекаемой форштевнем воды.

— Может быть, погреб уже достаточно охлажден и магистраль можно перекрыть? — как бы размышляя вслух, неуверенно предложил Карпентер.

— Охлажден? — повторил Тэрнер, шумно откашливаясь. — А как это узнать? Только Макуотер может сказать нам... — Он остановился на полуслове, так как понял вытекающие из этого последствия.

— Давайте спросим его, — сказал со вздохом Вэллери и снова взял телефон. — Макуотер?

— Алло!

— Может, нам перекрыть орошение отсюда, снаружи, если в погребе уже не опасно? Как вы думаете?..

Вэллери умолк, не окончив фразы. Наступила напряженная тишина. Он силился представить себе ход мыслей Макуотера, что и как бы он сделал, если бы был на его месте.

— Побудьте минутку у телефона, — раздалось из динамика, — я посмотрю, как наверху.

На мостике опять воцарилась неестественная тишина. Вэллери вздрогнул, когда в динамике снова раздался голос Макуотера.

— Я еле влез обратно по этому дьявольскому трапу, сэр... Я сейчас держусь на трапе, но долго мне здесь не простоять...

— Ничего, ничего... — Вэллери запнулся и с ужасом подумал о том, что он должен будет сказать сейчас Макуотеру. Если Макуотер упадет с трапа, то утонет в этом погребе, как крыса.

— О черт! Погреб... — В промежутках между сильными приступами кашля Макуотер говорил таким странным голосом, как будто чем-то захлебывался. — Снаряды в верхних стеллажах чуть ли не плавают, сэр. Там сейчас хуже, чем было...

— Понимаю, Макуотер, понимаю, — тихо произнес Вэллери, не находя других слов. Глаза его закрылись, он еле стоял на ногах. Огромным усилием воли он заставил себя снова заговорить. — А как Вильямсон? — Это было все, что он мог добавить.

— Он почти покойник, сэр. Вода ему уже по шею... Держится за стеллаж. — В динамике снова послышался

надрывный кашель. — Говорит, что хотел бы передать парю слов старпому и Карслейку.

— Что он хочет, Макуотер?

— Говорит, чтобы бородач выпил еще глоток, а остальное оставил бы для него, — сказал Макуотер не без удовольствия.

Послание Карслейку было нецензурным.

Вэллери нисколько не удивился и не был шокирован.

— А вы сами, Макуотер, — спросил он мягко, — не хотите сказать что-нибудь?.. — Вэллери внезапно остановился, осознав нелепость и никчемность своего вопроса.

— Я? Нет, я ничего не хочу... Впрочем, если можно, я хотел бы перейти на береговую службу в Глазго, но я думаю, мы поговорим об этом потом, сэр. Вильямсон! — внезапно закричал Макуотер не своим голосом. — Вильямсон! Держись, дурила, я плыву к тебе! — В динамике раздался звук стукнувшейся о металл телефонной трубки, а затем наступила мертвая тишина.

— Макуотер! — громко крикнул в телефон Вэллери. — Макуотер! Отвечайте, Макуотер! Вы слышите меня? — Но динамик зловеще молчал. Больше они не услышали ни единого звука.

Только теперь Вэллери почувствовал, что ему ужасно холодно. Все его тело дрожало и от ледяного ветра, и от нервного напряжения. Этот затопленный погреб... Менее двадцати четырех часов назад он был в нем. Он видел его сейчас так же ясно, как тогда, когда был там... Только теперь он представлялся ему темным, с едва заметными лампочками аварийного освещения, с бьющей ключом темной водой, постепенно заполняющей весь погреб. Он видел этого бледного юношу из Шотландии, узкоплечего, с болезненными глазами, отчаянно пытающегося удержать голову своего товарища над водой, но с каждой секундой теряющего последние силы. Он ясно представил себе, что они оба захлебнулись, когда у Макуотера не осталось больше сил. Макуотер ни за что не оставит тонущего товарища. И ему восемнадцать лет. Всего восемнадцать!

Вэллери повернулся, спотыкаясь проковылял к двери и вышел на компасную площадку. Опять пошел снег, и все вокруг снова погрузилось в темноту.

Глава четырнадцатая СУББОТА. ВЕЧЕР. I

Полускрытый арктическими сумерками, «Улисс» продолжал свой трудный путь на восток. Необычайно странным выглядел теперь этот неуклюже переваливающийся на высокой волне корабль: без обеих мачт, без спасательных катеров и плотиков, с разрушенными, неузнаваемо исковерканными носовой и кормовой надстройками, с уродливо наклонившимся ходовым мостиком, с разбитой и искалеченной кормовой башней, наполовину скрытой обуглившимся скелетом фюзеляжа «кондора», с огромными заплатами из ярко-красных пластырей и зияющими чернотой пробоинами на полубаке и юте. Из пробоины на юте все еще шел черный густой дым, сквозь который то в одном, то в другом месте пробивались острые, трепещущие языки пламени. Однако, несмотря на все это, «Улисс» казался каким-то сверхъестественным грациозным арктическим призраком... На нем еще были пушки и мощные двигатели. Двигатели, которые каким-то чудом остались совершенно невредимыми... Так по крайней мере казалось.

Пять минут прошли как вечность. Пять минут, в течение которых небо становилось все темнее и темнее, а с юта сообщили, что пожарные партии едва-едва справляются с тем, чтобы не дать огню перекинуться в другие помещения. Пять минут, в течение которых к Вэллери возвратилось его обычное самообладание и спокойствие, хотя он чувствовал сильную усталость.

Тишину и уныние на мостике внезапно нарушил резкий телефонный звонок. Трубку взял Крайслер и через секунду доложил:

— Кормовое машинное отделение. Просят командира.

Бросив быстрый взгляд на Вэллери, Тэрнер спросил:

— Разрешите, я подойду?

— Да, пожалуйста, — ответил Вэллери, с благодарностью наклонив голову.

Тэрнер ответил кивком головы и подошел к телефону.

— Старший помощник слушает. Кто это?.. Лейтенант Гриерсон? Да, да, в чем дело, лейтенант?

Почти целую минуту Тэрнер слушал молча. Остальные на мостике обратили внимание на то, что лицо Тэрнера стало напряженным, губы сжались.

— А пока выдерживает? — спросил Тэрнер с беспокойством. — Да, да, конечно... Скажите ему, что мы делаем здесь все, что возможно... Да, давайте так, каждые полчаса.

— Беда одна не приходит, — проворчал Тэрнер, окончив разговор по телефону. — Двигатель сильно нагревается. По-видимому, перекос правого вала. Додс пошел в коридор гребного вала сам. Весь, говорит, согнулся, как банан.

Слабо улыбнувшись, Вэллери пошутил:

— Да, для Додсона там, пожалуй, тесновато...

— Может быть, — хмуро согласился Тэрнер. — Беда вся в том, что поврежден главный подшипник вала и перебита масляная магистраль.

— Это очень плохо, старпом.

— Додсон очень расстроен, сэр. Он говорит, что повреждение давнее, думает, что это произошло в ту ночь, когда мы потеряли наши глубинные бомбы, — Тэрнер покачал головой. — Одному богу известно, какую нагрузку пришлось вынести после этого гребному валу... Сегоднешнее представление, наверное, довело его до предела... Подшипник теперь придется смазывать вручную. Додсон просит дать на вал наименьшее число оборотов или остановить левую машину совсем. Будет нас информировать.

— И невозможно отремонтировать? — спросил Вэллери с огорчением.

— Нет, сэр, никакой возможности.

— Хорошо, старпом, тогда надо уменьшить скорость хода конвоя. И еще вот что...

— Да, сэр!

— Готовность на боевых постах всю ночь. Команде можно об этом и не говорить, но... думаю, что готовность совершенно необходима. У меня какое-то предчувствие, что...

— Что это?! — перебивая его, воскликнул Тэрнер. — Посмотрите! Что он там вытворяет? — Его палец указывал на последнее судно в колонне с правого борта: его зенитные орудия стреляли по какой-то невидимой цели. Следы трассирующих снарядов прокалывали сумеречное небо, как гигантские сверкающие копья. Уже на ходу, подбегая к микрофону корабельной трансляции, Тэрнер заметил, что орудия главного калибра «Викинга» изрыгнули дым и неровные языки пламени.

— Все орудия к бою! Правый борт, курсовой сто десять! Самолеты! Самостоятельный огонь! Свободный выбор цели! Самостоятельный огонь! Свободный выбор цели! — В промежутках между своими командами Тэрнер слышал, как Вэллери скомандовал «Право на борт», и понял, что он хочет ввести в действие носовые башни.

Все было поздно. Слушаясь руля, «Улисс» еще только начал катиться вправо, а вражеские самолеты уже выравнивали траекторию пикирования. Это несомненно были «кондоры». «Кондоры», которые снова обвели их вокруг пальца, которые отошли только для того, чтобы вернуться, чтобы выйти на курс медленного планирующего сближения на пониженной скорости, чтобы корабли не услышали относимого ветром приглушенного рокота двигателей. Расчет времени и дистанции был превосходным. Концевое судно правой колонны самолеты атаковали дважды, одновременно с двух противоположных направлений. В наступившей темноте летящие бомбы были не видны, но судя по взрывам, в судно попало семь бомб. Появление каждого самолета над судном вызывало бешеный огонь из зенитных автоматов. Все зенитные установки на судне были открытого типа, с небольшим фронтальным броневым щитком. Для тех немногих зенитчиков, которые остались живы во время бомбардировки, гневная пальба этих пушек почти наверное была последним звуком на земле.

В то время как бомбы начали грохаться на второе судно в колонне, первое уже превратилось в груды исковерканных обломков, охваченную со всех сторон жадными языками пламени. Днище наверняка было пробито, потому что судно сильно накренилось и разломилось теперь на две части. Еще не стих рев моторов последнего атаковавшего самолета, как обе половины судна скрылись под водой.

Противник достиг полной тактической внезапности. Одно судно потоплено. Второе потеряло ход и, описав неконтролируемую циркуляцию, замерло на месте, глубоко погрузив свой нос в воду. На нем почему-то не было ни дыма, ни пламени, ни какого-либо движения. Третье — сильно повреждено, но продолжало двигаться. Противник не потерял ни одного самолета.

Тэрнер приказал прекратить огонь, потому что некоторые зенитчики все еще палили в темноту — то ли оттого, что не могли сдержать своего боевого пыла, то ли от-

того, что воображение все еще рисовало им проносящиеся над головой самолеты противника. А потом, когда умолк последний «эрликон» и наступила относительная тишина, Тэрнер снова услышал отдаленный гул мощных авиационных двигателей. Относимый ветром, он то усиливался, то ослабевал, как рокот прибора у отдаленного побережья.

Скрытый облаками, неуязвимый «фокке-вульф» и не думал отходить, зловеющий гул его моторов пропадал лишь на секунды. Было совершенно ясно, что самолет кружит над конвоем.

— Для чего это, как вы думаете, сэр?

— Не знаю, — медленно ответил Вэллери. — Просто не знаю, что и предположить. Уверен, что «кондоры» больше не появятся: слишком темно для прицельного бомбометания. Вполне возможно, что просто следят за нами.

— Следят? Но через полчаса будет темно как в могиле, — возразил Тэрнер. — По-моему, это просто психологический прием.

— Бог его знает, — вздохнул Вэллери. — Я хорошо знаю только одно: отдал бы все, что у меня есть и что будет, за пару «корсаров», или за радиолокатор, или за туман, или еще за одну такую ночь, какая была, когда мы шли через Датский пролив. — Он рассмеялся, но ему помешал сильный приступ кашля. — Слышите, — продолжал он почти шепотом, — никогда не подумал бы, что захочу такую ночь еще раз... А сколько прошло с тех пор, как мы вышли из Скапа-Флоу, старпом?

— Пять-шесть дней, сэр, — прикинув в уме, ответил Тэрнер.

— Шесть дней! — как бы не веря, покачал головой Вэллери. — Шесть дней, а у нас осталось тринадцать кораблей... Ведь у нас тринадцать сейчас, старпом?

— Двенадцать, — тихо поправил его Тэрнер. — Тринадцатый почти затонул. Семь транспортов, танкер и мы. Двенадцать...

Неожиданно на мостик обрушился плотный снежный заряд. Дрожа от холода, Вэллери наклонился и опустил лицо вниз, чтобы закрыть его от ледящего ветра и колющего снега. Размышляя над чем-то, он просидел так целую минуту.

— На рассвете мы подойдем к мысу Нордкап, — сказал он рассеянно. — Надо полагать, что они не оставят нас в покое, бросят на конвой все, что только возможно.

— Но нам приходилось бывать там и раньше, может быть, проскользнем и на этот раз, — слабо возразил Тэрнер.

— У нас столько же шансов «за», сколько и «против», — продолжал Вэллери. Казалось, что он разговаривает с самим собой и совсем не слышит Тэрнера. — «Улисс» и сирены... Как бы нам не оказаться в морском царстве... Желаю вам всякого счастья, старпом.

Тэрнер с удивлением уставился на командира:

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

— О, и мне тоже, — подняв голову и улыбнувшись, сказал Вэллери. — Мне счастье также было бы очень кстати, — продолжал он мягким голосом.

Тэрнер сделал то, чего он не сделал бы никогда раньше. В наступившей темноте он склонился к Вэллери, осторожно повернул его голову и с искренним беспокойством и состраданием посмотрел ему в глаза. Вэллери не оказал никакого сопротивления. Выпрямившись через несколько секунд, Тэрнер сказал умоляющим голосом:

— Сделайте мне одолжение, сэр, спуститесь вниз. Я обо всем позабочусь. Скоро сюда вернется Кэррингтон, они уже одолевают пожар на юте.

— Нет, нет, старпом, только не сегодня. — Вэллери улыбался, но в его голосе чувствовалась какая-то отрешенность. — И не вздумайте вызывать на мостик одного из ваших любимых Сократов. Пожалуйста, не беспокойтесь, Тэрнер. Сегодня я хочу быть здесь, я должен быть на мостике.

— Да, да, конечно, сэр, — неожиданно согласился с ним Тэрнер. Затем, обернувшись назад, он крикнул: — Крайслер! Даю вам десять минут: приготовьте галлон горячего кофе в рубке командира... А вы, сэр, сходите туда на полчаса, — твердо добавил он, повернувшись к Вэллери, — и выпейте этот чертов напиток, или... или я...

— Превосходно! — проворчал Вэллери. — Разбавленный вашим несравненным ромом, конечно?..

— Конечно! Черт бы побрал этого Вильямсона! — раздраженно проворчал Тэрнер. Помолчав несколько секунд, он продолжал медленно: — Виноват, мне не следовало бы вспоминать его так. Бедняга... сейчас они уже выпили бы по чарке... — Он умолк, потом приподнял голову и прислушался. — Интересуюсь, сколько же этот «чарли» будет еще кружить над нами? — приглушенно пробормотал он.

Вэллери откашлялся и хотел что-то сказать, но в этот момент щелкнул динамик, и из него послышался металлический голос: «Мостик, вызывает радиорубка! Мостик, вызывает радиорубка! Две радиограммы...»

— Одна, наверное, от лихача Орра, — успел заметить Тэрнер.

«...Первая с «Сирруса». «Прошу разрешения подойти к борту судна для снятия людей. Семь бед — один ответ».

Вэллери повернулся к борту и, напрягая зрение, едва разглядел сквозь падающий снег и темноту ночи бегущие мимо «Улисса» высокие волны.

— На такой волне?! — удивленно воскликнул он. — Ведь совсем стемнело! Он же погубит себя!

— Это сущие пустяки по сравнению с тем, что ему придется выдержать от господина Старра, когда тот узнает о спасении людей в нарушение его указаний, — бодро заметил Тэрнер.

— У него нет никаких шансов благополучно подойти к судну в таких условиях. Я бы никогда не пошел на такой неоправданный риск. К тому же на транспорте уцелели, наверное, лишь немногие.

Тэрнер на это ничего не сказал.

— Передайте на «Сиррус», — четко приказал Вэллери, — «Благодарю вас. Разрешаю. Желаю удачи». От ко-
го вторая радиограмма?

После короткой паузы динамик снова щелкнул, и металлический голос продолжал: «Вторая радиограмма из Лондона, командиру, зашифрованная. Прошу прислать рассылного».

— Передайте ему, пусть читает вслух, — приказал Вэллери.

«Командиру конвоя эф-эр-семьдесят семь, — ожил снова динамик. — Глубоко сожалеем о случившемся. Неизменно следуйте курсом девяносто. На соединение с вами курсом зюйд-зюйд-ост полным ходом идет отряд боевых кораблей. Рандеву завтра, около четырнадцати ноль-ноль. Совет адмиралтейства выражает свои наилучшие пожелания контр-адмиралу, повторяю: контр-адмиралу Вэллери. Начальник оперативного управления. Лондон».

Динамик выключили, и на мостике слышался только негромкий писк гидролокатора да монотонный пульсирующий гул моторов «кондора». Молчание нарушил Карпентер:

— Господа в адмиралтействе необычно вежливы, — пробормотал он иронически. — Просто чрезвычайно вежливы!

— Только слишком долго собирались, черт бы их взял! — проворчал Тэрнер. — Поздравляю! — обратился он к Вэллери.

По мостику катился гул радостных возгласов. Забыв о какой бы то ни было дисциплине и субординации, каждый старался поздравить командира с повышением.

— Спасибо! Спасибо! — едва успевал отвечать глубоко тронутый вниманием Вэллери. — Большое спасибо! Но, господа, вы, кажется, забыли о самом важном в этой шифровке...

— О нет, нет, не забыли, — громко воскликнул Тэрнер. — Отряд боевых кораблей, ха! Как всегда, слишком поздно! О, будьте уверены, они поспеют как раз к нашей смерти, а может быть, и к ней-то опоздают! Подберут несколько человек, и то дело... Надо полагать, в отряде будут «Илластриес» и «Фьюриес»?!

— Возможно... Об этом нам не сообщают, — улыбнулся и покачал головой Вэллери. — Несмотря на мое... гм... повышение, я не разделяю уверенности лондонских адмиралов. Тем не менее в отряде будет какой-нибудь авианосец, и они смогут выслать самолеты, чтобы прикрыть нас на рассвете.

— О нет, на это лучше не рассчитывать, сэр, — посоветовал Тэрнер. — Погода, конечно, испортится, и самолеты не смогут подняться... Вот увидите, мои слова сбудутся.

— Возможно, возможно, Кассандра, — засмеялся Вэллери. — Поживем — увидим... Что вы хотите сказать, штурман? — продолжал он, увидев улыбку на лице Карпентера.

— Я просто вспомнил о нашем старшем докторе, сэр. Он удивится завтра больше всех, потому что уверен, что линейные корабли никогда не выходят в море, кроме как для участия в парадах на Спитхедском рейде в мирное время.

— Да, да, штурман, вы напомнили мне кое-что, — озабоченно продолжал Вэллери. — Старпом, ведь мы, кажется, обещали «Сиррусу»...

— Молодой Николас занят по горло, — сказал Тэрнер. — Он недолюбливает нас — военно-морской флот, я

хотел сказать, но, несомненно, любит свою работу. Раздобыл где-то жаростойкий костюм и, по словам Кэррингтона, уже... — он остановился на полуслове и бросил взгляд вверх, сквозь слабо падающий снег. — Э, что-то «чарли» слишком расшумелся, вы не находите, сэр?

Гул моторов нарастал с каждой секундой. Он усилился до оглушительного крещендо, когда бомбардировщик пролетел над сломанными мачтами «Улисса» на высоте каких-нибудь двухсот футов, а потом постепенно замер до равномерного рокота где-то в стороне, но по-прежнему рядом с конвоем.

— Радиорубка! Сигнал на эскортные корабли! — быстро крикнул Вэллери. — «Пусть самолет летит! Не трогайте его, не стреляйте осветительными, никакого огня!» Он хочет спровоцировать нас, чтобы мы дали обнаружить себя. Надеюсь, что транспорты не... О боже! Опоздали! Какой же это дурак сообразил...

Один из транспортов левой колонны открыл огонь не то из «эрликонов», не то из «бофортов», определить было трудно. Они стреляли вслепую, буквально в воздух, потому что определить направление на самолет по звуку моторов в такой темноте и при таком ветре и снеге — безнадежное дело.

Стрельба длилась не более десяти — пятнадцати секунд, но противнику этого было вполне достаточно. Самолет удался, но напряженный слух Вэллери безошибочно уловил неожиданное изменение тона гула моторов: летчик дал полный газ и набирал высоту.

— К чему эти фокусы, сэр? — спросил Тэрнер.

— Плохо, старпом, — уверенно ответил тихим голосом Вэллери. — Раньше они этого не делали, и это вовсе не психологическая атака, о которой вы говорили. На этот раз он даже не лишает нас дорогих минут сна; он не может позволить себе ждать, когда мы уже так близки к Нордкапу. Да и следить за нами так долго — рискованно: стоит нам пару раз резко изменить курс, и он потерял бы нас. — Вэллери глубоко вздохнул.

Внезапно, словно вспышка ослепительной молнии, в небе что-то сверкнуло, и ночь превратилась в день. Высоко над «Улиссом» повисла ярко светящая бомба, и снеговая завеса над конвоем стала как прозрачная марля. Широко раскачиваясь под парашютом в такт порывам ветра, бомба медленно опускалась вниз, к освещаемой ею поверх-

ности моря. Каждый корабль с его сверкающей оболочкой из льда и снега казался теперь с самолета ярким белым пятном на фоне чернильно-черного моря и неба.

— Огонь по бомбе! — крикнул Тэрнер в микрофон. — Все «эрликоны» и автоматы — огонь по этой дьявольской штуке! — Выключив микрофон, он ворчливо добавил: — При такой качке стрелять по ней — все равно что бросать пустые пивные бутылки на Луну... Чертовски неприятно так вот неожиданно оказаться как на ладони у противника.

— Да, — согласился Карпентер. — Это как во сне, когда тебе снится, что ты идешь по людной улице и вдруг неожиданно вспоминаешь, что на тебе, кроме часов на руке, ничего не надето... Гол как сокол... Застигнутый со спущенными кальсонами. — Обводя взглядом темный горизонт вокруг освещенного бомбой пятачка, он рассеянно смахивал снег со стеганой капковой куртки. — Мне это дело совсем не нравится, — пожаловался он.

— Я тоже не в восторге, — печально произнес Вэллери. — Мне не нравится и то, что «чарли» неожиданно куда-то исчез.

— Он и не думал исчезать, — возразил Тэрнер. — Слушайте!

В наступившей напряженной тишине послышался отдаленный прерывистый рокот мощных моторов.

— Он идет на нас с кормы, — нарушил тишину Тэрнер.

Менее чем через минуту «кондор» снова пролетел над «Улиссом», на этот раз выше, где-то за облаками. Он сбросил еще одну светящую бомбу, теперь уже намного выше, чем первую, и точно над центром походного порядка конвоя.

И снова рокот моторов сначала замер вдали, а потом стал усиливаться, по мере того как самолет нагонял конвой во второй раз. Показываясь лишь на доли секунды в разрывах гонимых ветром облаков, он летел на этот раз намного левее «Улисса», точно над снижавшимися к морю ярко светящими бомбами. Когда он пролетал мимо, бомбы взорвались и ярко осветили все вокруг. Их теперь было четыре, и они взрывались через четырехсекундные интервалы. Северная часть горизонта осветилась, как днем, как для киносъемки; видно было все в самых мельчайших деталях. Южная часть горизонта, наоборот, представляла

собой черную полосу: граница светового колпака проходила как раз за правой колонной судов.

Тэрнер первый разгадал замысел противника и грозящие конвоем последствия. Решение возникло у него в голове с быстротой молнии: не спросив даже разрешения — нельзя было терять ни секунды, — он бросился к микрофону радиотрансляционной сети и закричал хриплым голосом:

— Вторая башня! Осветительные снаряды — на правый борт! Курсовой девяносто правого борта, девяносто правого борта! Немедленно! Огонь осветительными снарядами, курсовой девяносто правого борта! Угол возвышения десять градусов! Дальность стрельбы минимальная! Огонь открыть по готовности! — Он быстро оглянулся через плечо. — Штурман, посмотрите...

— Вторая башня разворачивается, сэр, — не дав Тэрнеру закончить вопрос, ответил Карпентер.

— Хорошо! Очень хорошо! — радостно воскликнул Тэрнер и, включив снова микрофон, продолжал: — Все орудия! Все орудия! Приготовиться к стрельбе по цели с правого борта! Вероятный курсовой — девяносто градусов! Предположительная цель — бомбардировщик-торпедоносец!

Еще не закончив выкрикивать слова команды, Тэрнер заметил, как на ноке нижнего рея замигал боевой сигнальный огонь: Вэллери приказал передать всем судам и кораблям конвоя предупредительный сигнал.

— Вы правы, старпом, — тихо произнес Вэллери.

Исхудавшее, с туго обтянутыми мертвенно-бледной кожей заострившимися скулами, его лицо при таком освещении походило на лицо древней высохшей мумии. О том, что это живой человек, говорили только искорки в глубоко посаженных глазах да едва заметное дрожание бескровных век после неожиданного залпа второй башни.

— Вы, наверное, правы, — медленно продолжал Вэллери, — все суда подсвечиваются с севера, и есть прекрасная возможность подойти с юга-под покровом темноты. — Он внезапно замолчал, потому что в этот момент в двух милях к югу разорвались осветительные снаряды. — Вы совершенно правы, — повторил он. — Вон они летят!

Они появились с юга, крыло к крылу, тремя волнами, по четыре-пять самолетов в каждой волне. Они шли на высоте около пятисот футов, но их носы уже наклонились

вниз для выхода в торпедную атаку. Снижаясь, они расходились веером, как бы в поисках своей жертвы, по крайней мере, так казалось сначала. Но уже через несколько секунд стало ясно, что торпедоносцы решили сосредоточить усилия на двух кораблях, только на двух кораблях: «Стирлинге» и «Улиссе». Даже такие заманчивые цели, как поврежденный транспорт и эсминец «Сиррус», который почти остановился у его борта, они оставили в покое. Самолеты, видно, неуклонно выполняли данные им указания о выборе целей.

Вторая башня дала еще два залпа осветительными снарядами, установленными на минимальную дистанцию, и зарядила орудия фугасными. Все орудия на судах и кораблях конвоя открыли интенсивный заградительный огонь. Торпедоносцы — опознать их было трудно, но, кажется, это были «хейнкели» — вынуждены были лететь сквозь плотную завесу из взрывов и сквозь дождь стальных осколков. Внезапная атака противнику не удалась: осветительные снаряды с «Улисса» позволили выиграть бесценные двадцать секунд.

На «Улисс» шли пять самолетов, отделившись друг от друга, чтобы рассеять огонь, но каждый из них избрал себе одну и ту же цель. Сейчас они уже переходили на горизонтальную траекторию и ложились на курс атаки, пролетая почти вплотную к гребням волн. Один из них, видимо выровненный пилотом с опозданием на какие-то доли секунды, слегка зацепил за гребень волны, скользнул по ней, казалось, без последствий, но потом снова начал подскакивать с волны на волну, пока не ткнулся носом в подошву одной из них и не скрылся под ней навсегда.

Секундой позднее средний ведущий бомбардировщик разлетелся на бесчисленное множество горящих обломков — результат прямого попадания снаряда в боевое зарядное отделение торпеды. Третий самолет, шедший несколько позади и западнее ведущего, резко отклонился от курса влево, чтобы не столкнуться с горящими обломками, и сбросил свою торпеду, не прицеливаясь, и она прошла в ста метрах от кормы «Улисса».

Два оставшихся бомбардировщика упорно шли к цели. Прошло две секунды, три, четыре... Каким-то чудом оставаясь невредимыми, они все еще летели сквозь падающий снег и плотную завесу зенитного огня. Теоретически идущий прямо на вас самолет поразить очень легко, практи-

чески же это удастся очень редко. Напряжение нервов, возбуждение и страх — главные помехи этому. При атаке бомбардировщика-торпедоносца среднего исхода не бывает: или вы сбиваете его, или он убивает вас. Вряд ли существует более сильное нервное напряжение, чем то, которое испытывает артиллерист, когда он видит в открытом прицеле своего орудия молниеносно надвигающуюся на него махину и знает, что жить ему осталось каких-нибудь пять секунд... Меткой стрельбе зенитчиков «Улисса» мешала, ко всему прочему, сильная килевая качка корабля.

Эти два торпедоносца шли рядом, крыло к крылу. Самолет, целившийся в носовую часть корабля, сбросил торпеду примерно в двухстах метрах и, отвернув вправо, в ту же секунду начал резко набирать высоту, одновременно обстреливая носовые надстройки «Улисса» из легкой пушки и пулемета. Торпеда ударилась об воду под углом, высоко подскочила в воздух, затем снова упала носом вниз и зарылась в высокой волне. Эта торпеда прошла под килем «Улисса».

Но за несколько секунд до этого последний, пятый, самолет атаковал «Улисс», атаковал с трагическим финалом для себя... Он шел на высоте не более десяти футов над гребнями волн и врезался в «Улисс», не сбросив своей торпеды и не успев набрать ни одного дюйма высоты. На расстоянии ста метров от цели пилот отчаянно пытался поднять самолет, но то ли из-за неисправности, то ли из-за низкой температуры механизм сбрасывания торпеды не сработал, и времени на подъем с таким грузом не осталось. Самолет врезался носом в переднюю дымовую трубу «Улисса». Правое крыло бомбардировщика, ударившись об основание треногой мачты, отскочило в сторону, как картонное. Удар сопровождался мгновенной ослепительной вспышкой бензина, но ни дыма, ни огня не было. В следующее мгновение исковерканный самолет, точнее, его горящие обломки плюхнулись в шипящее море в пятнадцать метрах от левого борта «Улисса». Очередная волна еще не успела полностью их накрыть, как раздался гигантский подводный взрыв. Удар взрывной волны по левому борту «Улисса» был настолько мощным, что корабль резко накренился на правый борт, люди полетели со своих мест, вышла из строя система освещения левого борта.

Преодолевав боль во всем теле, ошеломленный Тэрнер с трудом поднялся на ноги. Буквально в двух шагах от него только что разорвались несколько небольших снарядов. Он оказался на палубе еще до того момента, когда самолет с торпедой взорвался над водой — Тэрнер бросился на нее пятью секундами раньше, когда самолет, пролетавший мимо носовой части «Улисса», обстрелял мостик прямой наводкой.

Первый, о ком подумал Тэрнер, был Вэллери. Командир лежал в какой-то неестественной позе на боку, прижавшись всем телом к нактоузу. Тэрнер быстро наклонился к нему и осторожно повернул его на спину: никаких признаков жизни! Ран и крови, слава богу, не было. Тэрнер снял рукавицу и сунул руку под капковую куртку и свитер командира: ему показалось, что он ощущает слабое, очень слабое биение сердца. Тэрнер осторожно приподнял голову Вэллери с покрытой снегом палубы и оглянулся через плечо назад. Рядом стоял Карпентер.

— Немедленно вызовите сюда Брукса, штурман! — приказал он торопливо. — Пусть как можно скорее поднимется на мостик!

Шатаясь от усталости и легкой контузии, Карпентер направился к телефону. Около аппарата, наклонившись вперед, стоял матрос с телефонной трубкой в правой руке.

— Вызовите лазарет, быстро! — приказал Карпентер. — Скажите, чтобы старший врач... — Он внезапно замолчал, заметив, что матрос никак не реагирует на его слова. Предположив, что он еще не пришел в себя после взрыва, штурман подошел ближе и сердито сказал: — Ну-ка дайте мне трубку!

Выдернув трубку из руки матроса, Карпентер застыл в ужасе: неестественно цепляясь распростертыми руками за переборку и телефонный аппарат, матрос начал медленно падать вниз лицом. Наклонившись над ним, штурман увидел на его спине кровоточащую рваную рану величиной с рукавицу. Перевалившись через комингс открытой двери, тело телефониста с глухим стуком рухнуло на кабину гидролокационной установки. Карпентер успел заметить, что кабина до неузнаваемости изрешечена пулеметными пулями и снарядами, и первое, о чем он подумал, — «Улисс» потерял последнее средство защиты от нападения подводных лодок, аппаратура в кабине наверняка разбита и вышла из строя. И тут он вспомнил, что кроме

аппаратуры в кабине находился матрос-оператор гидролокационной станции... Оглянувшись кругом, Карпентер увидел поднимавшегося на ноги Крайслера, который тоже с тревогой смотрел на кабину гидролокационной станции. Шатаясь, Крайслер подошел к кабине и попытался открыть входную дверь, но она не поддавалась никаким его усилиям: ее, видимо, намертво заклинило. Услышав отчаянное рыдание Крайслера, Карпентер сначала удивился, но потом вспомнил, что фамилия оператора гидролокационной установки тоже Крайслер... Там находился его брат... Почувствовав приступ тошноты, Карпентер снова взялся за телефонную трубку...

Подложив рукавицу под голову Вэллери, Тэрнер перешел на правый борт компасной площадки. Бентли, как всегда тихий и скромный, сидел на палубе. Его спина была втиснута в узкое пространство между двумя трубопроводами, а голова безжизненно склонилась на грудь. Приподняв голову Бентли за подбородок, Тэрнер убедился, что он уже не нуждается в помощи — он был мертв. Проклиная вполголоса немецких летчиков, Тэрнер попытался разжать застывшие пальцы Бентли и вытащить из его рук сигнальный фонарь Олдиса, но тут же понял, что не сможет сделать этого... Узкий луч света фонаря мрачно пронизывал весь затемненный мостик.

Тэрнер методично осмотрел все уголки на мостике. Он обнаружил еще троих убитых: все они умерли мгновенно, без страданий... Подойдя к заднему трапу, он взглянул на зияющую черную дыру в том месте, где была передняя дымовая труба, на превратившуюся в груды развалин и обломков шлюпочную палубу... Круто повернувшись, он возвратился на компасную площадку.

На расстоянии одной мили впереди по курсу был виден «Стирлинг». Он отворачивал вправо, на зюйд-ост. Его носовые надстройки были охвачены ярким пламенем пожара. Пытаясь определить характер повреждений, Тэрнер направил на крейсер ночной бинокль, но, кроме бушующей стены огня, закрывшей корабль от полубака до кормовой части мостика, увидеть ничего не удалось. Видно было только, что «Стирлинг» сильно накренился на правый борт. Позднее узнали, что он принял на себя два удара: торпеды, взорвавшейся в носовом котельном отделении, а через несколько секунд — самолета вместе с подвешенной под фюзеляжем торпедой, ударившегося прямо в мостик.

Как и при атаке «Улисса», пилот не смог освободиться от торпеды из-за неисправности механизма сбрасывания. Смерть для всех находившихся на мостике и в помещениях под ним была мгновенной. Среди убитых были командир корабля Джефферис, помощник командира и штурман.

Последний бомбардировщик еще не скрылся в темноте, когда Кэррингтон, водворив на место телефонную трубку на юте, обратился к Хартли:

— Думаю, что вы теперь справитесь, главстаршина? Меня вызывают на мостик.

— Конечно, сэр, — ответил Хартли, перемазанный сажей и пеной из огнетушителей. — Самое страшное позади, — продолжал он, вытирая пот рукавом. — А где лейтенант Карслейк? Разве он не должен?..

— Забудьте о нем, Хартли, — резко прервал его Кэррингтон. — Я не знаю, где он, и знать не хочу. Откровенно говоря, нам без него даже лучше, старшина. Если он придет, вы по-прежнему здесь старший. Присмотрите за всем.

Кэррингтон повернулся и быстро пошел по левому борту к полубаку. Лед и слой свежего снега на палубе совершенно заглушали тяжелую поступь его ног в огромных резиновых сапогах.

Проходя мимо разбитой корабельной лавочки, Кэррингтон увидел скрытую в тени фигуру высокого человека, который стоял между покрытым снегом совком внешней торпедной трубы и последней стойкой леерного ограждения борта. Ударяя огнетушителем о стойку, человек пытался таким образом открыть на нем замерзший клапан. Секундой позже Кэррингтон увидел, как из тени внезапно появился еще один человек. Бесшумно ступая по снегу, крадучись, он приблизился к первому и занес над его головой какой-то тяжелый предмет.

— Полундра! Оглянись назад! — тревожно воскликнул Кэррингтон.

Все произошло в какое-то мгновение. Пытаясь нанести удар, нападающий сильно наклонился вперед; тот, кому предназначался удар, молниеносно отбросил огнетушитель и рывком присел на палубу. Не удержав равновесия, нападающий перелетел через свою жертву и с диким воплем свалился за борт, так как оградительные леера около торпедного аппарата были срублены.

Кэррингтон подбежал к лежащему на палубе человеку и помог ему подняться на ноги. Маячившая вдали последняя светящая бомба еще не угасла, поэтому Кэррингтон сразу же узнал человека — это был торпедист старший матрос Ралстон. Он схватил его за руки и, заглянув в лицо, озабоченно спросил:

— Как вы себя чувствуете? Он ударил вас? Кто же это был, черт возьми?

— Спасибо, сэр, благодаря вам я, как видите, жив и здоров. — Ралстон тяжело дышал, но лицо его, как всегда, было спокойным. — На этот раз он подошел слишком близко! Большое спасибо вам, сэр, за предупреждение.

— А кто это был, Ралстон? — с любопытством переспросил Кэррингтон.

— Я не видел его, — улыбаясь, ответил Ралстон, — но я знаю, кто это — младший лейтенант Карслейк, вот кто. Он ходил за мной по пятам весь вечер, не спуская глаз с меня. Теперь ясно, зачем ему это нужно было.

Вывести помощника из равновесия или нарушить его олимпийское спокойствие было не так просто, но на этот раз он не выдержал и, возмущенно покачав головой, сказал:

— Я так и думал, что он поганая сволочь. Собаке — собачья смерть! Не знаю, что скажет на это командир, но...

— А зачем говорить ему об этом? — перебил его Ралстон. — Зачем говорить вообще кому-нибудь? У него, возможно, есть родственники. Зачем их огорчать? Пусть каждый думает о нем что хочет. Пусть все думают, что он геройски погиб, борясь с пожаром, или упал за борт во время тушения пожара... или что-нибудь в этом роде. — Ралстон посмотрел вниз, на бегущие мимо холодные темные волны. — Царство ему небесное, сэр, он получил то, что заслужил.

В течение нескольких секунд Кэррингтон безмолвно смотрел на волны, поглотившие Карслейка... Потом он повернулся к Ралстону, крепко пожал ему руку, кивнул в знак согласия и решительно зашагал к трапу на мостик.

Тэрнер слышал, как хлопнула входная дверь, опустил бинокль и увидел рядом с собой Кэррингтона, безмолвно смотревшего на охваченный огнем крейсер. В этот момент Вэллери слабо застонал. Нагнувшись, Кэррингтон увидел на палубе распростертое тело.

— Боже мой! Это же командир! Он серьезно ранен, сэр?

— Не знаю, помощник. — Нагнувшись над Вэллери, он подхватил его под руки, приподнял и посадил.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — озабоченно спросил он. — Вас что-нибудь ударило?

Содрогаясь от затяжного приступа кашля, Вэллери долго не мог ответить, потом, слабо покачав головой, прошептал:

— Кажется, все в порядке. Когда начался обстрел, я бросился на палубу, но, видимо, стукнулся об нактоуз. — Он ощупал свой посиневший и вспухший лоб. — А как корабль, старпом?

— К черту корабль! — сердито проворчал Тэрнер. Он обхватил Вэллери рукой и осторожно поднял его на ноги. — Как дела на корме, помощник?

— Пожар еще не ликвидирован, но опасности уже нет. Я назначил там старшим Хартли.

О Карслейке Кэррингтон не сказал ни слова.

— Хорошо. Заступайте на вахту. Запросите по радио «Стирлинг» и «Сиррус», как у них дела. Пойдемте в рубку, сэр, — добавил Тэрнер, обращаясь к Вэллери.

Вэллери слабо запротестовал, но держаться на ногах он не мог. Увидев пересекающий мостик узкий луч света и серебриющиеся в нем снежинки, Вэллери проследил за ним взглядом.

— Бентли? — прошептал он. — Не может быть!..

Заметив, что Тэрнер подтвердил его предположение легким кивком головы, Вэллери с тяжелым вздохом отвел взгляд от сидящего на палубе Бентли... Они прошли мимо убитого телефониста и остановились у кабины гидролокационной станции. Опираясь руками на дверь кабины, прижавшись лицом к своим рукавицам, здесь все еще стоял рыдающий Крайслер. Вэллери слегка коснулся его вздрагивающих плеч и тихо спросил:

— В чем дело, Крайслер? Что случилось?

— Дверь, сэр, — приглушенным, дрожащим голосом ответил Крайслер. — Я никак не могу открыть ее, сэр.

Только теперь Вэллери заметил, что кабина вся изрешечена и смята. А за этой дверью наверняка лежит разорванный на куски матрос-гидроакустик...

— Да, — сказал тихо Вэллери, — дверь перекосилась... Ничего не сделаешь, Крайслер. — Он взглянул на мокрое

от слез лицо матроса. — Иди, мальчик, здесь уже ничего не сделаешь...

— Но там мой брат! — воскликнул Крайслер.

«Боже, конечно!» — вспомнил Вэллери... Как же он мог забыть об этом!.. «Конечно же, старший матрос-гидроакустик Крайслер...» Вэллери посмотрел вниз, на лежавшее у его ног тело убитого телефониста, которое уже слегка запорошило снегом...

— Старпом, нельзя ли выключить фонарь Олдиса? — спросил он рассеянно. — И потом, Крайслер!

— Есть, сэр! — отозвался торпедист.

— Спуститесь вниз и принесите кофе, пожалуйста.

— Кофе, сэр? — смущенно и непонимающе повторил Крайслер. — Кофе? А как же... как же мой брат?..

— Я знаю, знаю, — мягко сказал Вэллери. — И все же принесите мне кофе, пожалуйста.

Спотыкаясь на каждом шагу, Крайслер неохотно пошел вниз.

Когда командир и старший помощник вошли в рубку и закрыли за собой дверь, автоматически включившую освещение, Вэллери обратился к Тэрнеру:

— Не прошло и двадцати четырех часов после того, как Ралстон стрелял в своего отца... А теперь этот юноша... Пожалуй...

— Я обо всем позабочусь, сэр, — перебил его Тэрнер. — Я постараюсь занять его чем-нибудь внизу, пока мы не откроем дверь в гидроакустическую рубку... Садитесь, сэр, и выпейте глоток вот этого. Бедняга Вильямсон выдал мой секрет... Алло! Войдите!

Свет выключился, и в слабо различаемом проеме открытой двери появилась плечистая фигура. А когда дверь снова захлопнулась и включился яркий свет, в рубке стоял тяжело дышавший, покрасневший Брукс. Его глаза сразу же остановились на бутылке в руке Тэрнера.

— Ого! — произнес он после короткой паузы. — Небольшая пирушка? Не сомневаюсь, что принимаются любые вклады? — Он открыл свою сумку и начал в ней рыться, но в этот момент кто-то громко постучал в дверь.

— Войдите! — отозвался Вэллери.

Вошедший рассыльный передал Вэллери радиограмму.

— Из Лондона, сэр. Старшина сказал, что может быть ответ...

— Хорошо. Я тогда позвоню в радиорубку.

Дверь открылась и снова закрылась. Вэллери с радостью посмотрел на пустые руки Тэрнера:

— Спасибо за то, что не растерялись и так быстро убрали все улики. — Он улыбнулся. Потом, покачив головой, добавил: — Что-то я ничего не вижу. Прочитайте-ка шифровку, старпом.

— А вы примите-ка настоящее лекарство, командир, — предложил Брукс, — вместо этой дряни, которую вам предлагает Тэрнер. — Он порылся в своей сумке и достал из нее бутылку с жидкостью янтарного оттенка. — Из всего, что имеет современная медицина, то есть по крайней мере из всего, чем располагаю я, лучшего, чем это, вы не найдете.

— А вы сказали Николасу? — спросил Вэллери.

Он растянулся на небольшом диване и закрыл глаза. На его бескровных губах едва обозначилась слабая улыбка.

— О нет, — признался Брукс, — но время еще есть... Налить?

— Спасибо. Ну как, старпом, новости приятные?

— Приятные! — с иронией произнес Тэрнер. — Держите карман шире! Нет, сэр, это совсем не приятные новости. «Командиру конвоя эф-эр-с七十二 семь, контр-адмиралу Вэллери. — Тэрнер читал шифровку монотонным голосом, без выражения. — Поступили данные, что после захода солнца из Альтен-фиорда вышел «Тирпиц» в сопровождении крейсеров и эскадренных миноносцев. На аэродроме в Альтен-фиорде большое оживление. Предполагаю опасное появление кораблей в море под прикрытием авиации. Примите все меры, чтобы избежать бессмысленных потерь судов и кораблей. Начальник оперативного управления. Лондон». — Тэрнер тщательно сложил шифровку в четыре раза и положил ее на стол. — Как вам это нравится? — Он был возмущен. — Что же теперь будет?

Пока Тэрнер читал шифровку, Вэллери приподнялся и сидел теперь на диване прямой как стрела, не замечая, что из уголка рта у него течет тонкая струйка крови. Лицо его было спокойным.

— Если вы не возражаете, Брукс, теперь я выпью стаканчик вашего лекарства, — тихо проговорил он, размышляя о чем-то другом. — «Тирпиц», «Тирпиц», — повторял он про себя, медленно покачивая головой.

«Тирпиц» — имя, которое в течение последних двух лет никто из морских стратегов в Северной Атлантике не мог произнести без чувства суеверного страха. Наконец-то он выходит в море, этот бронированный колосс, однотипный с другим исполином, который одним залпом потопил крейсер «Худ» — гордость королевского флота, самый мощный корабль в мире; таким его считали, по крайней мере, английские моряки. На что же может рассчитывать их крошечный крейсер?..

— Итак, господа, всему приходит свое время, даже «Тирпицу». Должен же был он выйти когда-нибудь. Нам просто не повезло — слишком мы близкая и аппетитная приманка.

— Мой юный коллега, вероятно, получит удовольствие, — ехидно заметил Брукс, — увидев в море настоящий линейный корабль.

— После захода солнца, — размышлял вслух Тэрнер, — после захода... Боже! — воскликнул он громко. — Даже учитывая переход по фиорду, можно ожидать, что корабли нагонят нас через четыре часа!

— Совершенно верно, — согласился Вэллери. — И уклоняться на север теперь нет никакого смысла: они нагонят нас прежде, чем мы успеем сократить дистанцию между нами и нашими кораблями на севере до ста миль.

— Нашими кораблями на севере? — издевательски повторил Тэрнер. — Я не люблю повторяться, как граммофонная пластинка, но в данном случае мне хочется повторить то, что я сказал о них раньше: как и всегда, их выслали слишком поздно! — Он немного помолчал. — Надо полагать, что господин Старр, этот старый... теперь полностью удовлетворен!

— Зачем же все в таких мрачных красках? — не без иронии спросил Вэллери. — Нам предоставлено право в целости и сохранности возвратиться в Скапа-Флоу. Для этого потребуется всего-навсего сорок восемь часов. «Избежать бессмысленных потерь судов и кораблей», — повторил он слова шифровки. — «Улисс», пожалуй, самый бестроходный корабль в мире, господа. Мы запросто можем вернуться.

— Нет, нет! — запротестовал Брукс. — Слишком крутой поворот дел, я не вынесу этого! — добавил он шутливо.

— Повторить историю конвоя пи-кью-семнадцать? ¹ — презрительно спросил Тэрнер. — Военно-морские силы Великобритании больше никогда не допустят этого, а капитан первого ранга, виноват, контр-адмирал Вэллери никогда не разрешит этого! А что касается меня самого и — я совершенно уверен — всей нашей бунтарской команды, э... вряд ли нам удастся поспать так, как мы поспим сегодня.

¹ PQ-17 — большой смешанный конвой. В него входило более 30 английских, американских и панамских судов. Конвой вышел из Исландии в Россию в охранении шести эскадренных миноносцев и около десятка меньших кораблей. Силы поддержки конвоя были представлены эскадрой английских и американских крейсеров и эсминцев. Силы прикрытия, также смешанные, состоявшие из одного авианосца, двух линейных кораблей, трех крейсеров и флотилии эсминцев, находились севернее основного маршрута конвоя. Как и в описываемом в книге случае с конвоем «FR-77», силы прикрытия представляли собой пружину капкана, который захлопнулся слишком поздно.

Это произошло в середине лета 1942 года, когда в Арктике не бывает ночей. На меридиане 20 градусов восточной долготы конвой подвергся ожесточенным атакам немецких подводных лодок и самолетов.

В тот день, когда начались атаки конвоя — 4 июля — командующему силами поддержки (эскадрой крейсеров и эсминцев) сообщили, что из Альтен-фиорда в море вышел «Тирпиц». (Фактически «Тирпиц» совершил очень кратковременную вылазку в море лишь во второй половине дня 5 июля и к вечеру уже возвратился в базу, так как был поврежден торпедой с советской подводной лодки.) Получив сообщение о выходе «Тирпица» в море, силы поддержки и корабли охранения оставили конвой PQ-17 на произвол судьбы и немедленно отошли на запад. Судам конвоя было предложено рассредоточиться и следовать в русские порты самостоятельно, без охранения. Нетрудно представить, какое впечатление произвели на экипажи торговых судов эти предательские, под девизом «Спасайся кто как может!», действия военных кораблей. Охватившие торговых моряков чувства беззащитности и страха также вполне понятны. Но их даже самые худшие предположения оказались весьма далекими от того, что произошло в действительности: немецкие подводные лодки и самолеты потопили 23 судна. «Тирпиц» вблизи конвоя так и не появился. Военные корабли покинули конвой только на основании того, что «Тирпиц» мог появиться.

Автор не знает всех фактов, касающихся конвоя PQ-17, и не намерен интерпретировать те из них, которые ему известны; тем более автор не берет на себя смелость возлагать на кого-либо вину. Однако следует все же отметить, что вина совершенно определенно не может быть возложена на командующего силами поддержки — адмирала Гамильтона, так как он не имеет никакого отношения к принятию решения об отзыве кораблей. Силы поддержки получили приказ от адмиралтейства и должны были подчиниться ему. — *Прим. автора.*

— Ого! Да вы настоящий поэт, Тэрнер, — пробормотал Брукс.

— Вы правы, старпом! — согласился Вэллери. Он осушил свой стакан и снова растянулся на диване. — У нас нет никакого выбора... А что, если мы получим приказ полным ходом возвратиться назад?

— Вы не можете читать, — резко ответил Тэрнер. — Вы же только что сказали, что ваши глаза ничего не видят!

— Благодарю вас, господа. Вы облегчили для меня принятие решения, — радостно проговорил Вэллери и, посмотрев на Тэрнера, продолжал: — Информируйте все суда и эскортные корабли. Прикажите им отходить на север!

Тэрнер смотрел на него изумленным взглядом.

— На север? Вы сказали, на север? Но адмиралтейство...

— Да, я сказал на север, — тихо, но твердо повторил Вэллери. — Адмиралтейство может делать все, что ему угодно. Что они могут приказать нам еще? При отходе на север у нас остается какой-то шанс, почти безнадежный, но все-таки какой-то шанс прорваться с боем. Идти на восток — это самоубийство. Какой будет финал — не столь уж важно. Думаю, что мне не придется отвечать за эти действия ни теперь, ни когда-либо вообще.

Тэрнер одобрительно улыбнулся.

— Значит, на север? .

— Да. Информируйте командующего флотом, — продолжал Вэллери. — Попросите штурмана рассчитать курс на встречу. Передайте на суда конвоя, что мы будем следовать за ними и сделаем все, что возможно, для их прикрытия до тех пор, пока будем живы сами. Не будем обманывать себя: шансов выжить у нас только один из тысячи... Есть еще что-нибудь, что мы могли бы сделать, старпом?

— Разве только помолиться, — ответил Тэрнер.

— И поспать! — добавил Брукс. — Почему бы вам не заснуть на полчаса, сэр!

— Поспать! — Вэллери искренне рассмеялся. — Скоро нам будет предоставлено неограниченное время для сна.

— В ваших словах, сэр, заложен глубокий смысл, — согласился Брукс. — Очень возможно, что вы правы.

СУББОТА. ВЕЧЕР. II

На мостик «Улисса» одно за другим, непрерывным потоком поступали донесения и запросы. В запросах судов звучали испуг, тревога, недоверие, просьба подтвердить выход «Тирпица» в море. «Стирлинг» сообщал, что пожар верхних надстроек локализован и что водонепроницаемые переборки машинного отделения пока выдерживают. Орт доносил с «Сирруса», что насосы едва успевают откачивать поступающую в трюмы забортную воду, что корабль имел сильное столкновение с тонущим транспортом, что он снял с него сорок четыре человека и что «Сиррус» уже сделал все, что мог, и теперь ему было бы лучше возвратиться в базу. Это донесение пришло еще до того, как «Сиррус» получил информацию о выходе «Тирпица». Прочитав его, Тэрнер улыбнулся: он знал, что теперь Орт ни под каким предлогом не захочет покинуть конвой, чтобы вернуться в базу.

Соблюдать радиомолчание или запретить пользоваться световой сигнализацией не было никакого смысла. Место конвой было известно противнику с точностью до одной мили, а пожар, поыхавший на «Стирлинге», освещал все вокруг на расстоянии десятка кабельтовых. Поэтому донесения и запросы передавали и по радио и визуальными средствами. Но наиболее тревожное донесение поступило к Тэрнеру не по радио и не при помощи сигнального фонаря.

После атаки самолетов прошло уже более пятнадцати минут, и «Улисс», разрезая встречную волну, шел теперь новым курсом — триста пятьдесят градусов, когда на мостике неожиданно появился с трудом переводивший дыхание котельный машинист. Его лицо и лоб были усыпаны мелкими, заледеневшими на морозе бисеринками пота. Несмотря на страшный холод, на нем не было ничего, кроме комбинезона из тонкой хлопчатобумажной ткани. Он дрожал как осиновый лист, но не столько от ледяного ветра, сколько от крайнего возбуждения.

Тэрнер схватил его за плечо.

— В чем дело?

Матрос все еще не мог перевести дыхание и ответить.

— Что случилось? Говори же скорей!

— Цен-траль-ный пост, сэр... — Матрос дышал так часто, что говорил по слогам. — Там полно воды!

— Центральный пост? — переспросил Тэрнер. — Затоплен? Когда это произошло?

— Я не знаю, сэр, — ответил матрос, жадно глотая воздух. — Что-то взорвалось, сэр, как раз в средней части...

— Знаю, знаю! — Тэрнеру стало все понятно. — Бомбардировщик сбил переднюю трубу и взорвался в воде у левого борта. Но это же было пятнадцать минут назад! Четверть часа! Боже мой! Ведь они уже...

— Телефонная связь с постом прервана, сэр. — Матрос начал приходить в себя и почувствовал, что замерзает. Спасаясь от ветра, он повернулся к нему спиной и пригнулся, но, обескураженный медлительностью старшего помощника, тут же снова выпрямился и, забыв в отчаянии, с кем имеет дело, схватил Тэрнера за грудки. — Электроэнергии на левом борту нет, сэр. Крышку люка заклинило! Люди не могут выйти оттуда!

— Заклинило крышку! Что же произошло? Перекос?

— Противовес оторван, сэр. Он лежит на крышке люка. Мы смогли открыть ее только на один дюйм. Понимаете, сэр...

— Помощник! — крикнул Тэрнер.

— Есть, сэр! — Кэррингтон стоял позади него. — Я все слышал... Почему же вы не можете открыть крышку?

— Но это же люк в центральный пост! — с отчаянием крикнул матрос. — Крышка очень тяжелая, сэр. Знаете, та, что под трапом из поста управления рулем. К ней одновременно могут подойти только два человека. Мы уже пытались... Поскорее, сэр, пожалуйста, поскорее...

— Минутку, минутку, — рассуждал вслух Кэррингтон. — Хартли? Нет, он еще тушит пожар. Эванс, Макинтош погибли. Может быть, Беллами?

— Что вы бормочете, помощник? — нетерпеливо спросил Тэрнер. — Что вы собираетесь?..

— Крышка люка плюс противовес — четыреста пятьдесят килограммов, — продолжал размышлять вслух Кэррингтон. — Для такой работы нужен особый человек...

— Петерсен, сэр! — без промедления подсказал сразу понявший все котельный машинист. — Петерсен!

— Конечно! — радостно воскликнул Кэррингтон. — Мы пошли, сэр... Ацетиленовую горелку? Нет, не надо,

нет времени! Нам понадобятся ломы и кувалды... А вот в машинное отделение, пожалуй, позвоните.

Но Тэрнер уже догадался и схватился за телефонную трубку.

В кормовой части крейсера, на палубе и в помещениях под ней Хартли и его команда, охватываемые то леденящим, пронизывающим до костей ветром, то ошпаривающим, обжигающим кожу раскаленным воздухом, работали как одержимые. Одного за другим они вытаскивали людей из башен, из помещения корабельной полиции, из кубриков, из аварийного поста управления рулем. Они вытаскивали их, осматривали, ругались на чем свет стоит, оплакивали и стиснув зубы снова бросались в пекло, забывшая о боли и опасности, разгребая горячие, все еще раскаленные докрасна обломки, хватая их прожженными, дырявыми рукавицами, а то и голыми руками...

Тела убитых складывали на верхней палубе, у правого борта. Здесь находился старший матрос Дойл. Еще полчаса назад он, преодолевая адскую боль, оттаивал у камбузной плиты. Через пять минут Дойл возвратился к своему автомату и прямой наводкой посылал снаряд за снарядом по приближавшимся торпедоносцам. А теперь как ни в чем не бывало он помогал своим товарищам на юте. Он поднимал труп, подходил к леерному ограждению и осторожно сбрасывал за борт свою тяжелую ношу. Сколько трупов уже препроводил он за борт? Дойл не ответил бы на этот вопрос, так как после двух десятков сбился со счета. Наверное, это было неуважительно по отношению к погибшим товарищам. Похоронная церемония обычно соблюдается на флоте очень строго, а Дойл хоронил всех без всякой церемонии. Матрос-парусник, шивший похоронные брезентовые мешки, сам оказался среди убитых, а никто другой не мог, да и времени не имел, заняться их изготовлением.

Мертвым теперь уж все равно, — хладнокровно заявил Дойл.

Кэррингтон и Хартли согласились с ним.

Николас и старший радист Браун, все еще облаченные в белые асбестовые костюмы, спустились на раскаленную палубу кормового кубрика над снарядным погребом четвертой башни. Почти не видя друг друга в клубах пара

и дыма, с большим трудом, скорее руками, на ощупь, чем зрением, нашли они люк, ведущий в погреб. Вооружившись тяжелыми кувалдами, они с бешеной силой нанесли удар за ударом по едва видимым задрайкам, удерживавшим крышку люка. Когда кто-то из них промахивался, кувалда вырывалась из онемелых рук, отлетала в сторону и с громом ударялась в переборку.

«Может быть, еще успеем, — с отчаянием думал Николас. — Главный клапан магистрали затопления погреба перекрыли пять минут назад. Надежды очень мало, но не исключено, что Макуотер и Вильямсон, уцепившись за трап, все еще держатся над поверхностью воды».

Вот уже осталась только одна, последняя задрайка. Напрягая последние силы, Николас и Браун по очереди наносили по ней сильнейшие удары. Внезапно, совершенно неожиданно для них задрайка лопнула у самого основания и тяжелая стальная крышка под давлением сжатого воздуха в погребе стремительно, как пробка из бутылки с шампанским, рванулась вверх и с размаху ударила Брауна торцом по правому бедру. Он пронзительно вскрикнул и, корчась от дикой боли, повалился на палубу.

Николас даже не взглянул на него, он стремился как можно скорее осмотреть погреб. Ухватившись руками за комингс, он сильно наклонился вниз, но ничего и никого не увидел, во всяком случае, не увидел того, что так надеялся увидеть... Единственное, что он увидел, — это вода, темная и зловещая вода, поднимавшаяся и опускавшаяся, подкатывавшаяся и откатывавшаяся от шахты люка в такт размахам килевой качки «Улисса» на высокой океанской волне.

— Внизу! — громко, надтреснутым и напряженным голосом крикнул Николас. Он услышал, как эхо зловеще прокатилось по стальной шахте вниз. — Внизу! — крикнул он еще громче. — Есть там кто-нибудь? — Он напряг слух, надеясь услышать в ответ пусть даже самый слабый шепот, но никакого ответа не последовало.

— Макуотер! — крикнул он в третий раз. — Вильямсон! Вы слышите меня? — Он снова напряженно посмотрел вниз, снова прислушался... Но внизу по-прежнему были только темнота да глухое шуршание перекатывавшейся от переборки к переборке, покрытой масляным слоем воды... Николас поднялся, выпрямился и осторожно опустил на место крышку люка. Палуба и переборки куб-

рика снова загудели, когда он, схватив кувалду, как гробовщик, начал бить по задрайкам, чтобы снова плотно прижать крышку люка.

Инженер-капитан 3 ранга Додсон пошевелился и застонал. Он попытался открыть глаза, но веки не поднимались. По крайней мере, ему так казалось, потому что вокруг него была все та же непроницаемая, почти осязаемая на ощупь темнота. Он попытался вспомнить, что произошло, где он находится и давно ли, что это с его головой, почему она так ужасно болит где-то у самого уха? Медленно, еле перебирая непослушными пальцами, он стянул перчатку и нащупал рукой болезненное место на голове. Пальцы сразу же стали липкими. Он понял, что волосы его в крови, и чувствовал, как она медленно стекает по щеке вниз.

А что это так сильно вибрирует? Почему вибрация сопровождается каким-то непривычным, режущим слух, напряженным гудением? Он не только хорошо слышал его, но почти чувствовал физически где-то совсем рядом с собой. Он машинально вытянул руку вперед, но тотчас же отдернул ее, потому что пальцы встретились с чем-то гладким, вращающимся и обжигающе горячим.

Коридор гребного вала! Ну конечно же, он, Додсон, находится в коридоре гребного вала! Обнаружив повреждение масляной магистрали левого гребного вала, он решил сделать все, чтобы не останавливать левую машину. Додсон знал, что корабль был атакован. Сюда, в самые нижние помещения, не проникают никакие звуки: он не слышал ни рева моторов вражеских бомбардировщиков, ни даже собственной стрельбы «Улисса», но по сотрясению всего корабля после каждого залпа из орудий главного калибра он понял, что наверху идет горячий бой. Потом где-то совсем рядом ударила торпеда или, может быть, близко разорвалась бомба... Слава богу, что в момент, когда «Улисс» сильно накренился влево, Додсон сидел спиной к борту. В противном случае его наверняка отбросило бы на соединительную муфту и он оказался бы в настоящей мясорубке...

Но как же вал? Ведь на сухих подшипниках он, должно быть, раскалился до предела? Додсон начал отчаянно шарить рукой вокруг себя, нащупал переносной аварийный фонарик и попытался включить его. Фонарь не рабо-

тал, света не было. Додсон торопливо ощупал фонарь со всех сторон и убедился, что стекло и лампочка разбиты. Додсон с досадой отбросил его в сторону и поспешно вытащил из брюк другой, карманный фонарь. Тоже разбит! В отчаянии он начал шарить руками по палубе в поисках жестяной коробки с маслом. Он нашел ее. Она лежала на боку, с выскочившей пробкой, пустая...

Масло! Во что бы то ни стало нужно масло! Однако Додсон чувствовал, что очень ослаб; от сильного ушиба и потери крови кружилась голова, сильно тошнило. А коридор длинный, узкий, скользкий... Пробираться по нему в темноте очень опасно. Еще раз Додсон осторожно вытянул руку вперед и на мгновение коснулся вала пальцами. Жгучая боль. Прислонив пальцы к щеке, он понял, что кожа на их кончиках обожжена, но не от трения, а оттого, что вал был горячий как огонь. Выбора не оставалось. Додсон решительно подтянул под себя ноги, напряг все силы и медленно приподнялся, насколько позволяли вогнутые своды коридора.

В этот момент он увидел свет — качающуюся крошечную светлую точку, едва видимую и, казалось, такую далекую в конце этого узкого, длинного, темного коридора, хотя фактически свет находился на расстоянии всего нескольких ярдов. Не веря самому себе, Додсон прищурился, закрыл глаза и открыл их снова. Светящаяся точка не пропала. Она медленно приближалась к нему, и он услышал даже шарканье чьих-то ног. Додсон опять почувствовал слабость и головокружение, как-то весь обмяк, медленно осел на палубу и уперся ногами в массивный блок с подшипниками.

Человек со светом остановился, не дойдя до Додсона нескольких футов. Он повесил фонарь на торчащий над головой крюк, осторожно опустился на корточки и уселся рядом с Додсоном. Из темноты показалось смуглое мрачное лицо, взъерошенные брови и выдающиеся вперед челюсти. От удивления Додсон так и замер.

— Райли! Кочегар Райли? Какого черта вам здесь нужно?

— Я принес два галлона смазочного масла, — объяснил Райли. Пихнув в руки Додсона термос, он добавил: — А это кофе... Ого! А подшипники-то накалились докрасна! Додсон с шумом поставил термос на палубу.

— Вы что, оглохли? — спросил он с раздражением. —

Почему вы здесь? Кто вас послал? Ваше место по боевой тревоге во втором котельном отделении!

— Меня послал лейтенант Гриерсон, — небрежно ответил Райли. Его темное лицо было совершенно спокойным. — Говорит, что из машинного отделения послать некого, все слишком заняты своим делом... — Он медленно поливал перегретые подшипники густым, вязким маслом. — Так, пожалуй, довольно?

— Лейтенант Гриерсон! — злобно воскликнул Додсон. — Это же явная ложь, Райли! Лейтенант Гриерсон никогда не послал бы вас. А ему вы, наверное, сказали, что вас послал кто-то еще, да?

— Пейте кофе, — сердито посоветовал Райли. — Вас просят в машинное отделение.

Додсон уже сжал было кулак, но сдержался.

— Ах ты наглый мерзавец! — взорвался он, но сразу же взял себя в руки и добавил уже спокойнее: — Утром явитесь к старпому и понесете за это наказание, Райли!

— Нет, не понесу.

«Проклятие! — подумал Додсон. — И этот подлец еще улыбается...»

— Почему это нет? — спросил он.

— Потому что вы не доложите обо мне, — уверенно заявил Райли.

— Ах вот как! — Додсон бросил быстрый взгляд на мрачный коридор, губы его плотно сжались, он впервые подумал, что, кроме него и Райли, здесь никого нет и никто их не услышит и не увидит. Додсон еще раз подозрительно посмотрел на этого грозного верзилу и почему-то вспомнил, как бранился Тэрнер, даже обозвал его, Додсона, дураком за то, что он отказался посадить Райли за решетку.

— Значит, так, да? — повторил Додсон тихо. Он повернулся и крепче уперся ногами в блок с подшипниками. — Вы слишком самоуверенны, Райли. Я могу засадить вас на двадцать пять лет, но...

— Господи! Что вы ко мне привязались? О чем вы толкуете? Пейте-ка лучше кофе. Вы нужны в машинном отделении, я же сказал вам, — начал горячиться Райли.

Додсон нерешительно отвернул крышку термоса. Ушибленная голова чертовски гудела.

— Скажите мне, Райли, почему вы так уверены, что я не доложу о вас?

— Отчего же! Вы вполне можете доложить, — улыбнулся Райли. — Но я не попаду завтра на ковер к старпому.

— Нет? — полувопросительно, полувызывающе спросил Додсон.

— Нет, — все еще ухмыляясь, ответил Райли, — потому что завтра утром не будет ни старпома, ни ковра... Завтра уже ничего не будет.

Внимание Додсона привлекли не слова Райли, а скорее тон, которым они были сказаны. Он хорошо знал, что улыбка Райли вовсе не означала, что он шутит. Додсон пытливо посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Старпом только что говорил по радио, — продолжал Райли. — Он объявил, что в море вышел «Тирпиц» и через четыре часа он нагонит нас.

Непосредственность, с которой Райли произнес эти слова, отсутствие всякой театральности, стремления произвести эффект не оставляли никакого сомнения в том, что он говорит правду. «Тирпиц» вышел, «Тирпиц» вышел в море... — несколько раз повторил про себя Додсон. — Через четыре часа, всего через четыре часа...» — Додсон удивился безразличию, с которым он воспринял эту новость.

— Ну? — с беспокойством в голосе заговорил Райли. — Вы собираетесь идти или нет? Я ведь не шучу, сэр, вас срочно зовут в машинное отделение!

— Вы сочиняете, — заявил Додсон. — Зачем же вы принесли тогда кофе?

— Себе, — мрачно отрезал Райли. — Но я подумал, что и вам не мешает выпить чашку, уж больно вы плохо выглядите, сэр... Ребята в машинном помогут вам прийти в себя.

— И вы сейчас же туда пойдете, Райли, — сказал Додсон спокойно.

Райли сидел так, как будто он не слышал этих слов.

— Шевелитесь, Райли, — резко сказал Додсон, — это приказ!

— Идите вы... — прогремел Райли. — Я остаюсь здесь. Чтобы стоять здесь с этой чертовой банкой масла, вовсе не обязательно иметь три золотые нашивки на рукавах.

— Возможно, но... — Корабль сильно наклонился на нос, и хотя Додсон уперся покрепче ногами в блок, он все же не удержался и навалился на Райли. — Извините, Рай-

ли. — Он приподнялся. — Боюсь, что ветер крепчает... Ну, что же? Мы, кажется, зашли с вами в тупик? Не пришли ни к какому решению?.. Скажите мне откровенно, Райли, зачем вы сюда пришли?

— Я уже сказал вам, — ответил Райли с обидой в голосе, — меня послал лейтенант Гриерсон.

— Зачем вы сюда пришли? — настойчиво повторил свой вопрос Додсон..

— Это мое дело, — со злостью ответил Райли.

— Зачем вы сюда пришли?

— Ради бога, отстаньте вы от меня! — воскликнул Райли, и эхо его голоса прокатилось по всему коридору. Внезапно он повернулся лицом к Додсону. — Вы хорошо знаете, почему я пришел сюда!

— Может быть, для того, чтобы прикончить меня?

Райли молча смотрел на Додсона несколько секунд, потом отвернулся. Он опустил голову и весь как-то сгорбился.

— Вы единственный человек на этом корабле, который заступился за меня, — тихо пробормотал Райли. — Единственный, который простил мне все, — поправился он. — Если бы не вы, я в первом случае оказался бы в карцере, а во втором — в гражданской тюрьме. Вы помните, сэр?

Додсон кивнул головой.

— Вы поступили довольно глупо, — сказал он.

Лицо Райли стало напряженным, озабоченным. Он подался всем корпусом вперед и взволнованно проговорил:

— Вы знаете, я ведь католик... Осталось четыре часа... — Он помолчал несколько секунд, потом усмехнулся. — Я должен встать на колени, так ведь? Покаяться, попросить... как это называется?

— Отпущение грехов?

— Вот, вот, попросить отпустить мне грехи. А вы знаете, — продолжал он медленно и выразительно, — я даже и не подумаю об этом, потому что...

— А может быть, это совсем и не нужно, — тихо проговорил Додсон. — В последний раз говорю, Райли: идите сейчас же в машинное отделение!

— Не пойду!

Додсон глубоко вздохнул, взял термос.

— В таком случае, Райли, не согласитесь ли вы выпить со мной чашку кофе?

Райли улыбнулся.

— О да, конечно, с удовольствием.

Вэллери с трудом повернулся на бок. Его рука автоматически шарила вокруг в поисках полотенца; истощенное тело сотрясал сильнейший приступ кашля.

«Боже мой, — подумал он в отчаянии, — такого у меня еще не было... Но странно, почему-то не чувствую ни малейшей боли...»

Кашель понемногу стих. Вэллери посмотрел на пропитанное кровью полотенце и, напрягая последние силы, с отворачиванием швырнул его в темный угол рубки.

«Вы тащите этот проклятый корабль на своем горбу», — вспомнил он слова старины Брукса и слабо улыбнулся. Да, сейчас корабль и его экипаж нуждаются в нем, как никогда раньше. Если он не поднимется на ноги теперь, то вряд ли поднимется вообще...

Вэллери сел. Даже от такого незначительного напряжения на лице сразу же появились бисеринки пота. Он медленно опустил ноги на палубу и хотел встать, но в тот же миг корабль неожиданно круто накренился, и Вэллери, зацепив за стул, беспомощно упал на палубу. Чтобы подняться на ноги, ему пришлось напрячь весь остаток своих сил.

«Еще одно такое усилие, и я наверняка отдам концы», — с горечью подумал он. Теперь эта тяжелая стальная дверь... Вэллери боялся, что не сможет открыть ее, но, к его удивлению, она подалась. Радуюсь, что он еще в состоянии двигаться, Вэллери вышел из рубки и сразу же почувствовал, как обжигающе морозный воздух ворвался в его измученные легкие.

Он посмотрел в сторону носа и кормы. И на «Стирлинге» и на юте «Улисса» пламя пожара, слава богу, уже замирало. В двух шагах от него матросы только что открыли при помощи ломов дверь в кабину гидролокационного поста и навели внутрь него луч карманного фонаря. Вэллери не выдержал ужасного зрелища и отвел взгляд в сторону. Вытянув руки, он на ощупь нашел вход на компасную площадку.

Увидев входящего командира, Тэрнер поспешил помочь ему пройти на мостик и заботливо усадил на высокий табурет.

— Вам не следовало выходить сюда, сэр, — сказал он с укоризной. — Как вы сейчас чувствуете себя?

— Намного лучше, старпом, спасибо, — ответил Вэлери. — Контр-адмиралы, как известно, за многое несут ответственность. Нужно же мне что-то делать, чтобы оправдать свой оклад, не так ли?

— Отойдите все отсюда, — отрывисто приказал Кэррингтон, — в рулевое отделение или поднимитесь вверх по трапу! Дайте-ка мне взглянуть, в чем тут дело.

Кэррингтон посмотрел на тяжелую стальную крышку люка. Осматривая ее со всех сторон, он почему-то подумал, что никогда раньше и не представлял себе, что она такая массивная. Крышка была приподнята не более чем на один дюйм и удерживалась в таком положении на подсунутом под нее ломике. Кэррингтон заметил валяющийся на палубе сломанный шкив и оттянутый в сторону противовес.

«Слава богу, хоть его-то сняли с крышки», — подумал он.

— Талями поднимать пробовали? — спросил Кэррингтон у матросов.

— Да, сэр, — ответил один из них, показывая на лежащую в углу спутанную кипу тросов. — Ничего не выходит. Трап выдерживает, а вот как подсунуть под крышку невозможно. Мы пробовали цеплять его за края, но он все время соскальзывает. — Махнув рукой в сторону люка, он добавил: — А больше зацепить не за что... Я хорошо знаю, как пользоваться талями, сэр.

— Уверен, что знаете, — рассеянно проговорил Кэррингтон. — Ну-ка, помогите мне! — Кэррингтон подсунул пальцы под край крышки и сделал глубокий вдох. Матрос уцепился руками в том же месте, так как с другой стороны мешала кормовая переборка. Они напрягли все свои силы — до дрожи в ногах и поясице — и вскоре почувствовали, что в ушах застучала кровь. Все напрасно: крышка не поднялась ни на миллиметр.

«Удивительно, — подумал Кэррингтон, — как это им удалось сдвинуть ее хотя бы на этот дюйм. — Он понял, что крышка не поднимается либо потому, что деформированы огромные петли, либо из-за того, что покоребилась палуба. — В обоих случаях, — прикинул он, — крышку

не поднять даже при помощи талей, потому что здесь необходимо приложить силу мгновенного действия».

Кэррингтон опустился на колени и приблизил рот к щелке между крышкой и комингсом люка.

— Внизу! — крикнул он. — Вы слышите меня?

— Да, слышим, — донесся слабый заглушенный голос. — Ради бога, откройте скорее люк. Мы же погибнем здесь!

— Это вы, Брайэрли? Не беспокойтесь, мы поможем вам. Воды там много?

— Воды? Здесь больше соляра, чем воды. Наверное, пробита топливная цистерна левого борта. Кольцевой коридор, наверное, тоже затоплен.

— На каком уровне сейчас вода?

— Три четверти высоты поста уже затоплено. Мы стоим на генераторах и держимся за распределительные щитки. Один матрос упал и утонул, мы не смогли удержать его. — Голос Брайэрли звучал напряженно, почти отчаянно. — Ради бога, поторопитесь, помощник!

— Я сказал, что мы освободим вас, успокойтесь и потерпите! — Кэррингтон произнес эти слова так уверенно, как только мог, чтобы не дать людям поддаться панике. — А вы можете надавить на крышку снизу?

— На скоб-трапе в шахте может разместиться только один человек, — ответил Брайэрли. — Отсюда надавить совершенно нечем... — Внезапно внизу наступила тишина, а потом оттуда донеслись сочные ругательства и проклятия.

— Что случилось? — настороженно крикнул Кэррингтон.

— Трудно держаться, — ответил Брайэрли. — То и дело прокатываются волны, высотой в два фута. Еще одного матроса смыло... Но его, кажется, вытаскивают... Здесь темно как в могиле.

Над головой Кэррингтона раздался стук тяжелых сапог. Это был Петерсен. В этом тесном уголке белокурый норвежец казался настоящим великаном. Поднявшись с колен, Кэррингтон посмотрел на него: на его широкие плечи и атлетическую грудь, на сильные руки. В одной из них он без всякого усилия держал три тяжелых лома и кувалду. Кэррингтон посмотрел на печальные голубые глаза Петерсена и сразу почувствовал себя намного спокойнее.

— Мы не можем открыть этот люк, Петерсен, — откровенно признался Кэррингтон. — Не попробуете ли вы?

— Попробую, сэр.

Он положил инструмент на палубу, наклонился, ухватился за конец лома, торчавшего из-под угла крышки люка. Разогнулся он легко и быстро, крышка люка чуть-чуть приподнялась, затем лом в руках Петерсена согнулся почти под прямым углом, как будто он был восковой.

— Я думаю, что крышку заклинило, сэр, — сказал Петерсен. — Наверное, что-то произошло с петлями.

Он обошел вокруг люка, внимательно осмотрел петли и проворчал что-то себе под нос. Три раза тяжелая кувалда с необычайной силой и точностью опустилась на срез внешней петли крышки люка. На третьем ударе кувалда сломалась. Петерсен с презрением отбросил в сторону сломанную рукоятку и поднял с палубы второй, более прочный лом.

И этот лом согнулся, зато крышка люка приподнялась теперь еще почти на целый дюйм. Тогда Петерсен взял в руки две кувалды поменьше и колотил ими по петлям до тех пор, пока и эти кувалды тоже не сломались.

На этот раз он подsunул под угол крышки сразу два оставшихся лома. Ухватившись за них, он сделал несколько быстрых и глубоких вдохов, затем внезапно его дыхание остановилось. На лице Петерсена показались капельки пота, тело завибрировало от неимоверного напряжения всех мышц. Медленно оба лома начали прогибаться. По мере того как Петерсен выпрямлялся, они прогибались все больше и больше. Потом неожиданно, настолько неожиданно, что все даже подпрыгнули, крышка люка отскочила вверх на пять-шесть дюймов, а Петерсен упал назад и ударился о переборку. Оба лома выскользнули из его рук, с шумом пролетели через шахту и плюхнулись в воду.

Петерсен подскочил обратно к люку, с бешеной злобой ухватился за крышку руками и, напрягая все мышцы, сильными рывками попробовал поднять ее дальше. Только после пятого рывка крышка, пронзительно скрипя деформированным металлом, подскочила вверх и, хрустнув пружинной защелкой, замерла в вертикальном положении. Люк был открыт.

Уровень воды в агрегатном отделении не доходил до шахты люка всего на два фута. Когда «Улисс» сильно кре-

нился на тот или другой борт, покрытая нефтью вода выплескивалась через шахту и комингс люка и большими лужами разливалась по палубе рулевого отделения. Один за другим измученные, наглотавшиеся воды и нефти люди выскакивали из западни наверх. Трое из них, настолько ослабли, что смогли добраться только до шахты люка, и едва удерживались, ухватившись за скоб-трап, но сильные руки Петерсена вовремя подхватывали их и вытаскивали наверх, как маленьких детей.

— Отправьте их сейчас же в лазарет! — приказал Кэррингтон. Он посмотрел на дрожащих, перемазанных нефтью людей, затем повернулся к великану Петерсену и с улыбкой сказал ему: — Все мы отблагодарим вас, Петерсен, позднее, а сейчас мы еще сделали не все: крышку люка надо закрыть и задрать.

— Это очень трудно сделать, сэр, — угрюмо произнес Петерсен.

— Трудно или нет, но крышка должна быть задрана, — повторил Кэррингтон. Уровень воды в агрегатной поднялся к этому времени еще выше, и теперь она выплескивалась через комингс открытого люка непрерывно. — Запасное рулевое отделение вышло из строя, — продолжал Кэррингтон, — и если затопит это отделение, то всем нам конец!

Не говоря ни слова, Петерсен оттянул пружинную защелку и опустил пронзительно скрипящую крышку на один фут. Дальше она не пошла. Петерсен уперся плечами в трап, поставил ноги на крышку и, выпрямляясь, изо всех сил начал давить на нее. Опустившись еще на несколько дюймов, крышка остановилась в положении с наклоном около сорока пяти градусов. Петерсен сделал глубокий вдох, ухватился руками за трап, круто согнул спину и, подпрыгивая, как на пружинах, несколько раз обрушил вес своего тела и всю силу мышц на край крышки. Крышка приблизилась к срезу комингса на пятнадцать дюймов и больше не опускалась.

— Нужны тяжелые кувалды, сэр, — торопливо заявил Петерсен.

— Но тогда мы опоздаем! — встревожился Кэррингтон. — Еще две минуты, и давление воды снизу не даст закрыть крышку никакими силами... Вот, дьявол! — с досадой проворчал он. — Если бы можно было с той стороны, снизу, то ведь даже я закрыл бы ее ломом...

И снова Петерсен не сказал ни слова. Он присел на корточки около люка и внимательно осмотрел темную шахту.

— У меня идея, сэр, — быстро сказал он. — Если вы оба встанете на крышку и упретесь руками в трап... да, да, вот так, только повернитесь ко мне спиной, так вы надавите сильнее.

Кэррингтон ухватился руками за железную ступень трапа и приготовился со всей силой надавить ногами на крышку люка, но в этот момент раздался звучный всплеск воды, а потом лязг металла. Оглянувшись назад, он обнаружил, что Петерсен, прихватив с собой лом, уже шмыгнул в люк. Кэррингтон успел увидеть только, как под крышкой исчезла огромная рука, державшая лом. Как и большинство рослых и сильных людей, Петерсен был подвижным, гибким, как кошка, поэтому он проскользнул в люк быстро и бесшумно.

— Петерсен! — воскликнул Кэррингтон, опустившись на колени около люка. — Что за чертовщину вы придумали? Выходите сейчас же наверх! Вы что, с ума сошли? Хотите утонуть?

Никакого ответа. Внизу абсолютная тишина, только слышатся слабые всплески воды. Но вот неожиданно тишину нарушили удары металла по металлу, а потом резкий скрежет, и крышка люка опустилась еще на шесть дюймов. Кэррингтон с ужасом заметил, что крышка медленно, но неуклонно опускается дальше. Он с отчаянием схватил лом и подsunул его под крышку, но через какую-то долю секунды крышка крепко прижала его к срезу комингса люка. Кэррингтон, волнуясь, закричал в оставшуюся щель:

— Ради бога, Петерсен! Что вы делаете? Откройте! Откройте немедленно! Слышите?

— Я не могу! — Голос Петерсена то был слышен, то пропадал, в зависимости от того, откатывались или набегали на его голову волны воды. — Я не открою... Вы же сами сказали... что... нет времени... Это един... единственный путь!

— Но я вовсе не хотел, чтобы...

— Я знаю. Но неважно... Так лучше. — Понять, о чем говорит Петерсен было очень трудно. — Передайте командиру... капитану первого ранга... что я... что Петерсен... очень сожалеет... Я пытался сказать ему вчера.

— Сожалеете? О чем сожалеете, Петерсен? — Кэррингтон с неистовой силой нажал на лом, но крышка ни-
сколь-ко не приподнялась.

— ...Тот морской пехотинец в Скапа-Флоу, — продол-
жал выкрикивать Петерсен, — я не хотел убивать его... я
никогда не убил бы человека... но он разозлил меня... он
убил моего друга...

Услышав все это, Кэррингтон ослабил нажим на лом
и на секунду задумался. Петерсен! Конечно! Кто же, кро-
ме него, мог так запросто свернуть шею человеку! Петер-
сен, этот здоровенный, вечно улыбающийся скандинав,
который так внезапно, за одну ночь, неизвестно перемене-
лся, стал угрюм, днем и ночью ходил взад-вперед, как
маятник, по палубе, по кубрику или по коридору.

— Слушайте, Петерсен! — умолял его Кэррингтон. —
Все это ерунда. Никто об этом никогда и ничего не узнает,
даю вам слово. Пожалуйста, Петерсен...

— Лучше так, сэр, — возражал Петерсен. — Убить че-
ловека... и... продолжать жить... тяжело. Пожалуйста,
очень прошу вас... скажите командиру, что я сожалею...

Без какого-либо предупреждения Петерсен выдернул
лом из рук Кэррингтона, и крышка люка в тот же момент
плотно прижалась к комингсу люка. В течение почти ми-
нуты в рулевом отделении были слышны приглушенные
удары металлом по металлу, затем все стихло.

Ни монотонный гул сотни электрических моторов и
двигателей, ни непрерывное шуршание прокатывающихся
по борту морских волн не могли заглушить звонкого
приятного голоса певицы. Он раздавался из динамиков
радиотрансляционной сети... Это была идея Вэллери:
когда соблюдение тишины не диктовалось обстановкой, по
корабельной радиотрансляционной сети передавали музы-
ку. Репертуар, как правило, подбирался из произведений
классиков: Баха, Бетховена, Чайковского, Легара, Верди,
Дилиуса.

Сейчас пела Дина Дурбин. Она исполняла проникно-
венно-печальную песню «Под домашними огнями». На па-
лубах и в помещениях под ними, облокотившись на огром-
ные двигатели или сгрудившись у своих орудий, люди
слушали этот замечательный голос, плавно плывущий по
затемненным помещениям или сквозь медленно падающий
снег. Они вспоминали свой дом, до физической боли чув-

ствовали контраст окружающей обстановки с этим воспоминанием... Неожиданно в середине песни оборвалась...

«Внимание на боевых постах! — раздалось из динамиков. — Внимание на боевых постах! Говорит старший помощник... — Голос Тэрнера дрожал, это заметил каждый. — У меня плохие вести для вас, друзья. — Он помолчал, потом продолжал, медленно и тихо: — Пять минут назад умер наш командир, контр-адмирал Вэллери. — Несколько секунд динамики безмолвствовали. Тэрнер, по-видимому, выключил микрофон. Затем снова раздался щелчок. — Он умер на мостике, сидя на своем табурете... Он знал, что умирает, и... я не думаю, чтобы он страдал. Командир настаивал... он убедительно просил меня поблагодарить вас за все, что вы сделали для него и для корабля... «Передайте им, что без них я не мог бы быть командиром, что экипаж «Улисса» — это самый лучший экипаж из всех, которые когда-либо имели командиры кораблей». Потом он сказал... Это были его последние слова. «Передайте им мои глубокие извинения: после всего, что они сделали для меня... скажите им, что я ужасно виноват в том, что вот так покидаю их в беде». Это были его самые последние слова: «Скажите им, что я глубоко виноват». После этого он умер.

Глава шестнадцатая

СУББОТА. НОЧЬ

Ричард Вэллери умер. Он умер, глубоко сожалея, что в такой тяжелый момент оставляет экипаж. Но экипаж остался без него ненадолго. Сотни людей на крейсерах, эсминцах и на транспортах погибли вовсе не от тяжелых снарядов «Тирпица», которых опасался Вэллери, ибо «Тирпиц» — это еще одна параллель с конвоем «RQ-17» — так и не вышел из Альтен-фиорда. Они погибли в основном из-за того, что изменилась погода.

Она изменилась перед окончанием ночной вахты. Море осталось таким же. Конвой «FR-77» по-прежнему шел навстречу высокой волне с севера, на полубаках кораблей и судов все так же возвышались и непрерывно разбухали причудливые ледяные горы из замерзавшей воды. Ветер стих, метель и пурга прекратились, последние гряды тяже-

лых облаков отходили на юг. К четырем часам небо стало абсолютно чистым. Луны не было, но зато звезды, яркие и холодные, покрывали все небо. Дул слабый ветерок с севера.

Постепенно начало меняться и небо. Сначала оно чуть посветлело в северной части горизонта, затем мерцающая полоса света начала медленно расширяться и с каждой минутой подниматься все выше и выше. Вскоре под этой полосой света появились новые пульсирующие белые световые ленты с синим, зеленым и фиолетовым оттенками. Эти световые ленты непрерывно перемещались вверх и все более светлели, пока наконец высоко над конвоем не появилась огромная, простирающаяся до самого горизонта белая световая полоса. Всегда привлекающее своей красотой, северное сияние на этот раз было особенно чарующим... Но на хорошо видимых теперь кораблях и судах конвоя «FR-77» люди смотрели на эту красоту и проклинали ее.

На мостике «Улисса» первым услышал его Крайслер — человек со сверхчувствительным зрением и слухом. Вскоре отдаленный гул моторов «кондора», приближающегося с юга, слышали уже все. На какое-то время показалось, что гул замер и самолет пролетит мимо, но надежда рухнула почти в тот же момент, в который она появилась. Теперь уже все ясно слышали более низкий и более мощный гул моторов набирающего высоту «фокке-вульфа». Повернувшись к Кэррингтону, Тэрнер заметил угрюмо:

— Это наверняка проклятый «чарли». Засек нас, подлец. Наверное, уже радировал в Альтен-фиорд и, готов держать пари на какую угодно сумму, собирается сбросить светящую бомбу на высоте около десяти тысяч футов, которую будет видно с расстояния в пятьдесят миль.

— Я никогда не спору, если рискуя проиграть, — проворчал Кэррингтон. — А вслед за этим сбросит несколько бомб на высоте две тысячи?

— Совершенно верно! — согласился Тэрнер. — Штурман, сколько, по-вашему, до Альтен-фиорда, в летных часах, я имею в виду?

— Для самолета со скоростью двести миль — что-нибудь около часа, — тихо ответил Карпентер. Это был уже совсем не тот, подвижной, энергичный, Карпентер, к кото-

рому все привыкли. После смерти Вэллери он заметно помрачнел и говорил только тогда, когда его спрашивали.

— Около часа, — воскликнул Кэррингтон, — и они будут здесь! Боже мой, они ведь действительно достигнут нас. И еще этот «Тирпиц»...

— «Тирпиц»! — прервал его Тэрнер. — Где же он, черт его возьми? Ему пора бы уже и появиться. Да, да, сейчас темно, и мы изменили курс, — добавил он, увидев, что Кэррингтон намеревается возразить, — но ведь пара эскортирующих эсминцев давно могла бы найти нас... Престон! — Он резко повернулся к старшине сигнальщиков. — Не зевайте на посту! Нас вызывает транспорт, не видите, что ли?

— Извините, сэр, — встрепенулся Престон.

Он устало повернулся к борту, поднял свой фонарь и дал ответный сигнал. На мостике транспорта торопливо замигали точки и тире.

— «Поперечная трещина в опорной плите двигателя, — читал вслух Престон. — Повреждение серьезное. Вынужден сбавить скорость».

— Дайте ему квитанцию! — приказал Тэрнер отрывисто. — Какой это транспорт, Престон?

— Это «Огайо Фрейтер», сэр.

— Тот, который торпедировали два дня назад? — спросил Тэрнер.

— Да, сэр, это он.

— Передайте ему: «Сохраняйте скорость и место в ордере. Это очень важно». Нашел же этот чертов двигатель время ломаться! — добавил он, сочно выругавшись. — Штурман, когда randеву с эскадрой?

— Точно через шесть часов, сэр.

— Через шесть часов... — Тэрнер плотно сжал губы. — Не точно, а возможно, через шесть часов, — поправил он с горечью.

— Почему «возможно»? — удивленно спросил Кэррингтон.

— К сожалению, только возможно, — повторил Тэрнер. — Все зависит от погоды. Командующий не рискнет посылать линейные корабли так близко к берегу, если нельзя будет обеспечить прикрытие их с воздуха истребительной авиацией. И, по-моему, это основная причина отсутствия «Тирпица». Подводные лодки, вероятно, сообщили ему, что наши авианосцы идут на юг, и он ждет

теперь подходящей погоды... Что опять передает этот транспорт, Престон? — спросил Тэрнер, заметив мигание фонаря Олдиса на мостике «Огайо».

— «Повреждение очень серьезное, — прочитал вслух Престон. — Идти прежним ходом и удерживать место не могу. Снижаю скорость».

— Еще один! — тихо сказал Кэррингтон. Он посмотрел на Тэрнера, на его мрачное лицо и потемневшие глаза и сразу же понял, что в голове старпома те же мысли, что и у него самого. — Его прикончат, как сидячую утку, сэр, — сказал он громче, — если мы...

— Если мы... что? — перебил его Тэрнер. — Если мы не оставим с ним эсминец? Но какой эсминец, помощник? «Викинг»? Единственный боеспособный корабль? — Он медленно, но решительно покачал головой. — Они хорошо знают, что мы не можем этого сделать. Престон, передайте на «Огайо»: «Сожалею, эскорт оставить не могу. Сколько времени потребуется на ремонт?»

Светящая бомба взорвалась еще до того, как Престон начал передавать семафор. Она повисла точно над конвоем. Высоту определить было трудно — что-нибудь около шести — восьми тысяч футов, но на этой высоте и на фоне светлой дуги северного сияния она казалась всего лишь раскаленной точкой. Бомба быстро снижалась и становилась все более яркой: парашют, если он вообще был, то, видимо, только для того, чтобы придать бомбе остойчивость.

Дробный стук кнопки сигнального фонаря в проворных руках Престона внезапно нарушился щелчком в динамике: «Мостик, докладывает радиорубка. Мостик, докладывает радиорубка. Радиограмма с «Сирруса»: «Трое из спасенных скончались. Много тяжелораненых и умирающих. Необходима немедленная медицинская помощь. Повторяю: немедленная». Динамик умолк как раз в тот момент, когда с «Огайо» начали передавать ответ на семафор.

— Лейтенанта Николаса — на мостик! — отрывисто приказал Тэрнер. — Пусть поднимется сейчас же!

Бросив тревожный взгляд на высокие волны и стремительно проваливающийся вниз форштевень «Улисса», Кэррингтон спросил с беспокойством:

— Хотите рискнуть, сэр?

— Должен. Вы поступили бы так же, помощник... Что отвечает «Огайо», Престон?

— «Понимаю. У вас своих забот — хоть отбавляй. Мы догоним вас. До свидания!» — прочитал сигнальщик.

— «Мы догоним вас. До свидания», — мягко повторил Тэрнер. — Передает заведомую ложь и хорошо понимает это. Ей-богу, — продолжал он, — если кто-нибудь скажет мне, что американским морякам недостает мужества, я набью ему морду. Престон, передайте на «Огайо». «До свидания! Желаю удачи!..» Помощник, я чувствую себя убийцей. — Тэрнер потер рукой лоб и кивнул в сторону рубки, где лежал распростертый на диване мертвый Вэллери. — Подумать только, из месяца в месяц он непрерывно принимал подобные решения... Не удивительно, что...

Скрипнула входная дверь, на мостик вошел Николас.

— А, это вы, Николас? Для вас имеется дело, юноша. Не люблю, когда врачи слоняются весь день без дела, — пошутил Тэрнер и тут же поднял руку, как бы успокаивая его. — Хорошо, хорошо, знаю, — заверил он Николаса. — Как дела на медицинском фронте? — спросил он уже серьезно.

— Мы сделали все, что могли, сэр, — тихо ответил Николас. — На его изнуренном лице появились глубокие морщины. — Плохо с медикаментами и перевязочным материалом: бинты и анестезирующие средства все израсходованы, за исключением разве того, что осталось в переносных сумках. Но майор Брукс не разрешает брать из них.

— Хорошо, — пробормотал Тэрнер. — А как вы себя чувствуете, лейтенант?

— Отвратительно.

— Да и выглядите вы очень плохо. Я очень сожалею, Николас, но вам все-таки придется перебраться на «Сиррус».

— Есть, сэр, — нисколько не удивившись, ответил Николас. Он легко догадался, зачем его вызывает старший помощник. — Когда? Сейчас?

Тэрнер ответил кивком головы. Его тонкие черты лица, густые брови и глубоко запавшие глаза, освещаемые опускавшейся бомбой, произвели на Николаса сильное впечатление.

— Сколько сумок можно мне взять с собой, сэр?

— Только необходимый инструментарий. Больше ничего. Не забывайте, что будете перебираться туда не в пульмановском вагоне.

— Можно взять с собой фотоаппарат и пленки?

— Да, пожалуйста, — разрешил Тэрнер. — Вам что, очень хочется запечатлеть последние секунды «Улисса»?.. Имейте в виду, что «Сиррус» дырявый как решето... Штурман, свяжитесь с радиорубкой, пусть передадут «Сиррусу». «Подойти к борту и приготовиться принять врача на спасательной люльке».

Снова скрипнула дверь. По раскачивающейся палубе на мостик неуверенным шагом вошел Брукс. Как и все на «Улиссе», он едва держался на ногах от усталости, но его голубые глаза, как обычно, возбужденно блестели.

— У меня повсюду есть шпионы, — заявил он громко. — Что, «Сиррус» вербует нашего юного Джонни?

— Очень жаль, старина, — отозвался Тэрнер, — но на «Сиррусе» положение тяжелое.

— Понятно, — пробормотал Брукс, пожившись от холодного ветра. Он взглянул вверх, на медленно снижающуюся светящую бомбу. — Очаровательная штучка, просто прелесть! К чему же такая иллюминация?

— Мы ожидаем гостей, — усмехнувшись, ответил Тэрнер. — Старинный обычай: встречать гостя со светом в окне. — Внезапно все его тело застыло, как гранитное изваяние, лицо помрачнело. — Я ошибся, — произнес он сквозь зубы, — гости уже прибыли.

Последние слова Тэрнера заглушил раскат мощного отдаленного взрыва. Тэрнер ждал его. Он видел, как за пять-шесть секунд до этого в носовой части «Огайо», перед самым мостиком, в небо взметнулся острый язык ослепительного пламени. «Огайо» уже отстал и находился теперь на правой раковине «Улисса» на расстоянии около десяти кабельтовых, но был хорошо виден в освещении северного сияния, безжалостно выдавшего его подводной лодке противника.

За исключением момента взрыва, на «Огайо» не было ни дыма, ни пламени. Никто не слышал никаких новых звуков, но корму и днище судна, почти наверное, оторвало напроць. Его трюмы были до отказа загружены танками и боеприпасами. Оно затонуло быстро и тихо, всего за три минуты.

Первым напряженную тишину на мостике «Улисса» нарушил Тэрнер:

— До свидания, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — До свидания... Я же говорил, что это чистей-

шая ложь. — Он покачал головой и, коснувшись руки Карпентера, приказал ему: — Свяжитесь с радиорубкой, передайте на «Викинг», пусть торчит над этой лодкой до тех пор, пока мы не отойдем на безопасное расстояние.

— Когда же и где все это прекратится? — мрачно нахмурившись, спросил Брукс.

— Одному богу известно! Как я ненавижу этих проклятых убийц! — воскликнул Тэрнер. — О, я знаю, знаю, мы тоже убиваем, но дайте мне что-то такое, что я мог бы видеть, с чем я мог бы бороться, что-то такое...

— Скоро вам представится такая возможность, — сухо прервал его Кэррингтон. — Вы будете видеть «Тирпиц». Полагаю, он достаточно велик, чтобы можно было видеть его...

Тэрнер понимающе посмотрел на помощника, а потом запрокинул голову и уставился на мерцающий небосвод: его интересовало, когда самолет сбросит вторую светящую бомбу.

— У тебя не найдется для меня свободной минутки, Джонни? — тихо обратился Карпентер к Николасу. — Мне хотелось бы сказать тебе пару слов.

— Конечно, — удивленно взглянув на него, ответил Николас. — Пока подойдет «Сиррус», пройдет не минутка а целые десять... А в чем дело, Энди? Что ты хотел?..

— Одну секундочку. — Карпентер подошел к Тэрнеру. — Прошу разрешения удалиться в штурманскую рубку, сэр.

— Да, да, пожалуйста.

Карпентер подхватил Николаса под руку, провел его в штурманскую рубку, включил свет и достал сигареты. Он внимательно смотрел на Николаса, пока тот прикуривал.

— Знаешь, Джонни, — начал он неожиданно, — я считаю, что в моих жилах течет шотландская кровь.

— Кровь Скоттов, — поправил Николас.

— Я чувствую... Какое бы здесь подходящее слово-то употребить?.. Ну, обреченность, что ли? Я почувствовал сегодня, Джонни, что обречен. — Карпентер не захотел слушать возражений Николаса и продолжал с дрожью в голосе: — Не знаю, что произошло со мной, но раньше такого предчувствия у меня никогда не было.

— Глупости все это. Несварение желудка, мой друг, — нарочито весело проговорил Николас, хотя и почувствовал себя как-то неловко.

— От этого чувства невозможно отмахнуться, Джонни, — слабо улыбнувшись и покачав головой, сказал Карпентер. — К тому же, вот уже второй день, как я не беру в рот ни крошки... Честно, Джонни!

Карпентер был весьма возбужден и в то же время серьезен, это произвело на Николаса удручающее впечатление.

— Я больше не увижу тебя, — тихо продолжал Карпентер. — Сделай мне одолжение, Джонни.

— Довольно дурака валять, — сердито проворчал Николас. — Какого черта ты...

— Возьми, пожалуйста, вот это с собой. — Карпентер вытянул из кармана листочек бумаги и сунул его в руку Николасу. — Прочитай, что здесь написано.

— Пожалуйста, я могу прочитать, — смягчился Николас. На листке были написаны имя и адрес девушки в Сёррейе. — Это ее имя? — спросил он мягко. — Джуанита... Джуанита, — произнес он дважды, подлаживаясь под испанский язык. — Моя любимая песня и любимое имя, — добавил он тихо.

— Неужели? — радостно воскликнул Карпентер. — В самом деле? И мои тоже, Джонни. — Помолчав немного, он продолжал: — Если... гм... если я не... Джонни, будь добр, найди ее и...

— Брось городить чепуху! — смущенно проговорил Николас и, ударив его по-дружески в грудь, продолжал: — В этой капковой куртке ты доплывешь отсюда до Мурманска! Ты же сам сто раз говорил мне это.

Карпентер печально улыбнулся.

— Конечно, конечно. Я знаю, знаю. Ну, найдешь, Джонни?

— Будь я проклят, если не найду! — выпалил Николас. — Обязательно найду! Но мне уже пора идти. Пошли! — Он выключил свет, толкнул дверь и собрался было шагнуть через комингс, но задержался и медленно отступил назад в рубку, закрыл дверь и снова включил свет. Карпентер и не думал выходить: он стоял на прежнем месте и внимательно смотрел на Николаса.

— Извини меня, Энди, — искренне сказал Николас. — Я не знаю, почему я...

— Плохое настроение, — бодро подсказал Карпентер. — У тебя всегда плохое настроение, когда ты думаешь, что я прав, а ты не прав!

Николас задержал дыхание и закрыл на секунду глаза. Потом он неожиданно протянул руку.

— Тем лучше, Васко. — Николас с усилием улыбнулся. — И пожалуйста, не беспокойся: я обязательно увижу ее, если... гм... обязательно увижу, даю честное слово. Джуанита... Но смотри, если я найду там и тебя... — произнес он угрожающе.

— Спасибо, Джонни. Большое спасибо. — Карпентер выглядел в этот момент очень счастливым. — Желаю тебе удачи, Николас... Иди с богом! Она всегда так говорила мне, когда я уезжал. Иди с богом!

Тридцатью минутами позднее Николас уже оперировал раненых на «Сиррусе».

Четыре часа сорок пять минут. Ужасно холодно. Дует слабый северный ветер. Волнение на море усилилось, но небо по-прежнему было совершенно чистым. Снова появились яркие звезды, потому что северное сияние постепенно блекло. Пять сброшенных одна за другой светящихся бомб медленно опускались к морю.

В четыре сорок пять с юга донесся отдаленный грохот артиллерийской канонады. Звуки выстрелов донеслись через минуту после того, как южная часть горизонта осветилась от яркой вспышки светящей бомбы. На «Улиссе» сразу же поняли, что там происходит. «Викинг», который все еще поддерживал контакт с подводной лодкой, хотя не мог причинить ей никакого вреда, по-видимому, был атакован. Атака была, наверное, внезапной, короткой и роковой, ибо ожесточенная стрельба длилась всего несколько секунд. «Викинг» даже ничего не сообщил по радио. Что с ним произошло — никто не знал, так как из его экипажа не спасся ни один человек.

Еще не заглохло эхо последнего выстрела «Викинга», а на «Улиссе» уже услышали гул моторов «кондора». В течение пятидесяти секунд — может быть, даже и дольше, хотя ни одно орудие конвоя не смогло за это время прицелиться, — огромный «фокке-вульф» летел ниже им же сброшенной светящей бомбы, а потом быстро исчез. Позади него образовалось огромное ослепительно сверкающее зарево, резавшее глаза больше, чем солнце. Бомбы горели

так ярко, их было так много и они так ослепили всех, что бомбардировщики появились над конвоем раньше, чем кто-либо понял, что происходит. Действия самолета, сбросившего светящиеся бомбы, и следовавших за ним бомбардировщиков были на редкость согласованными.

В первой волне было двенадцать самолетов. Они не сосредоточили удары по одной цели, как прежде, на каждый корабль пришлось не более двух самолетов. Тэрнер с ужасом заметил, как они внезапно круто нырнули вниз, затем молниеносно, еще до того, как из орудий «Улисса» раздался первый выстрел, снова перешли в горизонтальный полет. Быстрота, с которой все это произошло, скорость маневра самолетов и их зловещие силуэты напомнили Тэрнеру что-то ужасное. Неожиданно он понял: «хейнкели»! Да ведь это же «Хейнкели-111», те, которые — Тэрнер хорошо знал это — вооружены самым страшным оружием: планирующими бомбами.

Затем, как будто Тэрнер коснулся какой-то кнопки, все орудия «Улисса» одновременно открыли ураганный огонь. Ведущий «хейнкель» взорвался в воздухе. Поразительно, но его сбила третья башня! Та самая третья башня, которая сбила «кондора» и в которой Николас обнаружил всех мертвыми. Сейчас огонь из нее вел сборный расчет из морских пехотинцев. Шедший за ведущим, второй, «хейнкель» резко взмыл вверх, чтобы не столкнуться с обломками фюзеляжа и моторов первого, затем нырнул вниз, промелькнул менее чем в десяти метрах от носа крейсера, резко накренился на левый борт и, круто развернувшись, снова направился на «Улисс». Чтобы повернуть на него орудия, потребовалось несколько секунд. Но «хейнкелю» этих нескольких секунд хватило на то, чтобы зайти на новый курс, сбросить бомбу и поспешно уклониться от интенсивного, но запоздалого огня «эрликонов» и зенитных автоматов. Самолету удалось уйти.

Сброшенная самолетом крылатая бомба, после нескольких неуклюжих раскачиваний из стороны в сторону стабилизировалась и, снижаясь, начала планировать на «Улисс». После удара бомбы в цель раздался невероятно мощный, оглушительный взрыв, потрясший крейсер до самого киля. На верхней палубе у многих лопнули барабанные перепонки.

Тэрнеру, смотревшему на корму с мостика, казалось, что этого удара «Улисс» не вынесет. Тэрнер сам был ми-

нером, хорошо знал подрывное дело, имел большой опыт в оценке силы взрывов, однако никогда раньше ему не приходилось бывать так близко к столь оглушительному взрыву. Он знал, что планирующие бомбы — это мощное оружие, но теперь подумал, что, по-видимому, все же недооценивал его: сотрясение от взрыва было, пожалуй, вдвое, а то и втрое сильнее, чем он ожидал.

Но Тэрнер не знал, что произошел не один, а одновременно два взрыва и они настолько совпали, что различить их было невозможно. По какой-то невероятной случайности крылатая бомба попала прямо в левый торпедный аппарат, заряженный, к счастью, только одной торпедой — две другие были израсходованы на потопление «Витуры». Обычно аматол, которым начинены боевые зарядные отделения торпед, чрезвычайно инертен и не детонирует даже при непосредственном ударном воздействии, но в данном случае бомба взорвалась слишком близко, а взрыв ее был слишком мощным.

Разрушения произошли сильные, хотя они и не имели роковых последствий для «Улисса». Надводный борт корабля разорвало почти до самой ватерлинии, от торпедного аппарата остались лишь обломки и осколки, палубы зияли огромными пробоинами, кожух дымовой трубы собрался в какую-то невероятную гармошку, сама труба наклонилась на левый борт градусов на пятнадцать. Но основная взрывная волна ударила в направлении кормы и разбилась о поверхность воды у борта. Поврежденные еще ранее камбуз и корабельная лавочка превратились теперь в беспорядочную груды железного лома.

Еще не успели осесть поднятые взрывом осколки и обломки, как последний «хейнкель», сопровождаемый густым веером светящихся трасс от снарядов, скрылся из видимости. Стрельба прекратилась, и наступила жуткая тишина. Слабое зарево от медленно опускавшихся, уже угасавших бомб зловеще освещало искалеченный «Улисс» и черные клубы дыма над разбитым «Стирлингом» и горящим танкером, кормовые надстройки которого были снесены почти начисто. Ни один из кораблей конвоя «FR-77» не дрогнул и не остановился; зато они сбили пять «хейнкелей».

«Дорогая победа, — подумал Тэрнер, — если это вообще можно назвать победой».

Но он знал, что «хейнкели» обязательно появятся над конвоем еще раз.

Райли высвободил отсиженную ногу и медленно, чтобы не попасть ею под вращающийся вал, вытянул ее вперед. Осторожно, стараясь шевелиться как можно меньше, он полил греющийся подшипник маслом. Между его плечом и вогнутой переборкой коридора лежал крепко спящий Додсон. Но как только Райли принял прежнее положение, Додсон зашевелился и с трудом открыл слипающиеся веки.

— Боже милостивый! — устало проворчал он. — Вы все еще здесь, Райли?

— Это хорошо, что я здесь, — недовольно пробрюзжал Райли. Он махнул головой в сторону подшипника. — Шланг для масла здесь ведь не установишь.

Райли вряд ли имел основание быть недовольным: он и Додсон по очереди несли получасовую вахту у подшипника и непрерывно смазывали его маслом. Райли сказал это просто потому, что надо было что-то сказать. Додсон улыбнулся, но промолчал. А потом откашлялся и небрежно спросил:

— А «Тирпиц» что-то опаздывает. Как вы думаете, Райли?

— Да, сэр, — смутившись, ответил Райли. — Давно уже должен быть здесь.

— Почему вы не выбросите из головы эту чепуху, Райли?

Райли промычал что-то себе под нос, но ничего не сказал.

— Идите и принесите еще кофе, Райли. У меня пересохло в горле.

— Нет, — ответил Райли грубо. — Сами сходите за ним.

— Сделайте мне одолжение, Райли, — умоляющим тоном попросил Додсон. — Я просто умираю от жажды.

— Ну хорошо... — И Райли сочно выругался. Тяжело поднявшись на ноги он продолжал: — А где прикажете взять его?

— В машинном отделении, там его сколько угодно. Машинисты вечно потягивают или охлажденную воду или кофе. Но для меня холодная вода не годится, — добавил Додсон.

Райли схватил термос и, спотыкаясь, заковылял по коридору. Не успел он сделать несколько шагов, как весь корабль вздрогнул от залпа орудий главного калибра. Ни

Додсон, ни Райли не знали, конечно, что это было начало воздушной атаки. Райли прижался к переборке, выждал секунду, затем неуклюже побежал дальше. Корабль содрогнулся от второго залпа, и Райли побежал еще быстрее. Его спотыкающаяся фигура чем-то напоминала Додсону бегущего в панике огромного краба. Снова весь коридор затрясся, завибрировал, на этот раз еще сильнее. Додсон понял, что стреляет третья башня, расположенная как раз над его головой.

«Слава богу, ушел, — подумал он о Райли. — Почему-то мне его компания не доставляет никакого удовольствия, — размышлял он, устраиваясь поудобнее около подshipника. — Больше я его, наверное, не увижу...»

Но не прошло и минуты, как в конце коридора снова показался Райли. Он возвращался такой же неуклюжей походкой, держа в руке полуторалитровый термос и две кружки, громко ругаясь всякий раз, когда, теряя равновесие, ударялся о переборку плечом или головой. Едва переводя дыхание от быстрой ходьбы, не говоря ни слова, он уселся рядом с Додсоном и налил в кружку кофе.

— За каким чертом вы вернулись, Райли? — с раздражением спросил его Додсон. — Вы мне совсем не нужны здесь и...

— Вы хотели кофе, — резко прервал его Райли, — я принес. Пейте и помалкивайте.

В этот момент раздался приглушенный раскат взрыва бомбы и торпеды на левом борту. Корабль содрогнулся и сильно накренился, по всему коридору прокатилось злое эхо. Потеряв равновесие, Додсон и Райли навалились друг на друга, и весь кофе из кружки вылился на ногу Додсона. Горячая жидкость прошла сквозь одежду, но Додсон не почувствовал ни ожога, ни влаги: его ноги ниже колен совершенно онемели. Он потряс головой и, взглянув на Райли, спросил:

— Что это было? Что происходит, Райли? Вы...

— Не имею никакого представления. Не обращайтесь внимания. — Он вытянул ноги, уселся поудобнее и начал дуть на горячий кофе в кружке. Потом его губы расплылись в широкую радостную улыбку: — Это, наверное, «Тирпиц», — сказал он с надеждой в голосе.

В эту ужасную ночь немецкие эскадрильи бомбардировщиков поднимались с аэродрома в Альтен-фиорде еще

три раза. Они летели на норд-норд-вест, чтобы нанести удары по остаткам конвоя «FR-77». Самолеты выходили на корабли безошибочно, потому что «фокке-вульф» торчал над конвоем непрерывно, несмотря на отчаянные попытки зенитчиков сбить его. На нем были, казалось, неисчерпаемые запасы этих проклятых светящихся бомб.

Первая атака в пять сорок пять завершилась обычной бомбардировкой с высоты около трех тысяч футов. Кажется, это были «дорнье», но с уверенностью самолеты опознать было невозможно, потому что они летели намного выше трех уже приближавшихся к поверхности моря светящихся бомб. Самолетам помешал интенсивный заградительный огонь, поэтому, атаку едва ли можно было назвать успешной — всего два прямых попадания. Одна бомба упала на транспорт и почти полностью снесла его полубак; другая досталась «Улиссу». Она пролетела через адмиральский салон и взорвалась в середине лазарета, переполненного ранеными и умирающими моряками. Для многих из них этот взрыв явился избавлением от мук, ибо на «Улиссе» уже давно истощились все запасы анестезирующих средств. Все, кто находились в помещениях лазарета, погибли. Среди них были командир минно-торпедной боевой части Маршалл, старший санитар Джонсон, старшина корабельной полиции Перрат, легко раненный за час до этого осколком торпедного аппарата, Бургесс, затянутый в смиренную рубашку, ее надели на него, когда он сошел с ума во время того памятного шторма, Браун, лежавший с переломом бедра, которое он получил, когда открывал крышку люка в снарядный погреб четвертой башни, и Брайэрли, который, впрочем, все равно умирал, потому что его легкие были растравлены соляром и сильно воспалены. Брукса в лазарете в момент взрыва не было.

Этим же взрывом разнесло центральную телефонную станцию. За исключением телефонной связи с артиллерийскими постами и машинным отделением да уцелевших переговорных труб, все внутренние линии связи на корабле теперь не действовали.

Во второй атаке в семь часов утра участвовало только шесть самолетов — опять «хейнкели», вооруженные планирующими бомбами. Действуя, очевидно, строго в соответствии с приказом, они оставили в покое транспортные суда и сосредоточили свои усилия исключительно на

двух крейсерах. Этот налет обошелся противнику дорого: он недосчитался четырех из шести самолетов, а на своем счету имел единственное попадание в корму «Стирлинга», в результате которого кормовые орудия крейсера вышли из строя.

Тэрнеру, наблюдавшему за «Стирлингом» с разбитого мостика «Улисса», казалось непостижимым, что этот корабль все еще на плаву и всё еще огрызается на противника теми немногими средствами, которые у него остались. Потом он взглянул на свой «Улисс», тоже наминавший скорее груды исковерканного и скрюченного металла, чем боевой корабль, и тем не менее настойчиво продолжавший рассекать высокие океанские волны. Разбитые, горящие крейсеры, крейсеры, превратившиеся в неузнаваемую груды металла, Тэрнер видел не впервые. Он видел участвовавшие в таких же конвоях в Россию, избитые до неузнаваемости крейсеры «Тринидад» и «Эдинбург». Но ему никогда еще не доводилось видеть корабль, который, несмотря на такие роковые удары и такие серьезные повреждения, оставался бы на плаву и вел бой, как его только что вели «Улисс» и устаревший «Стирлинг». Если бы Тэрнер не видел этого своими глазами, он никогда и никому не поверил бы, что это возможно.

Третья атака началась как раз перед рассветом. Пятнадцать «Хейнкелей-111», вооруженных планирующими бомбами, действовали очень смело и решительно. И снова крейсеры были единственными объектами атаки, но «Улиссу» на этот раз было уделено значительно большее внимание. Далекие от того, чтобы не принять вызова или плакаться по поводу выпавшей на их долю горькой участи, моряки «Улисса» встретили противника даже с каким-то озорством и радостью. «А как же, — говорили они, — вы убьете врага, если он к вам не придет?» На «Улиссе» теперь не было, пожалуй, ни одного человека, который испытывал бы страх или опасение близкой и верной смерти. Дом, родина, семья, жена, любимая — все это были для них только слова, мелькавшие в сознании и сразу же исчезавшие невзведь куда...

Первые самолеты ринулись на «Стирлинг». Тэрнер видел, как два «хейнкеля», виртуозно уклоняясь от зенитного огня прямой наводкой, резко нырнули вниз. Бронепробойные бомбы замедленного действия попали в среднюю

часть «Стирлинга», пробили палубу и взорвались вниз, в котельном и машинном отделениях. Противодействие следующим трем бомбардировщикам оказали только зенитные автоматы и пулеметы Льюиса, так как носовые орудия главного калибра почему-то умолкли. Тэрнер сразу же понял, что произошло: в результате взрыва прекратилась подача электроэнергии в артиллерийские башни. Легко преодолев слабое противодействие, самолеты сбросили свой смертоносный груз. Все три бомбы попали в цель. «Стирлинг» был смертельно ранен. Охваченный пламенем пожара, корабль сильно накренился на правый борт.

Внезапный и бурно нарастающий гул моторов заставил Тэрнера быстро повернуться назад и посмотреть на свой корабль. В первой волне к «Улиссу» приближались пять «хейнкелей». Они шли на различной высоте и с различных курсовых углов, чтобы рассредоточить зенитный огонь, но все пять целились в кормовую часть корабля. Кругом стоял такой шум и было столько дыму, что Тэрнер воспринимал только отдельные обрывки из общей картины боя. Неожиданно воздух, казалось, заполнился планирующими бомбами и надрывающимся треском немецких пушек и пулеметов. Одна бомба взорвалась в воздухе, чуть-чуть впереди кормовой трубы, на расстоянии какого-нибудь метра от нее. На шлюпочную палубу обрушился смертоносный вихрь острых стальных осколков. Все «эрликоны» и зенитные автоматы на ней сразу же умолкли, так как их расчеты стали жертвами шрапнели или были контужены. Вторая бомба пробила палубу, пролетела через кубрик машинистов и разорвалась в радиорубке. Еще две бомбы шли несколько выше и попали в третью башню и площадку вокруг нее. Башня раскололась на две части, словно по ней стукнули гигантским колуном, а ее основание отлетело на развороченный ют.

Кроме людей, находившихся на шлюпочной палубе и в третьей башне, во время этой атаки погиб еще только один человек, но такой, которого никто не мог заменить. Осколок первой бомбы ударил в баллон сжатого воздуха в торпедной мастерской, в которой за секунду до этого пытался укрыться Хартли...

«Улисс» прорывался теперь через клубы плотного черного дыма: на шедшем впереди «Стирлинге» взорвались топливные цистерны — и весь корабль охватило бу-

шующее пламя. Что произошло со «Стирлингом» в течение следующих десяти минут, никто не видел и никогда не скажет... Но вот совершенно неожиданно «Улисс» вышел из полосы дыма на чистую воду. «Хейнкели», сбросившие к этому времени все свои бомбы, как хищники, набросились на искалеченный крейсер. Они обстреливали «Улисс» из пушек и пулеметов, по-видимому рассчитывая таким образом прикончить свою жертву. Но «Улисс» все еще огрызался. То в одном, то в другом месте на его палубе оживали и ожесточенно строчили по пролетающим самолетам «эрликоны», зенитные автоматы и пулеметы.

Вот застрекотал «эрликон» под самым мостиком. Наклонившись вниз, Тэрнер увидел, как зенитчик старательно направлял трассирующий след на быстро приближавшийся «хейнкель». В тот же момент самолет открыл ответный огонь и Тэрнер, увлекая за собой Карпентера, бросился на палубу. Бомбардировщик вихрем пронесся над мостиком, и стрельба сразу же прекратилась. Тэрнер медленно поднялся на ноги и снова посмотрел вниз на только что стрелявший «эрликон»: простроченный пулеметной очередью, зенитчик был мертв.

Услышав рядом с собой какую-то возню, Тэрнер повернулся и увидел хрупкую фигуру человека, пытающегося перелезть через ограждение мостика. В отраженном свете мелькнуло бледное, с широко открытыми глазами лицо Крайслера. В тот же момент Тэрнер увидел, что с правого борта три «хейнкеля» выстраиваются для новой атаки.

— Ты что, с ума сошел? — закричал он на Крайслера. — Хочешь разбиться насмерть? А ну-ка, сейчас же обратно!

Крайслер посмотрел на Тэрнера, как будто не узнавая его, потом бросил быстрый взгляд вниз и решительно спрыгнул на орудийный барбет.

Наклонившись за ограждение мостика, Тэрнер увидел, как Крайслер, напрягая все свои силы, торопливо стаскивал мертвого зенитчика с его сиденья на «эрликоне». После нескольких отчаянных рывков ему удалось наконец повалить окоченевшее тело и осторожно, как будто зенитчик был еще жив, оттащить его в сторону. Затем Крайслер быстро взобрался на сиденье «эрликона». Тэрнер успел заметить, что одна рука Крайслера была без рукавицы и из нее сочилась кровь. Потом, увидев

краем глаза вспышки выстрелов с «хейнкелей», Тэрнер снова повалился на палубу.

Прошла одна, две, три секунды... Три секунды, в течение которых снаряды и пули с самолета с диким свистом и звоном обрушились на бронированное покрытие мостика. На четвертой секунде Тэрнер услышал, как застрекотал спаренный «эрликон». Крайслер, должно быть, стрелял по самолету до самого последнего момента. Он успел сделать шесть выстрелов — только шесть, но они оказались для «хейнкеля» роковыми. Огромный дымящийся фюзеляж промелькнул над самым мостиком, левое крыло самолета зацепило за пост управления зенитным огнем, и бомбардировщик тяжело рухнул в воду с левого борта.

Крайслер все еще сидел на месте. Из его левого плеча, пробитого снарядом, ключом била артериальная кровь. Пытаясь остановить ее, он зажал рану правой рукой. Но когда к кораблю приблизился следующий бомбардировщик, окровавленная рука Крайсlera снова потянулась к спусковому крючку орудия.

Лежа на палубе мостика рядом с Кэррингтоном и Карпентером, Тэрнер с отчаянной злобой стукнул кулаком по переборке. Он вспомнил Старра, ввергнувшего конвой в эту бойню. Тэрнер никогда не поверил бы, что можно так ненавидеть человека. Появись Старр перед ним в эту секунду, он, не задумываясь, убил бы его. Тэрнер подумал о Крайслере, о невыносимой боли, которую, он, должно быть, испытывал, прижимаясь раненым плечом к стреляющему орудью. Тэрнер поклялся себе, что если останется жив, то обязательно представит этого юношу к награждению «Крестом Виктории». Внезапно стрельба прекратилась: «хейнкель» резко отвернул влево, из обоих его моторов повалил густой дым.

Тэрнер быстро поднялся на ноги и снова наклонился за ограждение мостика, чтобы взглянуть на Крайсlera. Он сделал это не осмотревшись и едва не расплатился за такую беспечность своей жизнью. В нескольких дюймах от его головы на мостик обрушился новый шквал снарядов и пуль с третьего и последнего «хейнкеля». Тэрнер бросился на палубу, и хотя она была теперь в нескольких дюймах от его лица, он ее не видел. В его глазах все еще стояла ужасная картина, которую он увидел секунду назад: Крайслер с огромной рваной раной через всю спину,

наклонившись вперед, весом своего тела все еще направлял стволы «эрликона» вверх. Оба ствола стреляли. Они продолжали стрелять до тех пор, пока не кончились патроны в барабанах, потому что омертвевшие пальцы Крайслера застыли на спусковом крючке.

Постепенно, одно за другим, все орудия конвоя умолкли. Слабея с каждой секундой, гул моторов вскоре пропал где-то в южной части горизонта. Атака закончилась.

Тэрнер медленно и теперь уже с трудом поднялся на ноги. Он еще раз взглянул на неподвижного Крайслера, но тотчас же отвел глаза в сторону. Позади раздался чей-то кашель, странный булькающий кашель. Тэрнер повернулся и застыл как вкопанный.

Опираясь спиной на ножки адмиральского табурета, на палубе сидел белый как полотно, безмолвный Карпентер. Около него, опустившись на колени, хлопотал Кэррингтон. Начиная от нижней части живота через всю грудь к правому плечу по капковой куртке Карпентера тянулась прямая линия равно отстоящих друг от друга круглых отверстий — следов пулеметной очереди «хейнкеля».

Тэрнер стоял неподвижно. Он сразу понял, что Карпентер продержится всего несколько секунд, и любое резкое движение Тэрнера оборвет тот волосок, который еще связывает этого юношу с жизнью.

Карпентер почувствовал обращенный на него взгляд Тэрнера. Он устало поднял веки и посмотрел на него потускневшими голубыми глазами, медленно провел рукой по пробитой куртке, ощупал пальцами каждую дырку, как бы считая их. Неожиданно лицо его озарилось какой-то детской улыбкой.

— Прошит насквозь, — прошептал он. — Чертовски аккуратно прошит. — Затем рука его безжизненно опустилась на колени, ладонью кверху, а голова резко склонилась на грудь. Волосок оборвался. Сердце Карпентера больше не билось.

Глава семнадцатая ВОСКРЕСЕНЬЕ. УТРО

«Стирлинг» затонул на рассвете. Он пошел на дно не потеряв хода, все еще рассекая высокие океанские волны. Охваченные пламенем верхние надстройки крейсера на-

калились докрасна, при погружении от них поднимались вверх столбы пара и дыма. Это было ужасное зрелище, но не единственное в этом роде; так же выглядел немецкий линейный корабль «Бисмарк», перед тем как торпеды «Шропшира» послали его на дно.

Северное сияние давно уже исчезло, чистое до этого небо стало покрываться темными тучами, наступавшими с юга. Люди на кораблях и судах надеялись, что тучи и снег скроют конвой от противника. Но немецкие «штуки» появились над кораблями раньше туч и снега.

«Штуки», или «Юнкерсы-87» — эти чудовищные пикирующие бомбардировщики с крыльями чайки, — пришли с юга, пролетели высоко над конвоем и, развернувшись влево, легли на обратный курс. Дойдя до левого траверза «Улисса», шедшего в конвоем последним, они начали новый поворот. Потом внезапно, следуя своему обычному тактическому приему, один за другим, низко накренившись на левое крыло, самолеты начали выходить из строя и устремились на избранные цели.

Любой самолет, летящий вниз по неизменной прямой на зенитное орудие, обречен на гибель. Так рассуждают теоретики и преподаватели в артиллерийской школе на острове Уэйл. Они не только рассуждают, но и подтверждают это на учениях, практически сбивая из зенитных орудий соответствующие мишени. К сожалению, им не удалось создать мишень, подобную «штуке».

К сожалению, потому, что в настоящем бою «штуку» нельзя сравнить ни с какой мишенью. Чтобы убедиться в этом, достаточно встать позади орудия, послушать пронзительный, воющий свист падающего на вас почти вертикально «юнкерса», почувствовать изрыгаемый им шквал пуль, увидеть через прицел, как он с каждой долей секунды становится все более огромным, и знать при этом, что никакая сила уже не остановит полета сброшенной им бомбы. Сотни оставшихся в живых людей, испытавших нападение «штук», без колебаний подтвердят, что более деморализующего психологического воздействия на людей не оказывало ни одно оружие второй мировой войны.

Но в одном случае из ста, может быть, даже из тысячи, правда может оказаться на стороне теоретиков. И тут был как раз такой, один из тысячи, случай, потому что страх для зенитчиков «Улисса» давно уже перестал существовать. Противодействие бомбардировщикам, пикиро-

вавшим на «Улисс», оказывали только один многоствольный зенитный автомат и шесть или семь «эрликонов», так как для носовых башен цели оказались вне сектора обстрела. Но и эти немногие орудия сделали свое дело: три «штуки» почти в такое же количество секунд были сбиты прямым попаданием. Две из них плюхнулись в море на безопасном для «Улисса» расстоянии, и только третья с огромной силой врезалась в уже неизвестно развороченный адмиральский салон.

Случай, когда при падении самолета его бензиновые баки не возгораются или не взрывается бомба, настолько редки, что считаются просто невероятными. При падении этого самолета не произошло ни того, ни другого. Бородатый Дойл оставил свой зенитный автомат, вскарабкался на полубак и бросился к невзорвавшейся бомбе, которая тяжело перекачивалась около фальшборта в лужах вытекающего из баков бензина. Малейшей искры от подкованных сапог Дойла или от удара какого-нибудь острого осколка самолета о стальную палубу было бы достаточно, чтобы все это вспыхнуло и взорвалось. Контактный взрыватель на бомбе был цел. Она скользила по ледяной палубе из стороны в сторону, грозя в любую секунду удариться взрывателем о твердый фальшборт или леерную стойку. Дойл все это понимал, но действовал совершенно хладнокровно. Он спокойно повалил ногой единственную уцелевшую в этом месте леерную стойку, подкатил бомбу хвостовой частью к борту, приподнял ее за нос так, чтобы она ни за что не зацепила, и сбросил этот страшный груз в воду.

Сброшенный Дойлом груз плюхнулся в воду как раз в тот момент, когда на «Стирлинг» упала первая в этой атаке бомба. Она шутя прошла сквозь дюймовую броню палубы и разорвалась в машинном отделении. Три, четыре, пять, шесть бомб ударили в умирающее сердце корабля. Сбросив бомбы, освещаемые пламенем пожара «штуки» одна за другой выходили из пикирования и поочередно отлетали влево и вправо от своей жертвы. Наблюдателям на мостике «Улисса» казалось странным, неестественным то, что бомбы не взрывались, звуков взрывов не было; можно было подумать, что бомбы просто поглощаются этим адом из дыма и пламени.

Тэрнер наблюдал за гибнущим «Стирлингом» с болью в сердце, со жгучей обидой, что ничем не может ему помочь.

«Интересно, — устало размышлял он, — «Стирлинг», как и все другие крейсера... это самые живучие корабли».

Он видел гибель многих крейсеров, но ни один из них не пошел на дно сразу, легко, без борьбы... Для крейсеров не существует нокаутов. Они всегда должны быть избиты до полусмерти, прежде чем останавливается их сердце... Вот и «Стирлинг» тоже... Тэрнер сжал кулаки до хруста в пальцах, до боли в предплечьях... Для него, как и для всякого истинного моряка, гибель корабля — это гибель любимого друга... В течение пятнадцати месяцев устаревший доблестный «Стирлинг» был преданным другом «Улисса», его верной тенью, кораблем, разделявшим с «Улиссом» трудности самых тяжелых походов в этой проклятой войне. Это был последний корабль из старой гвардии. Не многие корабли могли бы похвалиться таким огромным количеством миль, пройденных в составе самых трудных северных конвоев. Смотреть, как умирает друг, тяжело. Тэрнер отвернулся, втянул голову в сгорбленные плечи и уставился невидящим взором на обледеневшую палубу мостика.

Тэрнер отвернулся и закрыл глаза, однако уши его продолжали слышать... Он содрогнулся, когда до его слуха донеслись чудовищный грохот и шипение кипящей воды и пара: раскаленные надстройки «Стирлинга» погружались в холодные арктические воды. Режущие слух шипение и свист продолжались секунд пятнадцать — двадцать. Потом внезапно все прекратилось, как будто кричащей в предсмертной агонии жертве отрубили голову. Когда Тэрнер медленно поднял глаза и взглянул туда, где только что был «Стирлинг», он увидел лишь бегущие друг за другом волны. То в одном, то в другом месте на них появлялись огромные, покрытые масляной пленкой воздушные пузыри, которые в тот же момент лопались под потоком мельчайшего дождя и града, моментально образовавшегося под действием низкой температуры в клубах высоко поднявшегося в воздух пара.

«Стирлинга» не стало, но покалеченные корабли и суда конвоя «FR-77» упорно продолжали свой путь на север. Теперь их осталось семь: четыре транспорта, вклю-

чая тот, на котором шел коммодор, танкер, «Сиррус» и «Улисс». Все они получили те или иные повреждения, «Улисс» был ранен тяжелее других. Только семь кораблей... А в начале пути в Россию их было тридцать шесть...

В восемь ноль-ноль Тэрнер передал семафор на «Сиррус»: «Радиостанция вышла из строя. Сообщите шифром командующему эскадрой курс, скорость, место. Подтвердите randevу в девять тридцать».

Ответ пришел ровно через час: «Задерживаюсь из-за штормовой погоды. Рандеву приблизительно в десять тридцать. Воздушное прикрытие выслать невозможно. Продолжайте движение».

— «Продолжайте движение»! — возмутился Тэрнер. — Нет, вы только подумайте! «Продолжайте движение»! А что же он думает, что мы остановимся, откроем кингстоны и затопим корабли? — Тэрнер гневно покачал головой. — Я не люблю повторяться, но должен, — сказал он резко. — Как всегда, слишком поздно!

Рассвет давно уже миновал, настало утро, а горизонт становился все темнее и темнее. Все небо над конвоем заволокли темные тучи. «Слава всевышнему, — думали люди на кораблях, — скоро, наверное пойдет снег». Конвой мог спасти теперь только снег.

Но снег не пошел. Во всяком случае, он не пошел тогда, когда был так нужен... И люди снова слышали зловещий гул моторов. Отдаленный рокот моторов то усиливался, то ослабевал: это «юнкеры» методично обследовали море в поисках конвоя, так как «чарли» покинул его еще до рассвета. Но надеяться было не на что: пройдет какое-то время, и эскадрилья пикирующих бомбардировщиков, конечно, обнаружит корабли. На поиск им потребовалось всего десять минут. Через десять минут над конвоем появился первый покачивающийся крыльями «Юнкерс-87».

Десять минут — время небольшое, но вполне достаточное, чтобы приготовиться к встрече воздушного противника. Когда «штуки» появились над конвоем, корабли и суда уже перестроились в неровный строй фронта: в середине танкер «Варелла», по бортам от него, немного впереди, — по два транспорта, а на флангах — «Сиррус» и «Улисс». Такой ордер был бы самоубийственным в водах, где действуют подводные лодки: торпеды, идущие с левого или правого борта, почти наверное поразили бы все ко-

рабли. Но для лодок погода была слишком неблагоприятной, а против атаки «юнкерсов» такой строй предоставлял максимальные возможности. Если бомбардировщики будут подходить с кормы — наиболее часто применяемый «юнкерсами» тактический прием, — то они моментально попадут в зону плотного зенитного огня всех семи кораблей; если же они предпочтут подойти с фланга, то сначала обязательно должны будут атаковать эскортные корабли, потому что ни один «юнкерс» не подставит свое незащищенное брюхо под орудия военного корабля... Они избрали второй путь: четыре самолета зашли на запад для атаки левого фланга конвоя, а пять — на восток. Тэрнер заметил, что на этот раз самолеты несли дополнительные, увеличивающие радиус их действия, бензиновые баки.

У Тэрнера не было времени взглянуть, как встретил противника «Сиррус». Фактически он не видел даже, как вели огонь орудия «Улисса», потому что мостик окутали клубы густого и едкого дыма, вырывавшегося из стволов орудий первой и второй башен. В коротких промежутках между залпами из орудий главного калибра Тэрнер слышал сухие хлопки скорострельного зенитного автомата на шлюпочной палубе, у которого был все тот же неутомимый Дойл, и многоголосый звонкий треск «эрликонов».

Внезапно (от неожиданности у Тэрнера даже захватило дыхание) хмурую пелену над кораблем пронзили два гигантских ослепительных световых луча. Тэрнер поражен, но в тот же момент на его лице появилась широкая радостная улыбка. Это были лучи сорокачетырехдюймовых поисковых прожекторов, которые, кстати, все еще числились секретными. Они были настолько мощными, что освещали противника на расстоянии шести миль! «Какой же я болван, что забыл о них!» — ругал себя Тэрнер. Он вспомнил, что Вэллери часто, и днем и ночью, применял эти прожекторы против атакующих самолетов: ни один летчик не выдерживал их яркого света, если он не хотел ослепнуть.

Прищуриваясь от едкого дыма, Тэрнер напряженно всматривался в кормовую часть корабля, чтобы увидеть, кто находится у прожекторов. Но он догадался еще до того, как ему удалось опознать фигуру этого человека. Конечно же это был Ралстон! Тэрнер вспомнил, что днем по боевой тревоге место Ралстона было у прожекторов, да и вряд ли кто еще, кроме этого находчивого и сообра-

зительного торпедиста, включил бы прожекторы по своей инициативе.

Ралстон буквально прилип глазами к прицелу на пульте управления прожекторами. Лицо его было абсолютно спокойным, неподвижным. Он сосредоточенно подкручивал небольшие штурвалы, чтобы навести лучи на цель. Ни один мускул на его лице не дрогнул даже тогда, когда ослепленный светом первый «юнкерс» сначала рыскнул в сторону, а потом резко, как будто его кто-то толкнул, сошел с курса, беспомощно закачал крыльями и, опоздав выйти из пике, грохнулся в море в ста метрах от «Улисса».

«О чем думал в этот момент Ралстон? — размышлял Тэрнер. — О матери и сестре, погребенных под руинами бунгало в Кройдоне? О своем брате — невинной жертве этого бунта? Каким невероятным и невозможным представлялся этот бунт теперь! О своем отце, погибшем от руки собственного сына?»

Лицо Ралстона оставалось абсолютно, до жути спокойным и тогда, когда второй ослепленный «юнкерс» пролетел над «Улиссом» и сбросил свою бомбу в море с другого борта. Ралстон продолжал сосредоточенно наводить лучи и после того, как третий самолет взорвался в воздухе, и тогда, когда снарядом со следующего был разбит один из прожекторов... Его лицо не отразило ничего и в тот момент, когда снаряды последнего «юнкерса» ударили по пульту управления прожекторами и разорвали грудь самого Ралстона... Он умер без страданий: выпрямившись на какую-то долю секунды, он тяжело упал на палубу спиной вниз. Подбежав к Ралстону, Тэрнер посмотрел в его лицо: все то же спокойствие, ни глаза, ни лицо не отражали никаких чувств. На широко раскрытые, но безжизненные глаза начали падать первые снежинки... Тэрнер отвернулся.

В «Улисс» попала только одна бомба. Она разорвалась на полубаке, перед первой башней. Жертв не было, но взрывом повредило гидравлическую систему башни, поэтому, по крайней мере временно, вторая башня оказалась единственно способной вести огонь.

«Сиррусу» повезло меньше. Он сбил один самолет, но получил два попадания, причем обе бомбы разорвались в кормовом кубрике. Хотя на «Сиррусе» было много спасенных и обычно в кубрике находилось много людей, на этот раз их там не было, все они разошлись по боевым

постам, и ни один человек не погиб в этой последней для «Сирруса» атаке.

Надежда возрастала с каждой минутой. До встречи с эскадрой боевых кораблей прикрытия оставалось теперь менее часа. Арктический снежный шторм надежно прикрывал конвой: никакой самолет не сможет обнаружить корабли при такой низкой и плотной облачности. Конвой находился теперь почти на пределе дальности действия авиации берегового базирования; «кондоры», разумеется, составляли исключение. Для действий подводных лодок погода также была весьма неблагоприятной.

— «А может быть, мы и доплывем до острова Счастья?» — тихо процитировал Кэррингтон.

— Что? — удивленно посмотрел на него Тэрнер. — Что вы сказали, помощник?

— Это Теннисон, — разъяснил Кэррингтон. — Командир всегда цитировал его... Может быть, нам еще повезет?

— Может быть, может, — вяло ответил Тэрнер. — Престон!

— Есть, сэр, я вижу. — Престон напряженно всматривался по направлению на север, где быстро мигал сигнальный фонарь с мостика «Сирруса».

— Корабль, сэр! — доложил он. — «Сиррус» сообщает, что видит военный корабль, приближающийся с севера!

— С севера! Слава тебе, всевышний! — радостно воскликнул Тэрнер. — С севера! Это должны быть они! Пришли раньше назначенного времени... Беру свои слова обратно, они не опоздали! Вы видите что-нибудь, помощник?

— Нет, сэр, ничего не видно. Слишком пасмурно, но, кажется, начинает немного проясняться... «Сиррус» опять вызывает.

— Что он передает, Престон? — нетерпеливо спросил Тэрнер.

— «Контакт. Контакт с подводной лодкой. Правый борт, курсовой тридцать градусов. Сближаюсь», — прочитал Престон.

— Контакт! В такой поздний час! — недовольно проворчал Тэрнер, потом сильно стукнул кулаком по настоузу и разразился страшными ругательствами.

— Боже мой, неужели она задержит нас! Престон, передайте на «Сиррус», чтобы...

Тэрнер остановился на полуслове. Не веря своим глазам, он смотрел на север. Рассекая мглу и снежную пелену, там сверкнуло несколько ярких вспышек пламени. Он заметил, как перед самым носом «Кейп Хаттераса» выросли белые столбы всплесков от снарядов. Потом новые вспышки, на этот раз более яркие, осветили на мгновение нос и надстройку стрелявшего корабля. Тэрнер медленно повернулся и обменялся с Кэррингтоном продолжительным и многозначительным взглядом.

— Ответ на многие вопросы, — тихо сказал Тэрнер. — Вот почему в течение этих двух дней они старались вывести из игры «Стирлинга» и нас. Лиса забралась теперь в курятник!.. Это наш старый приятель, крейсер типа «Хиппер», явился к нам с официальным визитом.

— Да, это он, — вяло согласился Кэррингтон.

— Это конец, но... — Тэрнер пожал плечами, — мы заслуживаем более почетной смерти... — Он криво улыбнулся. — Как вы смотрите на то, чтобы погибнуть смертью героев?

— Эта идея пугает меня! — сказал громовым голосом только что появившийся на мостике Брукс.

— Меня тоже, — согласился Тэрнер. — Но у нас нет никакого выбора!

— Вы правы, — мрачно подтвердил Брукс.

— Обе полный вперед! — приказал Кэррингтон, склонившись к переговорной трубе, как бы подтверждая этим свое согласие с предложением Тэрнера.

— Нет, нет, — мягко поправил Тэрнер. — Обе максимальный вперед, помощник! Передайте в машинное отделение, пусть выжмут все, на что способен «Улисс». Престон! Поднять сигнал для всех кораблей и судов: «Рассредоточиться. Следовать в русские порты самостоятельно!»

Верхняя палуба покрылась толстым слоем снега. Ветер усиливался. Выйдя из корабельной лавки, где Николас только что закончил оперировать раненых, на верхнюю палубу, он сразу почувствовал, что его бросило в дрожь. Поеживаясь, Николас втянул голову в плечи, спрятал лицо в воротник и с большим трудом поднялся по трапу на мостик. Он ужасно устал. Каждый шаг стоил огромных усилий. Болела левая нога: после ранения осколком бомбы во время налета «юнкерсов» на нее пришлось наложить шину.

На мостике Николаса ждал командир «Сирруса» Петер Орт.

— Я послал за вами, подумал, что вам понравится это зрелище. — При поистине атлетической фигуре у Орта был довольно высокий голос. — Точнее, я подумал, что вы захотели бы увидеть это, — поправился он. — Посмотрите, как он идет! Как он идет!

Николас перевел взгляд на левый борт. На траверзе «Сирруса» на расстоянии полумили шел охваченный пламенем «Кейп Хаттерас». В нескольких милях к северу через снежный занавес едва просматривались смутные очертания немецкого крейсера, который продолжал методично обстреливать тонущее судно. Немецкие артиллеристы стреляли очень точно, каждый снаряд попадал в цель.

Слева по корме, в полумиле от «Сирруса», шел «Улисс». Пенящиеся волны за его кормой и мириады брызг по бортам указывали на то, что крейсер развивает бешеную скорость. Его форштевень почти полностью поднимался над водой, потом с грохотом ударялся о подошву очередной волны. Скорость корабля заметно возрастала с каждой секундой.

Николас смотрел на крейсер зачарованным взглядом. После перехода на «Сиррус» он видел его впервые. Носовые и кормовые надстройки корабля представляли собой скрученные, измятые, исковерканные груды металла; обе мачты сломаны; дымовые трубы разорваны; командно-дальномерный пост сбит; из огромных пробоин на полубаке и юте все еще вырывались клубы черного дыма; сорванные со своих оснований кормовые башни неуклюже уткнулись в палубу; на крыше четвертой башни все еще торчал обгоревший фюзеляж «кондора»; в надводном борту, в той части, где был торпедный аппарат, зияла огромная пробоина... «Улисс» имел кошмарный вид.

Едва удерживаясь на раскачивающейся палубе эсминца, не отрываясь ни на секунду, Николас смотрел на свой корабль и буквально немел от ужаса.

На мостик поднялся запыхавшийся рассыльный и вручил командиру шифровку.

— «Рандеву в десять пятнадцать», — прочитал вслух Орт. — Боже мой, осталось двадцать пять минут! Вы слышите, доктор? Двадцать пять минут!

— Да, сэр, — рассеянно ответил Николас. Он плохо слышал Орта.

Орр посмотрел на Николаса, коснулся его руки и кивнул в сторону «Улисса».

— Он задумал что-то невероятное, правда? — спросил он почти шепотом.

— Как я хотел бы быть на нем! — тихо произнес Николас. — Почему они меня послали?.. Смотрите-ка! Что это?

На ноке реи «Улисса» внезапно появился развевающийся по ветру огромный двадцатифутовый флаг. Николас никогда не видел ничего подобного. Красные, синие и белые полосы на нем были необычайно яркими.

— Боевой кормовой флаг, — пробормотал Орр. — Билл Тэрнер поднял боевой флаг. — Он улыбнулся и покачал головой. — Тратить сейчас на это время! Да, доктор, так может поступить только Тэрнер. Вы его хорошо знаете?

Николас молча кивнул головой.

— Я тоже, — просто сказал Орр.

«Сиррус» все еще шел в сторону противника, когда «Улисс» промчался мимо него на расстоянии одного кабельтова. Из-за бешеной скорости крейсера создавалось впечатление, что эсминец стоит на месте, хотя «Сиррус» делал в этот момент не менее пятнадцати узлов.

Позднее, в спокойной обстановке, Николас не мог описать эту картину во всех деталях. Почему-то он представлял себе «Улисс» не с вздымающимися и проваливающимися форштевнем, а яростно рассекающим высокие волны на ровном киле. Он помнил, что вторая башня «Улисса» вела непрерывный огонь. Сквозь снежный занавес летел снаряд за снарядом; взрываясь над палубой или на самой палубе немецкого крейсера, они ярко освещали его. Николас смутно помнил также величественную фигуру Тэрнера, который иронически помахал рукой в сторону отстающего «Сирруса», а на ноке реи развевался огромный кормовой флаг, который уже потрепался у задней шкаторины. Но Николас хорошо помнил и никогда не забудет страшный рев мощных котельных и машинных вентиляторов, жадно засасывавших воздух для напряженных до предела главных механизмов «Улисса». Крейсер развил бешеную скорость, и казалось, что его вибрирующий корпус в любую секунду может рассыпаться, а огромные двигатели расплавиться. «Улисс» шел со скоростью не менее сорока узлов. Относительно намерений Тэрнера теперь не было никаких сомнений: он решил таранить крейсер противника и увлечь его с собой на дно.

Николас стоял и смотрел на «Улисс» как зачарованный. Тот все еще летел сорокаузловым ходом, когда в его надводном борту в носовой части, как раз над ватерлинией, внезапно появилась огромная пробоина. Возможно, это был результат разрыва снаряда противника, но попадание под таким углом маловероятно. Скорее всего, в «Улисс» попала торпеда, выстреленная необнаруженной подводной лодкой. Возможно, что стремительное движение носа корабля вниз совпало с моментом, когда волна подбросила торпеду вверх. Хотя и редко, но такие случаи бывали и раньше... Несмотря на эту роковую рану и многочисленные попадания тяжелыми снарядами с крейсера противника, «Улисс» продолжал мчаться вперед...

«Улисс» все еще мчался сорокаузловым ходом, когда в носовой части раздался потрясающий взрыв: детонировали снарядные погреба первой и второй башен. Озаренный пламенем взрыва полубак крейсера высоко подбросило вверх, но в ту же секунду нос крейсера стремительно рухнул вниз и ударился в подошву высокой волны... Бешено вращающиеся винты крейсера продолжали толкать его вперед и вниз, на темное дно Ледовитого океана.

Глава восемнадцатая

ЭПИЛОГ

Джонни Николас подъехал к адмиралтейству на такси как раз в тот момент, когда раздался бой Большого Бена — часов на здании английского парламента. Расплатившись с водителем, он неуклюже вылез из машины и, опираясь на костыли, прихрамывая, поднялся по мраморной лестнице к парадной двери. Небрежно козырнув Николасу, часовой открыл перед ним тяжелую входную дверь. Пройдя вестибюль, Николас оказался в огромном коридоре с ровным рядом массивных дверей по обеим сторонам. Под дугообразным лестничным маршем в конце коридора Николас увидел сооружение, напоминающее огромные закругленные конторы в банках. Над одним из окошек висела надпись: «Машбюро. Справочная».

Каждый шаг Николаса по направлению к конторке сопровождался гулким стуком костылей о мраморный пол. Машинистки, как по команде, прекратили работу и уста-

вились на него с нескрываемым любопытством. К окошку подошла молоденькая рыжеволосая девушка в форме женского вспомогательного корпуса военно-морских сил.

— Что вам угодно, сэр? — спросила она полным сострадания, тихим голосом.

Николас бросил быстрый взгляд на свое изображение в зеркале позади девушки, на потертый китель, одетый поверх серого рыбацкого свитера, на темные пятна глубоко сидящих глаз, на исхудавшие щеки...

«Не удивительно, что я вызываю сострадание, — мелькнуло у него в голове, — мое плачевное состояние ясно не только мне, врачу, но и этим девушкам».

— Я лейтенант медицинской службы Николас, — сказал он вслух. — Мне приказано явиться...

— Лейтенант Николас!.. С крейсера «Улисс»? — с поразительной осведомленностью перебила его рыжеволосая девушка. — Да, да, сэр. Они ожидают вас.

Николас посмотрел на девушку у окошка, на всех других девушек, неподвижно застывших у своих машинок и напряженно следивших за ним, как будто он прибыл с Луны. Смутившись от этого внимания к себе, он спросил, заикаясь:

— Наверное... Мне, наверное, нужно подняться наверх?

— Нет, сэр. — Рыжеволосая девушка вышла из-за барьера в коридор. — Они... они знают, что вы ранены, сэр, — произнесла она извиняющимся тоном. — Пройдите сюда, пожалуйста, — указала она на дверь с другой стороны коридора и пошла было вперед, но, заметив, что Николас не поспевает за ней, ласково улыбнулась и замедлила шаг.

Подойдя к двери, она открыла ее, назвала кому-то его фамилию и отошла в сторону. Когда Николас прошел мимо нее в кабинет, она бесшумно прикрыла за ним дверь.

В кабинете было три человека. Один из них — Николас сразу же узнал его — вице-адмирал Старр, вышел ему навстречу. Старр выглядел теперь намного старше и более утомленным, чем две недели назад, когда Николас видел его в последний раз.

— Как вы себя чувствуете, Николас? — спросил он. — Ходить вам, видно, еще трудно. — Под внешней уверенностью и несколько неуместной общительностью адмирала

скрывалась какая-то внутренняя напряженность. — Проходите и садитесь.

Старр провел Николаса через кабинет к длинному, обитому кожей столу. Позади стола на фоне огромных карт сидели два человека. Адмирал Старр представил их Николасу. Один, рослый и мускулистый, с красным лицом, был одет в морскую форму с золотыми нашивками адмирала флота. Другой был в гражданском, небольшой, но коренастый человек с волосами серо-стального цвета, со спокойным, умным взглядом. Всем своим обликом этот человек резко отличался от обоих адмиралов. Николас сразу же узнал его и понял, что ему оказана высокая честь. «Такие люди принимают не всех», — подумал он.

После небольшой паузы человек с серо-стальными волосами откашлялся и спросил:

— Как ваша нога, юноша? Мне она что-то не очень нравится.

— Не так уж плохо, сэр, спасибо, — ответил Николас. — Через две-три недели я буду практически здоров.

— Вы можете отдыхать два месяца, молодой человек, — авторитетно заявил он. — Если хотите, даже больше. А кто-нибудь спросит — скажите, что я разрешил. Закуривайте!

Он щелкнул большой настольной зажигалкой и откинулся на спинку кресла. Казалось, он не знал, что сказать дальше. Потом неожиданно спросил:

— Как добирались домой, хорошо?

— Очень хорошо, сэр. Ко мне на всем пути относились, как к весьма важной персоне. Москва, Тегеран, Каир, Гибралтар... — Губы Николаса искривились в усмешке. — Путешествие оттуда было куда более комфортабельным, чем туда. — Николас помолчал немного, сделал глубокую затяжку от дымящейся сигареты и посмотрел прямо через стол. — Я бы предпочел вернуться домой на «Сиррусе».

— Мы не сомневаемся, — с ноткой раздражения вмешался Старр. — Но мы не могли удовлетворить личные пожелания всех вместе и каждого в отдельности. Нам как можно скорее нужна была информация из первых рук о конвое эф-эр-семьдесят семь, и особенно об «Улиссе».

Николас до хруста в суставах сжал пальцами подлокотники кресла, в его глазах появились гневные искорки,

но он вспомнил, что за ним внимательно наблюдают три человека. Медленно разжав пальцы, он вопросительно посмотрел на человека с серо-стальными волосами, как бы прося его подтвердить слова Старра.

Человек с серо-стальными волосами наклонил голову и мягко произнес:

— Расскажите нам все, что вы знаете, все подробности, которые вам известны... Не беспокойтесь о времени.

— С самого начала? — спросил Николас.

— С самого начала.

Николас рассказал им. Он попытался рассказать всю историю конвоя «FR-77» от начала и до конца самым подробнейшим образом, но почувствовал, что его рассказ звучит как-то неуверенно и несвязно. Контраст между мирной, уютной атмосферой кабинета, в котором они находились, и ужасными, невыносимыми условиями там, в Арктике, был слишком велик, чтобы его могли понять люди, не испытавшие этого на себе. Здесь, в центре Лондона, его взволнованный рассказ звучал неправдоподобно даже для его собственного слуха. Не дойдя и до половины того, что ему хотелось рассказать, Николас посмотрел на своих слушателей и понял, что старается напрасно. Недоверчивость? Нет, дело было не в этом. По крайней мере, он не мог заподозрить в недоверчивости человека с серо-стальными волосами и адмирала флота. Просто многое в его рассказе было непостижимо, сбивало с толку, мешало воспринимать события такими, какими они были в действительности.

Николас рассказал, как «Сиррус» подобрал шесть человек, спасшихся с «Улисса»; как Брукс отдал свой спасательный жилет рядовому матросу, остававшемуся, всем на удивление, живым в ледяной воде около пятнадцати минут; как Тэрнер, раненный в голову и руку, поддерживал контуженного Спайсера до тех пор, пока к ним не подошел «Сиррус», как он обвязал матроса беседочным узлом, но сам утонул до того, как ему успели бросить спасательный конец; как Кэррингтон, держась за осколок бревна одной рукой, поддерживал другой двух матросов до тех пор, пока их не подняли на «Сиррус», как оба эти матроса — один из них Престон — умерли позднее, как сам Кэррингтон без посторонней помощи поднялся по тросу на борт эсминца и только тогда все увидели что его левая

нога оторвана выше лодыжки; как с «Сирруса» бросили спасательный конец Дойлу, но он не увидел его и утонул, потому что, оказывается, ослеп.

Николас вскоре понял, что его слушателей больше всего интересовало, как вел себя экипаж «Улисса», как на крейсере возник бунт. Он же рассказывал им совсем о другом: о мужестве и благородстве экипажа этого корабля... И конечно, они не могли поверить в такие качества людей, потому что эти люди, по их мнению, подняли оружие против своего командования, фактически против короля...

Николас пытался объяснить им, но тут же понял, что они не поймут. О чем он мог рассказать им еще? О том, как Вэллери разговаривал с экипажем по радиотрансляционной сети? Как он разговаривал с людьми во время памятного для Николаса изнурительного обхода всех уголков корабля? О том, какими эти люди становились после разговора с командиром? О том, что говорил Вэллери об экипаже, когда умирал? О том, какими люди стали после смерти командира?

Неожиданно он совершенно ясно понял никчемность всего этого рассказа и замолчал совершенно. Человек с серо-стальными волосами задал ему какой-то вопрос, но он не услышал его и ответил совсем невпопад.

— Что? Что вы сказали? — удивленно переспросил он.

Николас заметил, что лицо сидящего за столом адмирала флота было спокойным, а на лице Старра было написано откровенное недоверие.

— Я сказал, что экипаж «Улисса» — это самый лучший экипаж из всех, которые когда-либо имели командиры кораблей, — несвязно пробормотал Николас.

— Понимаю, понимаю, — озабоченно посмотрев на Николаса, сказал человек с серо-стальными волосами. Постучивая пальцами по столу, он медленно перевел взгляд на двух адмиралов, потом снова посмотрел на Николаса.

— Успокойтесь, юноша, отдохните... Извините нас, мы на одну минутку...

Он встал из-за стола и медленно направился к большому окну с нишей в противоположном углу длинного кабинета. Адмиралы последовали за ним. Николас сидел в кресле неподвижно, даже не посмотрел им вслед. Он весь как-то обмяк и усталился невидящим взглядом на стоявшие между его ногами костыли.

Постепенно Николас почувствовал, что голоса в углу стихли. Повернувшись назад, он увидел, что все трое уже подошли к нему и озабоченно смотрят на него сзади.

— Мы очень сожалеем, Николас, — сказал человек с серо-стальными волосами. — Вы больны, а мы дали вам такую большую нагрузку. Выпейте вот этого... Это разбавленный...

— Нет, нет, благодарю вас, сэр, — выпрямившись в кресле, ответил Николас. — Я чувствую себя вполне прилично. — Помолчав немного, он спросил: — От меня требуется еще что-нибудь, сэр?

— Нет, абсолютно ничего, — с искренней и дружеской улыбкой ответил человек с серо-стальным цветом волос. — Вы оказали нам большую помощь, лейтенант, очень большую помощь. Ваш доклад был прекрасным. Большое спасибо.

«Лжет, но по-джентльменски», — с благодарностью подумал Николас.

Он поднялся с кресла, взял свои костыли и пожал руку адмиралу флота и вице-адмиралу Старру. Человек с серо-стальными волосами подхватил его под руку и проводил до двери. Остановившись на секунду, Николас спросил его:

— Извините за беспокойство, сэр, когда начинается мой отпуск?

— С сегодняшнего дня. Желаю вам хорошенько отдохнуть, вы вполне заслужили этот отдых... Куда вы намерены поехать?

— В Хенли, сэр.

— В Хенли! Вы, наверное, шотландец?

— Да, сэр. Семьи у меня нет.

— О... стало быть, девушка, лейтенант?

Николас молча наклонил голову.

Человек с серо-стальными волосами похлопал Николаса по плечу и ласково улыбнулся.

— И хорошенькая, надо полагать?

Николас посмотрел на него, посмотрел в сторону часового, который уже открыл парадную дверь, и ухватился за костыли.

— Я не знаю, сэр, — ответил он тихо. — Я ее совсем не знаю, еще не видел ее.

Он прошел по мраморному полу вестибюля, миновал массивную дверь и вышел на солнечную улицу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
За что погибли моряки крейсера „Улисс“ (Вместо предисловия)	5
Глава первая. Вступление. Воскресенье. После полудня . . .	17
Глава вторая. Понедельник. Утро	38
Глава третья. Понедельник. После полудня	49
Глава четвертая. Понедельник. Вечер	59
Глава пятая. Вторник	68
Глава шестая. Вторник. Вечер	83
Глава седьмая. Среда. Вечер	91
Глава восьмая. Четверг. Вечер	106
Глава девятая. Пятница. Утро	123
Глава десятая. Пятница. После полудня	143
Глава одиннадцатая. Пятница. Вечер	168
Глава двенадцатая. Суббота	185
Глава тринадцатая. Суббота. После полудня	196
Глава четырнадцатая. Суббота. Вечер. I	215
Глава пятнадцатая. Суббота. Вечер. II	237
Глава шестнадцатая. Суббота. Ночь	253
Глава семнадцатая. Воскресенье. Утро	271
Глава восемнадцатая. Эпилог	282

Олистер Маклин
КОРАБЛЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «УЛИСС»
Редактор Ковалев А. П.
Переплет художника Н. А. Абакумова
Технический редактор Коновалова Е. К.
Корректор Фролова В. С.

* * *

Сдано в набор 20.8.67. Подписано к печати 12.10.67.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 9 п. л. = 15,06 усл. п. л.
15,427 уч.-изд. л. Тираж 100 000. Цена 92 к. Зак 4733.

* * *

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-169

Отпечатано с матриц 1-й типографии Военного
издательства, Москва, К-6, проезд Скворцова-
Степанова, д. 3 в 4-й Военной типографии, Киев-15,
улица Январского восстания, 40.

Цена 92 коп.

✻ корабль его величества "Улисс"